
ПОРОГ-АК

АЛЬМАНАХ ВЫПУСК 31

Нереал:

Weiss Toeden. Сизифов журавлик	5
Д. В. Амурский. Полный улёт	11
Дмитрий Сычёв. Танковый биатлон	28
Виталий Капелько. Ребенок мечты	32
Дарья Рубцова. Наследство	40
Сергей Белаяр. Отрицательная селекция	42
Сергей Белаяр. Инопланетный агент	42
Людмила Тюсенкова. Angelus	43
Анна Курлаева. История старого дерева	47
Анна Курлаева. Аквариум	49
Alter Alba. Эффект присутствия	55
Евгений Брагин. Паутина	73
Михаил Рашевский. Эй!	90
Станислав Никишкин. Завтра продолжим	92
Станислав Никишкин. Игрушка	93
Станислав Никишкин. Стальной лис	94
Андрей Мацко. Легенда о Слезолове	97
Александр Аронов. Несносный пришелец	103
Руслан Шагманов. Дверь	108
Павел Жуков. Фея ваших снов	114
Александр Киргетов. Огненная женщина	119
Эра Ст. Выпустите меня отсюда!	122
Елена Смит. Лидочка	125
Владимир Багиров. Встреча с чужаками, или Чужаки вокруг нас	127
Константин Соловянчик. Два мира	132
Эльтрин. Время, вперед!	135
Илья Склярский. Охота	138
Андре Дэуши. Живи	143
Анатолий Махавкин. Грибы планеты Юггот	150

Поэзия:

Николай Проценко. Мозг:

Лобные доли мозга	80
Мозг в мертвом теле	81

Саша Зеленская. Зеркало:

Туда – к космическим просторам... ..	82
Париж	83
Песня о море	84
Вот к зеркалу прильну... ..	85
Альпы	86
Есть в мире на разум какой-либо спрос?	87
Рюмка водки, покрытая хлебом... ..	88
Я не лицом и не походкой... ..	89

* * *

Авторы о себе	156
---------------------	-----

**Учредитель-издатель-редактор
АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ**

<http://www.korepanow.narod.ru/>

«Порог-АК». Выпуск 31. Альманах зарегистрирован в Главном управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство о государственной регистрации КГ № 480/58Р от 17.01.2008 года.

E-mail: alkor06081953@gmail.com

Телефон: (+38) 0993601689

Технічний редактор О. Корепанов
Оформлення обкладинки – _____.
Підписано до друку __.09.2020. Формат 60x84/16

Weiss Toeden СИЗИФОВ ЖУРАВЛИК

Две тысячи четыреста калорий в день доставляет в коробках с концентратом пневмопочта. Это треть минималки. Обогрев ячеек, вода и круглосуточное электричество для компьютера класса «общественный». Это еще треть. Пакет сменных простыней, носков и футболок раз в месяц в обмен на те, которые я кидаю в ту же пневмопочту для прачечной. Все одинаковые, чтобы не было жалко. Но разные цвета в комплекте. И со смайликами. Раз в год меняют воздушные фильтры. Подписка на базовый набор каналов и книг. Вот, собственно, и весь мой безусловный доход. Нет, а что еще надо человеку? На счету остается какая-то ерунда, но даже не знаю, на что можно было бы ее потратить.

Так, зря я отвлекся. Кажется, моего персонажа сейчас замочат-таки эти дурацкие орки. Ага, всё. Зачем только сунулся в подземелье не по росту? Качаться надо было... Казалось бы, куда мне спешить. Ладно. Что там по аниме? О, полнометражка про спортсменок-волшебниц. Вышла наконец-то. Сейчас посмотрим!

И вот я сижу перед экраном, прихлебывая заварной концентрат: в одной миске вкус курицы, в другой – ананаса, можно даже смешивать. Девочки прыгают с жезлами, похожими на гантели, и прямо на глазах превращаются из застенчивых глупышек в сильных и уверенных боевых валькирий. Сценарий написан и отрисован искусственным интеллектом, конечно же. Выверен до секунды. Камера замечает по лицу, что мне скучновато, и тогда в кадр добавляются спецэффекты и переливы. Стало лучше. Немного. Как нам объясняли в школе, нейросеть не слишком старается доставить нам кайф, чтобы не пережечь дофаминовые рецепторы. Поэтому аниме завершается полезной пятиминуткой зарядки, но я ее пропускаю: только поел же, глупая ты машина. Что же, остается еще чат.

Лучшее, что у меня есть, честное слово. Эти мордахи в цветных кружочках – как семья. Неудивительно, их все-таки алгоритм подобрал, еще когда я год назад выпустился из базовой школы. Настоящую-то семью я не видел лет с трех, когда была война. И почти никто из нас не видел. Только парень с ником Альфа-дзета, который на несколько лет старше, помнит своих. Но он глупенький и рассказывает небылицы. Поэтому его в наш чат и определили, несмотря на разницу в опыте. Жаль, что увидеться мы не можем, кроме как на ограниченной видеосвязи: раскиданы в десятках

жилых блоков друг от друга. А с другой стороны, охота была выходить куда-то. На улице круглосуточный мрак от дыма. А в ячейке уютно. Вот, клавиатура с радужной подсветкой, стены выкрашены в сине-зеленый. Это мой любимый. Так на нейротестировании сказали, тогда же и показали мне его – очень понравился, чего спорить.

В чате мы с полчаса обсуждаем, кто что посмотрел и какие спецэффекты видел. Кидаем скриншоты. Подшучиваем над результатами друг друга. У Альфа-дзеты все залито радугами и звездами: его иначе не пробирает вообще никак. Бедняга. Интересно, выжил бы он в старом мире?

«Мегуми – лучшая вайфу», – пишет он невпопад, и все переключаются на смешливую «генки»-блондинку.

В нейроадаптивных аниме даже персонажи у каждого зрителя немного разные. Так что тут есть что обсудить и о чем поспорить. Чья Мегуми лучше: моя, Микки или Альфа-дзеты? Моя больше помогает подругам, у Микки она независима и насмешлива, а к нашему безумному товарищу на экран приходит шумная, но артистичная юная красавица.

Но вот все темы исчерпаны, и тогда Альфа-дзета бросает еще одну нелепую фразу:

«Кто что будет делать?»

«Да уж, такое только ты можешь спросить», – ехидно отвечаю ему я.

«Чтобы что-то делать, надо что-то уметь», – вдруг дает о себе знать участник с ником [МЕТА].

Станный тип. Обычно общается, как все: пишет всякую чушь, кидает смайлы из стандартного набора. А потом нет-нет да и завернет.

«Более того, нужны ресурсы, – продолжает [МЕТА]. – Так как работы у нас нет, то нет и денег. Не добыть ни инструментов, ни программ. Ни даже учебников».

Тут все начинают спорить, нужна ли работа, и разве не здорово иметь безусловный доход и ни о чем не заботиться. В конце концов, это избавляет нас от войны за ресурсы. Эх вы, умники. Я молча читаю, подперев щеки ладонями, пока не устаю. Буквы и картинки рассыпаются, теряя смысл...

Из этого полусна меня выдергивает еще одна фраза [МЕТА]:

«Работа стала привилегией элит. Только лучшие из лучших либо богатейшие из богатейших могут себе позволить заниматься чем-то осмысленным и что-то создавать. Остальным нет места».

«Мой дед говорил...» – начинает и не заканчивает Альфа-дзета.

Вечно пишет кусками, столбиком. Раздражает.

«Говорил: “Я твой дед”?» – шутит другой участник.

«...что работа это праздник».

«Опять бредишь, поехавший, – принимаюсь я тарабанить по клавиатуре. – Люди тогда и не жили-то столько, а у тебя якобы дед был». – И закрываю чат.

И чего я так разозлился?

Откидываюсь на лежак. В голове пусто.

А потом я начинаю понимать. Почему так нетерпеливо пытаюсь броситься на новую локацию в своей ММО. Почему иногда корчу рожи в камеру, сбивая с толку нейросеть-мультипликатора. Почему, когда сижу в чате, что-то зудит внутри. Как будто голод, но в голове.

Я хочу делать что-то сам.

Ничего по-настоящему нового не происходит. Всё предусмотрено. Всё считано с моей головы, скроено и сшито под нее. Еще раньше, чем я успеваю этого пожелать. Скучно.

Пневмопочта пищит: требует обратно миски. Вот зараза, даже такой мелочи не оставит. Я бы из них мог... Мог бы... А что, собственно? На голову надеть? Экран компьютера заунывно мерцает в темноте. Ладно, друг мой цифровой, в твоей базовой подписке доступно еще одно развлечение. Давай его сюда.

«Ваша случайная цитата на день: “Будь проще, и к тебе потянутся”».

Ну вот. Мой крошечный кусочек неопределенности в этом царстве детерминизма. Бесплезный. Вроде новизна, а даже хуже рандома в ММО. Скучно.

– Хосспади, как же скучно... – говорю я вслух.

– Вы желаете обратиться к Господину и Отцу нашему? – доносится из угла нежный и вкрадчивый женский голос.

От неожиданности чуть не подпрыгиваю. Тьфу ты! Это же умная колонка. Так давно не болтал с ней, что напрочь забыл.

– Нет, спасибо, президент меня не интересует, – огрызаюсь я. Не знаю, чем там занимается этот «отец», но точно не проводит круглые сутки за однообразной игрой.

– Адаптирую результаты поиска... Если желаете повторить присягу Господину и Отцу – скажите «один» либо «шестьсот шестьдесят шесть». Если желаете просмотреть историю становления нашего единого государства, прекращения войн, голода, заболеваний и смерти – скажите «два».

– Отмена. Поиск: детерминизм.

Колонка медлит с полсекунды.

– Детерминизм является высшей формой развития общества. Свободный выбор является нагрузкой для мозга, которая более не требуется для выживания, а потому рудиментарна.

– Угу. Прикольно. Другой вопрос: как заработать?

На этот раз цифровой собеседник возится с ответом чуть дольше.

– Заработок является оплатой деятельности, приносящей общественную пользу.

– Хорошо. Как принести общественную пользу?

– В эпоху, когда достигнута вершина благополучия и решены основные проблемы человечества, общество больше не нуждается в развитии. Вся необходимая польза принесена.

– Ясно, – пожимаю я плечами. – Я не нужен. Мы не нужны. Зачем нас тогда обеспечивают?

– Человеческая жизнь и эго являются величайшими ценностями и мерой всех вещей, – без запинки отвечает колонка. – Вы исчерпали свой лимит бесплатных вопросов. Я с радостью послужу вам после внесения оплаты. Текущие настройки оплаты: автоматическая один раз в месяц. Напоминаю, что подписка на умную колонку входит в минимальный пакет услуг комфорта и не может быть отключена.

А жаль. Вырубить бы тебя, да на сэкономленные деньги купить что-нибудь. Сладкий ты кусок пластика.

Некоторое время я просто лежу. Глазею в потолок своей ячейки, где в синеватом свете монитора виднеются швы плит. Проступают из темноты, как вены на руках... Разглядываю руки. Давно этого не делал. Я – величайшая ценность и мера всех вещей. Безымянный палец едва длиннее указательного, а на запястье родинка. Любимый цвет – сине-зеленый, уверял когда-то нейротест, но синеватая мгла потолка вдруг кажется намного привлекательнее. Прищурив глаза, я разглядываю носки: серые в желтый рубец, такие же, как и месяц назад, два, три... Глаза слипаются, и во сне я вижу что-то темно-синее, светло-зеленое. Неяркое, мягкое и по-доброму щемящее. От этого странного полужнакомого чувства после пробуждения остается лишь горечь. Сновидения не прокрутить и не настроить по заказу. И даже не купить. По крайней мере пока нам всем не раздали нейроинтерфейсы. Но лучше не надо. Пусть хотя бы сны мне показывает собственный мозг, плевать хотевший на эго. Хватит с меня услужливых программ и наяву.

...На что я надеялся, заглядывая в приложение библиотеки? Не знаю. Читать ведь ужасно тяжело. В стартовом наборе даются лишь исторические книги и сборник комиксов, бесконечно обновляемый. В него можно было даже не заглядывать: все равно в чате обсуждали свежие главы и выходило даже интереснее и понятнее. На распродаже... Такие же комиксы. И какой-то хлам

из прошлого, оцифрованный ради сохранения культуры. Выбор-то тут был – но между бесполезным и бесполезным. Обман какой-то, а не выбор, короче. Кулинарные книги. Старинные документы. Бесконечные сборники однообразных рассказов из давно ушедшего мира. Песенники с нотами, которых уже никто не понимает. Учебник математики за шестой класс 2024 года. Опять документы. Книга поделок. Книга поделок?! Поделка... Дело... Деятельность! Работа!

Мне хватило на нее, да. На балансе осталось полкредита. Обложка с несимпатичными рисунками каких-то искусственных зверушек. Древние художественные нейросети были не очень-то хороши... Скоро начало казаться, что даже учебник математики был бы лучшим вложением. Для всех поделок нужны были какие-то непонятные, несуществующие вещи реального мира. Желуди, серьезно? Бумага? Этот древний хрупкий материал для обмена информацией? Что же, по крайней мере к некоторым игрушкам прилагались истории. Будет о чем потрепаться с друзьями.

«Освойте древнее искусство складывания бумаги. Предлагаем сделать оригами в виде журавлика. Японские дети верили, что всякий, кто сложит тысячу этих хрупких белых птиц, получит исполнение любого желания, чаще всего – исцеление от болезни».

Светлый маленький силуэт. Всмотрелся – и правда птица. Угловатая и простенькая. Едва похожа, но в этом интрига, загадка. Как он так получился, журавлик? Сложи чуть вкривь, и перед тобой окажется бесформенный комок. И сделать это нужно самому, без помощи идеальных механических слуг. «Исполнение любого желания». Да такого красавца хотелось бы создавать тысячу раз и без награды. Особенно когда у тебя отключен ген старения, зато есть скука и неизменные две тысячи четыреста калорий в день. Но ни бессмертие, ни бесконечная пицца не подарят даже клочка бумаги. Что бы подошло? Я завертел головой, и взгляд мой зацепился-таки за белое. Простыня. Она ведь довольно плотная. Может, что и удастся. Сложу, разложу и снова сложу – это же считается? У меня есть все время мира на попытки. Теперь надо загадать желание.

Вот только какое? Теперь, когда можно было получить что-то за пределами угаданных машинами хотелок, я растерялся. Денег, чтобы закупить себе кучу возможностей? Знаний, чтобы меня взяли в элитные работники и творцы? Нет, лучше – не только меня, но и всех моих друзей. Нет, лучше... Так. Что самое-самое большое и невероятное можно загадать?

«Хочу, чтобы из прошлого стерлось то, что забрало у нас свободу выбора».

Вот. Головокружительно.

Вообще-то, даже не знаю, что именно это было. Изобретение сверхадаптивной нейросети? Перезапись генетического кода? Присяга президенту? Мне наплевать, лишь бы оно исчезло вместе с этой фальшиво-разнообразной и сладковатой, как ананасовый концентрат, бесконечной жизнью. Наверное, в таком мире будет трудно, но я готов и прямо сейчас докажу это.

Дурацкая тряпка не желает складываться ровно, но я буду пытаться, пока не получится. А потом сделаю это еще девятьсот девяносто девять раз.

Д. В. Амурский ПОЛНЫЙ УЛЁТ

Над огромным городом занималась заря. Солнце, еще скрытое за горизонтом, позолотило восточный край неба. Зеленая листва на верхушках деревьев приобрела нежный розоватый оттенок, а махины домов смотрелись так, будто их только что отмыли к празднику.

В кирпичной двадцатидвухэтажке лягнула металлом тяжелая дверь. Из подъезда вышел мужчина с рюкзаком за плечами и удочками в руке. Он спустился с крыльца и зашагал к темному внедорожнику, припаркованному у тротуара. Пискнул брелок сигнализации, мягко клацнули дверные запоры. Открыв багажник, мужчина забросил туда рюкзак и аккуратно уложил удочки. Внезапно его внимание привлек странный шум – не то шелест, не то свист. Повернувшись на звук, мужчина увидел, как что-то темное мелькнуло в воздухе и рухнуло на крышу соседней легковушки. Грохот, скрежет и дребезг разбиваемого стекла сменились истошным завыванием сигнализации сразу нескольких автомобилей...

Телефон во внутреннем кармане завибрировал, и мощный хор флоридских рокеров затянул песню об изменчивости фортуны. Егор вздохнул и полез за аппаратом.

– Кузнецов! Ты где прохлаждаешься?

Голос шефа не предвещал ничего хорошего. Начальник следственной части Степанов уродился невысоким, поэтому всю недостачу в росте компенсировал суровым обхождением. И если уж он звонил подчиненному, то только для того, чтобы поторопить, подогнать или загрузить новой работой.

– Виктор Тимофеевич, здравствуйте! Я иду в отделение.

– Отставить отделение! Дуй на Жигулевскую, тридцать шесть, нужно труп парашютиста поднять.

– Виктор Тимофеевич, это ведь больше не мой участок, это ж теперь участок Козлова! Пусть он протоколом и занимается!

– Козлов в больнице с аппендицитом, а ты там пять лет оттрубил, всех помнишь, всё знаешь.

– А может, кого другого пошлете? Мне сегодня еще на Новокузьминскую нужно.

– Ничего, закончишь на Жигулевской и поедешь...

Возле кирпичной высотки уже стояла скорая помощь, и двое дежурных козырьков из отделения отгоняли любопытных жильцов от помятого автомобиля с телом на крыше. Неподалеку уныло

переминался с ноги на ногу мужчина средних лет в камуфлированной куртке с замком и накладными карманами и штанах той же расцветки.

Егор поздоровался с дежурными, пожаловался на тяжелую долю следователя и начал оформлять протокол. Врач скорой помощи подтвердил наступление смерти, указал время и был так любезен, что даже сам вызвал труповозку. Камуфлированный мужчина оказался свидетелем происшествия. Егор опросил его, затем консьержку и пару женщин из подъезда. «Парашютиста» звали Игорь Быков. Он работал айтишником, ни с кем в доме не конфликтовал, жил один, хотя иногда приводил к себе подружек.

Когда санитары сняли с крыши легковушки изломанное тело Быкова, Егор заметил на вмятой металлической поверхности большие темные беспроводные наушники, соединенные дужкой. Кузнецов когда-то сам приценивался к таким, но предпочел более дешевый вариант. Стало ясно, что покойный не бедствовал.

Осмотр квартиры Быкова подтвердил это предположение. Даже интерьер прихожей наводил на мысли, что здесь вволю порезвился дизайнер-максималист. Белые матовые стены прорезали округлые выемки-соты, в которых виднелись книги, вазы и прочая стильная мелочевка. В спальне, отделанной, как каюта космического корабля, стояла на подиуме футуристическая кровать-кокон. На кухне мебель со встроенной техникой премиум-класса продолжала тематику, заданную прихожей. И лишь кабинет айтишника выглядел относительно консервативно. Егор предположил, что здесь все спланировал сам Быков. Посреди комнаты стояло широкое кожаное кресло с массажным модулем, стоившее если не как автомобиль, то по крайней мере не меньше отечественного мотоцикла. Над большим компьютерным столом, где лежал сбоку потрепанный фолиант «Miracle Tools: Самый полный справочник для разработчиков» с разноцветными закладками-самоклейками, была установлена бесшовная видеостена.

«Живут же люди!» – подумал Егор. С зарплатой следователя такие изыски казались чем-то инопланетным.

Вздохнув, Кузнецов попросил понятых наблюдать за его действиями и внимательно осмотрел дверь, но никаких признаков взлома не обнаружил. В квартире наблюдался некий беспорядок, но это был тот самый беспорядок, который сопровождает каждого нормального человека и без которого жилье превращается в казарму.

Еще раз обойдя квартиру, Егор вернулся в кабинет. Распахнутое окно наводило на мысль, что последний свой шаг Быков сделал оттуда. И в самом деле, если выглянуть вниз, во двор, то сразу же замечаешь помятую крышу легковушки. Представив

себя на месте айтишника, Егор сделал воображаемый шаг и поехал. Ну ее в болото, эту достоверность! И так все понятно.

Решив узнать, чем занимался Быков перед смертью, он подошел к компьютерному столу. Натянул на правую руку резиновую перчатку и осторожно нажал пробел. Видеостена тут же вышла из спящего режима и во все экраны показала клип на песенку модной иностранной группы. Свернув изображение, следователь увидел главную страницу «Miracle View» – популярнейшего веб-сервиса. Встроенный скрипт уже многократно сменил начальный ролик теми, что ненавязчиво рекомендовались пользователям, но в поисковой строке еще оставались слова, введенные покойным: «lyre please kill me».

Егор знал группу «Lyre», игравшую в стиле антик-рок, и помнил песню с таким названием. Очень депрессивная музыка, но чтобы из-за нее выбрасываться из окна?

Он показал рукой понятным, что можно выходить, и случайно задел ботинком какой-то предмет, с легким стуком закатившийся под стол. Егор опустился на четвереньки и рукой в перчатке вытащил из темного угла цилиндрический пластиковый пузырек, в каких обычно хранят лекарства. Встряхнул его и услышал, как что-то внутри перекатилось. Егор надел перчатку и на левую руку, отвинтил крышку и обнаружил несколько капсул, красных и зеленых. Наркота? Понятые уже покинули квартиру и не видели, как он доставал пузырек. Кузнецов мысленно отругал себя за излишнюю поспешность.

Тут телефон во внутреннем кармане снова запел о фортуне. В сердцах помянув матушку своего нетерпеливого шефа, Егор куда-то сунул пузырек и вытащил трубку.

- Кузнецов! Где тебя черти носят?
- Я на Жигулевской. Осматриваю квартиру трупы.
- Хватит из себя Шерлока Холмса изображать! Нам всяки не нужны! Протокол оформил?
- Да, Виктор Тимофеевич.
- Мухой сюда!
- Но мне же еще на Новокузминскую...
- Отставить Новокузминскую! Прокурорские подождут!

Вернувшись в отделение, Егор доложил начальнику о том, что сделал и что увидел в квартире Быкова. Степанов выслушал его и поставил задачу: дождаться результатов вскрытия и сразу подготовить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. После этого он отпустил следователя в прокуратуру.

Наутро Егор пришел в отделение и первым делом позвонил судмедэксперту. Тот сообщил, что акт о вскрытии еще не готов.

Не закончили его и к вечеру. Чтобы не получить новый нагоняй от Степанова, Егор решил сам наведаться на Велозаводскую.

Бюро судебно-медицинской экспертизы и криминалистики казалось вымершим, но через щель под дверью секционной прорывался свет. Следователь постучал, ему открыл жующий коренастый мужчина в голубом медицинском костюме и прозрачном полиэтиленовом фартуке. Егор показал удостоверение:

– Старший лейтенант Кузнецов, ОВД «Кузьминки». Я вам звонил по поводу акта о вскрытии.

Коренастый дожевал и посторонился.

– Заходи, старлей.

В просторной комнате, облицованной светлым кафелем, на блестящем столе из нержавеющей стали лежал частично вскрытый труп. Подсвеченное ярким операционным светильником человеческое тело в красно-бурых пятнах смотрелось жутковато. Егор сглотнул и отвел глаза. А ведь и он сам может оказаться на таком же столе! И кто-то равнодушный будет рыться в его внутренностях и делать пометки о том, что покойный курил и вел нездоровый образ жизни. Кузнецова даже передернуло от внезапно возникшей жалости к себе. Не такое он представлял, когда в детстве мечтал о работе сыщика.

Тем временем судмедэксперт подошел к другому столу, поменьше, полистал журнал и нашел нужную страницу.

– Понимаешь, с этим Быковым вроде все понятно. Смерть наступила в результате множественных повреждений внутренних органов, опорно-двигательного аппарата и закрытой черепно-мозговой травмы. Но в желудке покойного обнаружилось вещество, которое я еще не смог однозначно идентифицировать.

– Наркота?

– А хрен его знает! В перечне наркотических средств такого не значится. Я отправил пробы на дополнительный анализ, чтобы уж наверняка. Так что извини, старлей, быстро не получается.

По пути домой Кузнецов нащупал в кармане цилиндрический предмет. Достав пластиковый пузырек, он машинально потряс им возле уха. А ведь наверняка это то самое вещество, которое судмедэксперт обнаружил в желудке покойного! Но приобщать к делу вещественное доказательство следователь почему-то не захотел. Да и поздно было...

Утром Егор доложил шефу про затруднения с актом о вскрытии. Степанов хмыкнул и злорадно произнес:

– Значит, принимай еще одно дело, следователь. Может, оно и к лучшему. В городе с понедельника начинается месячник профилактики наркомании, алкоголизма и табакокурения. Если

мы к этому мероприятию что-то покажем наверху – будем в шоколаде. У тебя есть шанс подсуесться и раскопать что-нибудь дельное. К примеру, новый препарат, отсутствующий в перечне, и повара, который его варил. Поможешь отделению – отделение поможет тебе! Но чтобы висяка не получилось! Понял, Кузнецов? Куй железо, не отходя от кассы! А то вместо МУРа отправишься в постовые.

– Так точно, Виктор Тимофеевич!

Сначала Егор наведалься в контору, где работал Быков. Компания располагалась на окраине города в недавно отстроенном пятиэтажном здании с огромными окнами. Просторный паркинг украшали красные, желтые и голубые буквы в рост человека, складывающиеся в название «SuperSoftLab». Такие же литеры, только больше, виднелись на крыше.

Модельного вида секретарша за стойкой, похожей на творение скульптора-кубиста, долго выясняла у начальства, что ей делать, но в конце концов проводила следователя в огромный зал на втором этаже, где творили за компьютерами рядовые сотрудники, а из-за прозрачных стеклянных стен офисов-аквариумов этот процесс контролировали руководители направлений. Егора принял лысый мужчина в синих джинсах и футболке с логотипом компании.

– Быков? Умер? Очень жалко. Такой был хороший парень! Работал за троих, никогда не подводил со сроками. Эм-гулс знал как свои пять пальцев.

– А с кем он больше всего контактировал?

– Да вы поговорите с Ксенией Волковой, она была его тим-лидером.

Тим-лидер оказалась коротко стриженной коренастой блондинкой. Глянув на нее, Егор решил, что джинсы и футболка с логотипом были в «SuperSoftLab» чем-то вроде униформы. Женщина с высоким гладким лбом выглядела молодо, но морщинки в уголках серых глаз и чуть набрякшие нижние веки выдавали ее возраст. На первый взгляд Ксения держалась уверенно, хотя следователь сразу заметил, что она не знает, куда деть руки. Тим-лидер то машинально отдирала заусенцы на больших и указательных пальцах, то обхватывала кистью правой руки свой тяжелый подбородок. Про Быкова женщина говорила только хорошее и тяжело вздыхала, упоминая о его смерти. Когда же Егор без обвиняков спросил, принимал ли Быков наркотики, Ксения испугалась:

– Что вы! Да как можно! У нас в компании это категорически запрещено!

Но расширившиеся зрачки тим-лидера и расцарапанные до крови пальцы свидетельствовали о другом. После этого вопроса

Ксения совсем закрылась, вскоре сослалась на занятость и ушла, оставив следователя одного.

Егор огляделся и спросил проходившего мимо прыщавого юнца в синих джинсах и футболке с логотипом, где тут можно покурить. Тот указал на балконную дверь. Выйдя под легкий ветерок, не справлявшийся с клубами табачного дыма, следователь застал на балконе оживленный обмен мнениями между сотрудниками «SuperSoftLab». Он уловил слова «эм-банк», «эм-койн» и «хакнули». Разговор велся на программистском жаргоне, и его содержание было не очень понятно следователю. Дождавшись паузы в беседе, он как можно непринужденнее спросил:

– Мужики, а кто у вас лучше всех шарит в эм-тулс?

– Я! – быстро ответил лысоватый мужчина чуть постарше остальных. Остальные тут же рассмеялись.

– Смотри, услышит тебя Игорек, будет за консультациями приходить! – глумливо произнес долговязый парень в желтой толстовке и черных джинсах. Такое одеяние, наверное, свидетельствовало о независимости характера.

– А вашего мнения, Влад Тимофеевич, я не спрашивал! – парировал лысоватый.

Он щелчком отправил окурок в блестящую нержавеющую урну-пепельницу и гордо покинул балкон. Оставшиеся немного пошутили о завышенной самооценке некоторых сотрудников и начали расходиться. Егор незаметно показал Владу удостоверение и попросил остаться, чтобы поговорить. Долговязый согласился.

Следователь решил не сообщать ему о смерти Быкова и заявил, что ищет лучшего спеца по «Miracle Tools» по работе, что ему порекомендовали Игоря и что сначала он решил проверить, действительно ли это так. Влад подтвердил, что лучше Быкова в этой теме не разбирается никто.

Чтобы расположить к себе парня, Егор упомянул Ксению и сказал, что за таким тим-лидером они как за каменной стеной. Влад скептически хмыкнул, но возражать не стал. Тут снизу, из отъезжающей машины, донесся вульгарный русский шансон. Заметив, как скривилось лицо айтишника, следователь перевел разговор на музыку. Он признался по секрету, что терпеть не может блатные песни, а предпочитает антик-рок.

Влад радостно закивал и сказал, что Быков – страстный поклонник группы «Lyge». Год назад Игорь за кучу ай-койнов купил два билета на их концерт в «Adrenaline Stadium». В VIP-зону, на лучшие места! Влад закатил глаза от восторга, выдержал паузу и сообщил, что Игорь повел на этот концерт Машку, свою девушку. А потом они вдруг перестали встречаться. Влад недоумевающе поглядел на Егора и развел руками: дескать, пойми этих женщин.

Следователь молча кивнул в ответ и тяжело вздохнул, правда, по другому поводу. Его работа с постоянными авралами и сверхурочными совсем не оставляла времени для личной жизни.

Фотография Быкова с подругой нашлась у Влада на смартфоне, а еще айтишник вспомнил, что девушка учится в университете на химфаке. Егор тут же ненавязчиво спросил, не повышая голоса:

– А дурь Машка Игорю подвозила?

– Нет, у него знакомый профессор был из Второго меда. Он ему такие улетные колеса подгонял! Как дедлайн, так Игорек на апере всю нашу тиму тащил. Ой, наверное, этого не нужно было говорить...

Чуть постращав сболтнувшего лишнего Влада, Егор взял у него номер телефона, а также номер Маши и отправился в университет. По пути следователь нашел страничку Быкова в «Miracle Note», популярной социальной сети, и покопался в списке его друзей. К счастью, профиль Маши оказался открытым. С фамилией и датой рождения уже можно было смело идти в учебную часть. Строгая инспектриса пятого курса, увидев удостоверение Егора, сообщила ему номер группы и домашний адрес девушки.

Пятикурсникам читали лекцию по высокомолекулярным соединениям. Заглянув в поточную аудиторию, следователь окинул взглядом студентов, строчащих конспекты в тетрадках. Несмотря на весь прогресс в электронике, сотни исписанных листов бумаги оставались главным инструментом при получении знаний. Егор машинально потрогал большим пальцем правой руки ложбинку и бугорок от ручки на верхней фаланге среднего. Бесконечная писанина являлась самым ненавистным слагаемым его профессии. А вот распутывание всех обстоятельств того или иного дела до сих пор вызывало энтузиазм. Именно поэтому Егор хотел переступить в МУР, но сначала требовалось пройти внеочередную аттестацию, которой он очень опасался...

Прозвенел звонок. Лекция закончилась, студенты начали расходиться. Кузнецов едва не упустил Машу, но тут ее окликнула однокурсница, и девушка остановилась поболтать. За это время Егор смог рассмотреть бывшую подругу Быкова. Среднего роста, стройная и изящная. Таких любят носить на руках мужчины. Одета со вкусом. Аккуратно расчесанные, чуть вьющиеся длинные волосы цвета яркой меди спускаются до самых лопаток. На правильном немного удлинённом лице можно разглядеть милые веснушки. Глаза... Пока следователь пытался определить, какого цвета ее глаза, Маша закончила разговор и подошла к нему сама.

– Мы знакомы?

– Нет. Пока нет.

– А какого ... ты на меня пялишься? – довольно грубо поинтересовалась девушка.

– Старший лейтенант Кузнецов, ОВД «Кузьминки». – Егор показал удостоверение и с ехидством наблюдал, как Маша прикусила губу.

– Извините.

– Ничего, бывает. Где мы можем поговорить?

Отойдя вместе со следователем к дальней стене просторного холла, девушка присела на широкий подоконник и вопросительно взглянула на Егора. А тот раздумывал, как лучше построить беседу. Стоит ли сообщать Маше о том, что Быков погиб? Решив, что жуткая правда быстрее поможет добиться искренности, Егор рассказал о смерти айтишника. Девушка замерла, минуту просидела в полной неподвижности, потом прижала ладони к лицу и заплакала. Худенькие плечики задрожали. А следователь стоял рядом и чувствовал себя последней сволочью. Ему захотелось обнять девушку, прижать к себе и успокоить. Но в данной ситуации это было бы совершенно неуместно.

Наконец Маша перестала плакать. Егор глянул на ее покрасневшее лицо, сделавшееся еще более привлекательным, и с трудом задал вопрос. Девушка подтвердила, что у них с Быковым был роман. Они познакомились в сетевой многопользовательской игре «Miracle World». Оба интересовались античностью и, повстречавшись однажды вживую на фракционном ивенте, почувствовали родство душ. Им было приятно общаться, потом общение переросло в нечто большее. Она даже подумывала о том, чтобы переехать жить к айтишнику. Но не так давно на концерте «Lyre», которого Игорь дожидался почти год, они вдрызг разругались. С тех пор Маша не встречалась с Быковым, игнорировала его звонки и не отвечала на запросы в «Miracle Note». Она даже перестала входить в «Miracle World».

Когда Егор начал допытываться, какая кошка между ними пробежала, девушка смутилась, еще больше покраснела и начала теревить пальцами ремень сумочки. Кузнецов спросил наудачу:

– Из-за дури? Из-за того апера, который Игорь тебе предложил? Маша кивнула.

– Он дал мне какую-то красную капсулу, сказал проглотить ее и подумать о чем-то простом. Например, загадать число. А потом начался концерт, и меня так накрыло, что я до жути испугалась.

– Почему?

– Ну, представьте себе, что вы видите и ощущаете все до мельчайшей детали. Можете дословно вспомнить каждую песню, каждую ноту, которую сыграл любой из музыкантов группы, каждое слово, которое сказали зрители на соседних рядах. При

этом я видела Игоря так, как не видела никогда, понимала каждый его жест, каждое слово, могла даже ощущать его невысказанные мысли. Это полный улет! И я жутко испугалась. Мне казалось, что я вот-вот растворяюсь во всех этих подробностях и забуду, кто я есть. Я психанула, наорала на Игоря и ушла с концерта. Ночью ужасно болела голова, потом меня еще два дня колотило, как при лихорадке. Игорь звонил, но я не отвечала.

– Понятно. А Игорь не говорил вам, откуда у него эти капсулы?

– Нет, но я слышала, как он общался с каким-то Львом Ивановичем. И еще упоминал перед этим кафедру информации...

Кафедры информации во Втором меде не нашлось. Зато там имелась кафедра фармации, на которой работал профессор Лев Иванович Носиков. Изучив его фотографию на доске «Наши сотрудники», Егор решился на авантюру. Он на время поменялся в коридоре куртками со студентом, посулив тому столик на пиво, затем втянул живот, ссутулился и постучался в дверь кафедры.

– Войдите.

– А можно Льва Ивановича? – ломким голосом проблеял Кузнецов. – Я от Игоря Быкова.

– Я сейчас, – быстро сказал коллегам широкоплечий мужчина с большой залысиной на лбу и направился к двери.

Егор постарался сделать как можно меньше и всем своим видом изобразить неуверенность. Видимо, это ему удалось, поскольку Лев Иванович глянул на его куртку ядовитой расцветки, кивнул, сделал приглашающий жест рукой и вышел в коридор. Когда они оказались в пустой аудитории, Носиков закрыл за собой дверь и сказал:

– Я слушаю вас, молодой человек.

Он выглядел как преподаватель, принимающий последнюю пересдачу у нерадивого студента, и это здорово помогло Кузнецову поймать нужное настроение. Егор, запинаясь, пробубнил, что никак не может сдать экзамен по квантовой физике, что послезавтра последняя пересдача, а ему от страха так худо, что никакие формулы не лезут в голову. Потом добавил, что сосед по подъезду Игорь Быков сообщил, что у Льва Ивановича есть замечательный апер, как раз для такого случая, и что Быков сам его колесманил, когда запаривался на работе.

Носиков выслушал его без особого интереса, даже с некой брезгливостью, потом быстро спросил:

– Так где вы живете?

– На улице Жигулевской, дом тридцать шесть. Там за театром два кирпичных дома стоят, как две дуги два пи поделить на три каждая. Я в левом живу, на десятом. А Игорь – на пятнадцатом...

Носиков перебил его:

– Достаточно. Я могу вам помочь. Это будет стоить... – Он написал на доске мелом пятизначное число. – Если вас это устраивает, позвоните мне по этому номеру, как соберете сумму. – В другом углу появилось десятизначное число.

Егор закивал, а Лев Иванович стер записи на доске тряпкой и направился обратно на кафедру.

– Говоришь, профессор поваром заделался? – уточнил Степанов.

– Да, Виктор Тимофеевич. Он мне сумму написал и номер телефона дал – можно брать его с поличным. Подпишете расходник?

– Мог бы и своими обойтись, – буркнул начальник, но кассовый ордер подписал. Потом задумчиво произнес: – Странно, что он не потребовал оплаты в «эм-койнах». На них уже почти все купцы и барыги перешли.

– Так ведь «эм-банк» на днях взломали, и «Miracle Inc.» временно заморозила все операции в «эм-койнах». – Егор прочитал эту новость на смартфоне по дороге в отделение. – Говорят, что хакеры из России.

– А откуда еще? – хмыкнул Степанов.

Получив деньги, Егор позвонил Носикову. Лев Иванович ответил не сразу, говорил тихо, но все же назначил встречу на два часа дня в кафешке рядом с медицинским центром. Видимо, находился на занятиях. В отделении следователя снабдили спецсредствами и проинструктировали, как правильно записывать разговор и как подавать сигнал опергруппе.

За десять минут до условленного времени Кузнецов сидел за столиком в зале с зелеными шторами на окнах и полосатыми светильниками, висящими на длинных проводах. Кресло, обтянутое светло-коричневым искусственным нубуком, оказалось не очень удобным, и Егор постоянно ерзал, пытаюсь найти положение, при котором ему в поясницу ничего бы не вбивалось. Но тщетно.

Официант принес меню. Глянув на список блюд, Кузнецов вдруг вспомнил, что с самого утра ничего не ел. В животе противно заурчало. Но какой смысл заказывать еду, если ты сюда пришел за другим?

Профессор появился ровно в два. Он сел напротив Егора и без лишних слов протянул правую руку ладонью вверх. Кузнецов суетливо вытащил конверт и сунул Льву Ивановичу. Тот заглянул туда, одобрительно хмыкнул и спрятал конверт во внутреннем кармане. Затем поставил на стол цилиндрический пластиковый пузырек.

– Игорь вам рассказывал, как принимать?

– Нет.

– Сначала красную. Лучше всего проглотить, не разжевывая. Потом нужно подумать о чем-то ясном и отчетливом, например, представить себе число или то, что вы хорошо знаете. Это будет ключ.

– Какой еще ключ? Игорь ничего о ключах не говорил, – тянул время Егор.

– Ключ к вашей памяти. Когда красная капсула подействует, вы сможете запоминать всё до последней детали. Ваш мозг будет работать в форсированном режиме несколько часов подряд. Как вы этим воспользуетесь – ваше дело. Можете штудировать учебник или конспекты, можете просматривать видеозаписи или ходить на концерты, как делают некоторые меломаны. Всё, что вы увидели или услышали, надежно зафиксируется, при этом ваш неокортекс будет трудиться так, как никогда еще не трудился! Я вам это гарантирую! Но только несколько часов. Форсаж – штука опасная и кратковременная по определению.

– А сколько часов? – всерьез заинтересовался Егор.

– Три. Может быть и четыре, и пять. У всех по-разному. Потом обязательно наступит спад: мозгу потребуется обновить запас питательных веществ и удалить все вредные. Рекомендую хорошо поспать после форсажа, иначе будет сильно болеть голова.

– А что потом?

– Потом вам понадобится зеленая капсула. Вы ее так же проглатываете, и вспоминаете ключ. Постарайтесь, чтобы он появился перед внутренним взором как можно ярче. Тогда всё, что вы увидели и услышали, когда действовала красная капсула, вы вспомните так же отчетливо, как и тогда. У зеленой эффект долговременный, так что если вы заучите учебник по квантовой физике, то, теоретически, он останется в вашей голове навсегда.

– Вы это гарантируете?

– Абсолютно!

– А кто вам такой чудный апер делает?

– Я сам.

Егор нажал кнопку, спрятанную под одеждой, и четко произнес:

– Гражданин Носиков! Вы задержаны по подозрению в убийстве по неосторожности и распространении наркотических средств.

По сигналу в зал кафе вбежали оперативники...

На допросе в отделении Лев Иванович признал, что поставлял Быкову капсулы, но отказывался признать себя виновным в его смерти.

– Я много раз проверял их на себе! Они совершенно безвредны! Это тщательно подобранная совокупность нейромедиаторов, форсирующая деятельность мозга. Я работал над ними десять лет! От них в окно не прыгают!

– Судебно-медицинская экспертиза показала, что Игорь Быков совершил самоубийство, находясь под действием вашего препарата. – Егор положил копию акта перед Носиковым.

Тот пробежал глазами текст и отбросил листок в сторону.

– Мои капсулы тут ни при чем! В конце концов, люди на себя руки накладывают и без всякой химии. Может, он с девушкой своей поругался?

Степанов, присутствовавший на допросе, но не проронивший ни слова, сделал знак Егору, и они вместе вышли в коридор, оставив задержанного под наблюдением дежурного.

– Ну что, Пинкертон? У тебя на этого повара ничего нет!

– Как нет, Виктор Тимофеевич? Акт судмедэксперта, записи с задержания, его пальчики на пузырьке. Разве этого недостаточно?

– Вещество еще не содержится в перечне наркотических средств. Чтобы доказать, что оно должно быть туда внесено, нам нужно будет бежать с красным флагом по минному полю. И не факт, что даже месячник профилактики наркомании поможет в этом. Это раз. Стало быть, наш профессор больше не повар. А торговлей капсулами пусть экономисты занимаются, у нас же нет жалоб от потерпевших по поводу мошенничества? Чистуху ты из него не выбьешь, не того полета птица. Видел, как он держится? Это два. И насчет Быкова профессор верно говорит: мало ли от чего люди в окна сигают? Он же там сзади не стоял и в спину не толкал. Так что отпустить этого Носикова придется через сорок восемь часов, иначе виноватым будешь уже ты, Кузнецов. И получит наше родное ОВД очередной всяк по твоей милости. Это три. А кое-кому после этого не видать МУРа как собственных ушей. Это четыре.

– Но как же быть, Виктор Тимофеевич? Если его отпустить, кто даст гарантию, что очередной клиент не сойдет с ума или не бросится под машину, проглотив его капсулу?

– Ты, Кузнецов, собери все материалы по делу и занеси мне. А я уж придумаю, как сделать правильно...

В глазах начальника молодой следователь заметил алчный огонек.

Ближе к вечеру, когда Егор вышел покурить с коллегами на крыльцо, к отделению подъехал большой черный внедорожник. Из него выбрались два высоченных крепких парня в костюмах и пружинисто направились к двери. Походка ребят свидетельство-

вала, что в рукопашную с ними лучше не вступать. На проходной они показали синие удостоверения и скрылись в недрах здания.

- Тяжелые, – уважительно кивнул знакомый оперативник.
- Фэбсы? – уточнил Егор.
- А кто еще?

Минут через десять крепыши вышли из отделения, ведя под руки профессора. Носиков не сопротивлялся. Заметив Егора, он даже криво улыбнулся, но не проронил ни слова. Хлопнули дверцы, мягко зарокотал двигатель, и внедорожник медленно отъехал от крыльца.

- Твой повар? – осведомился опер.
- Мой, – не стал вдаваться в подробности Егор.

Докурив, он заглянул к начальнику.

- Виктор Тимофеевич, а куда увезли Носикова?

– Я передал его «Старшим Братьям». Один мой знакомый на Лубянке очень заинтересовался капсулами. Говорит, что им такое в хозяйстве пригодится. Так что с тебя пузырь, Кузнецов, висяк я спихнул. А для месячника мы что-нибудь другое придумаем начальству.

Сидя в кабинете, Егор размышлял о покойном Быкове и обстоятельствах его смерти. Игорь был меломаном и концерта любимой группы дождался почти год. Чтобы впечатления о шоу оказались максимально яркими и запомнились навсегда, он принял красную капсулу и уговорил подругу последовать своему примеру. Но Игорь не ожидал, что Маша отреагирует на нейромедиаторы так болезненно. В результате, помимо любимых песен Быков зафиксировал в памяти еще и страшную истерику любимой. Но что заставило айтишника через несколько дней проглотить зеленую капсулу? Тоска по девушке или элементарное любопытство? Этого уже не узнает никто. В любом случае, совместное воздействие депрессивной музыки и еще более депрессивных воспоминаний о скандале и разрыве с Машей привело Быкова к роковому шагу. А может быть, в его жизни случилось еще что-то плохое?

Егор вздохнул: Быкову просто не повезло, в этой истории он оказался единственным пострадавшим. Его девушка погрустит немного, а потом найдет себе другого парня. Профессор Носиков, скорее всего, получит под свое руководство первоклассную лабораторию, где будет разрабатывать новые капсулы уже для «Старших Братьев». Но наверняка продавать нейромедиаторы на сторону ему больше не дадут.

Начальник следственной части Степанов, вероятно, тоже себя не обидел. Принцип «ты мне – я тебе» был основой во взаимоотно-

ношениях между стражами порядка и «Старшими Братьями», и за этот щедрый подарок Тимофеича когда-нибудь отблагодарят тем или иным способом.

Вечером, когда Егор уже собирался домой, его вызвали в дежурку.

– Кузнецов! Тут консьержка звонит с Жигулевской, тридцать шесть. Говорит, что соседи слышали, как кто-то ходил в квартире твоего трупа. Заглянешь к ним?

Егор возмутился для виду, выдал что-то пафосное про эксплуатацию и рабовладение, но когда его пообещали подвезти дежурным экипажем, согласился зайти по адресу. По пути следователь в ярких красках расписал интерьер жилища Быкова, и один из наряда вызвался составить компанию при осмотре квартиры. Консьержка помогла собрать понятых из подъезда.

Поднялись на пятнадцатый этаж. Егор продемонстрировал всем собравшимся порванную бумажку с печатью ОВД, попросил консьержку отпереть дверь запасными ключами и вошел первым. Включив свет, он полюбовался футуристическим дизайном прихожей и направился на кухню. Внимание следователя привлекла толстая керамическая чашка на столе. На доньшке остался кофе. Егор показал на посудину понятым, и ему в голову пришла интересная идея. Он упаковал чашку в специальный пакет, пояснив, что изымает ее как вещественное доказательство. Затем прошел в спальню, поднялся на подиум и внимательно обследовал кровать-кокон. Подняв пинцетом темный волос, Егор продемонстрировал его понятым и тоже уложил в пакетик. Подобная же участь ждала расческу из прихожей, зубные щетки из ванной комнаты и карту памяти. Он вытащил ее из объемистой профессиональной зеркалки «Сапог», которая хранилась в серой наплечной сумке, стоявшей у компьютерного стола.

Сделав напоследок несколько фотографий смартфоном в кабинете и закончив с осмотром квартиры, Егор составил протокол, в котором описал все собранные вещдоки. Документ подписали понятые. О том, чтобы возвращаться домой, Кузнецов уже даже и не помышлял. Он договорился с дежурным экипажем, чтобы подвезли его до отделения, уселся на заднее сиденье со всем своим «уловом» и принялся думать. Но мысли путались. Егора все время что-то отвлекало: то разговор коллег впереди, то светфоры. Потом в животе заурчало, и Кузнецов снова вспомнил, что ничего не ел с самого утра.

Буфет в отделении уже закрылся. Занеся вещдоки в кабинет, Егор сбегал к дежурным и разжился парой бутербродов и пачкой печенья. Включив электрический чайник, спрятанный от пожар-

ной инспекции на нижней полке запирающегося металлического шкафа, следователь наметил план действий. Сначала – анализ ДНК, затем – новый опрос свидетелей. И под занавес – одиночный мозговой штурм...

Тридцать шесть часов спустя Егор постучался в дверь начальника следственной части.

– Виктор Тимофеевич, можно?

– Заходи, Кузнецов. Что-то ты быстро выздоровел. Пузырь принес?

– Кое-что получше. Я раскрыл дело «парашютиста».

– Ой ли? Ну, давай, Пинкертон, валяй, только быстро. Мне еще на летучку нужно.

Егор уселся напротив Степанова и положил справа от себя картонную папку.

– Мы думали, что Игорь Быков выпрыгнул в окно. Так?

– Да.

– Мы ошибались! Вот ДНК-профиль Быкова, а вот профиль «парашютиста». Видите? Это два разных человека! – И два документа легли на стол перед Степановым.

Начальник глянул на них мельком и поднял голову:

– Обоснуй!

– Позавчера в квартиру Быкова кто-то входил. Он пил кофе, оставил чашку. Вот протокол осмотра и акт об изъятии вещественных доказательств. Чашка там проходит под номером один. А еще есть волосы с подушки и с расчески, и слюна с зубной щетки. Вот анализ ДНК: это был сам Быков Игорь Александрович. Живехонький!

– А кто же тогда «парашютист»?

– Вещественное доказательство номер пять: карта памяти из фотоаппарата. Кадр номер семьдесят – шестьдесят пять. На нем Быков и еще один человек. Смотрите, они очень похожи, почти как братья! Свидетели опознали во втором Жарова Максима Викторовича, известного также по прозвищу Хак Соло. Вот протокол допроса. Кстати, этот Хак Соло, когда взламывал те или иные системы, оставлял после себя след, цитаты из «Звездных войн».

– Ну просто дети, честное слово!

– Так точно, Виктор Тимофеевич. Взрослые дети с преступными наклонностями. Этот Жаров уже задерживался, и в архиве сохранился анализ его ДНК. По генетическому профилю получается, что это и был наш «парашютист».

– Интересно. Это что же, Быков его в окно выбросил?

– Вполне возможно. А теперь посмотрите на эти три фотографии!

– Так, домик... Какой-то странный... Под старину, что ли? И здесь он же. Кузнецов, зачем я на это должен смотреть? Не забудь, мне еще на летучку идти!

– Первая фотография висела у Быкова в кабинете на стене. Вторая взята с сайта компании «Christie's International Real Estate». На обеих изображена вилла Айтос на Лазурном берегу. Ее построили в начале двадцатого века для одного английского миллионера, собирателя античных реликвий. По сути, это точная реконструкция древнегреческой приморской усадьбы с острова Делос, как там строили во втором веке до нашей эры.

– И?

– А на третьей фотографии дом, который нарисовал себе Быков в игре «Miracle World». Видите сходство?

– Да. Но ближе к делу, Кузнецов.

– Так вот, виллу Айтос больше не показывают на сайте «Christie's International Real Estate». Похоже, что ее продали, причем буквально на днях.

– И что?

– Также на днях пользователь Prometheus2002 купил в игре «Miracle World» целую планету. Как раз ту, на которой располагался дом, очень похожий на виллу Айтос.

– И почему нынче планеты?

– Дорого, Виктор Тимофеевич. Очень дорого! Наши с вами квартиры столько не стоят.

– А Prometheus2002 это у нас Быков?

– Так точно, Виктор Тимофеевич. Это подтверждается показаниями его подруги Маши. – И Егор положил перед начальником очередной документ.

– А где же теперь наш богатенький Буратино?

– Полагаю, что Быков уже на Лазурном берегу.

Егор вынул из папки список пассажиров позавчерашнего ночного рейса SU 2478 Москва – Ницца, где желтым маркером был выделен Жаров Максим. Потом выложил на стол фотографию с камер наблюдения аэропорта и достал из кучи отпечаток кадра 7065.

Степанов глянул список, потом внимательно рассмотрел снимки, отложил их в сторону и поднял голову:

– А это ты где раздобыл?

– Да нашлись добрые люди...

– Ладно, продолжай, только в темпе!

– Как я вам уже говорил, несколько дней назад взломали «эм-банк». Хакеры оставили на главной странице банка портрет Магистра Йоды и его высказывание: «Темная сторона Силы скрывает все. Предвидеть невозможно наше будущее».

– Жаров?

– Вместе с Быковым. Свидетель из «SuperSoftLab» подтверждает, что они были близко знакомы. – Егор достал из папки очередной документ и положил перед Степановым. – Быков его даже на работу приводил несколько раз.

– Ладно, оставь мне все это добро. Ты вчера очень плодотворно поболел... Всем бы так! – Лицо начальника приобрело такое же загадочное выражение, как в тот момент, когда Егор отдавал ему все материалы на Носикова. – Можешь отдыхать до завтра. Всё, помчал я на летучку!

Выйдя в коридор, Кузнецов почувствовал, что ему и в самом деле стоило бы отоспаться. Авральная работа двое суток подряд высосала все его силы. Зато когда Егор вспоминал, как трудился его мозг в форсированном режиме, душу переполняла гордость. Эти капсулы творили чудеса: под действием нейромедиторов самые запутанные обстоятельства дела становились совершенно ясными. Действительно, полный улет, как говорила Маша. Жаль только, что капсул осталось совсем немного. И следователь нащупал в кармане цилиндрический пузырек.

Потом Егор подумал об электронном кошельке, пароль от которого ему прислали из «Miracle Ink.» в обмен на копии загранпаспортов Быкова и Жарова, фотографии айтишника и виллы Айтос, а также изображения страниц гроссбуха по «Miracle Tools», заложенных закладками, и пары рукописных схем, обнаруженных в нем. Услуги следователя оплатили очень щедро. Вдобавок прислали всю информацию, которую он запрашивал по поводу покупок Быкова в «Miracle World». Зло будет наказано, а кто это сделает, «Старшие Братья», или софтверные гиганты, особой роли не играло. Главное, что он исполнил свой долг перед обществом и сделал шаг навстречу мечте.

Егор зевнул, потер уставшие глаза и зашагал домой.

Дмитрий Сычёв ТАНКОВЫЙ БИАТЛОН

Семья Варкиных проживала в обычном бетонно-панельном на окраине города. Профессии родителей Вани были такими же заурядными, как и, собственно, этот бетонный дом. Мать – учительница начальных классов, отец – простой военный. Что касается отношения к жизни и мироощущения, то все тоже было вполне стандартно. Мать и отец были большими патриотами, и каждый вечер, когда они приходили с работы, а Ваня возвращался из детского сада, вся семья садилась к телевизору на просмотр очередного, выходящего ровно в девять, выпуска боевых новостей.

Так было и сегодня.

– За прошедший день ситуация на фронте не изменилась, – сообщила ведущая в строгом костюме. – Однако наши гвардейцы благодаря своему мужеству и отваге сумели захватить в плен вражеского офицера, в ходе допроса которого выяснилось, что враг на следующей неделе планировал контратаку на северо-западном направлении. Благодаря умелым действиям наших контрразведчиков подлые планы наступления противника были сорваны! Ура, ура, ура! – с воодушевлением прокричала ведущая, встала с кресла и, приложив руку к сердцу, запела:

Живи в веках, на-ше Отечество!
Дави сталь-ным каблуком на-ших врагов!
Умрем мы все вместе
За наше Отечество!
Услышит планета
Грозную поступь
Родных сапогов!

Как только прозвучали первые ноты этого незамысловатого гимна, мать с отцом тоже встали. Маленький Ваня, напротив, попытался в очередной раз схитрить, оставшись на диване, но тут же подчинился грозному взгляду отца.

После завершения вечернего пения семья принялась за ужин.

– Сынок, – серьезным, но в то же время показательно бодрым по-армейски голосом начал отец. – Как у тебя обстоят дела в детском саду с танковым биатлоном? Воспитательница сообщила, что ты не сумел удержать первенство в группе и вместо положенных пятнадцати целей поразил всего девять. Как это понимать?

Маленький Ваня стыдливо опустил глазки в тарелку, а отец грозно продолжил:

– Я потомственный офицер третьей категории и не желаю получать позорные новости о таких провалах! Ты как мой сын и защитник Отечества должен гордо и упорно нести знамя самого успешного танкового стрелка в группе. В конце концов, мы военная, боевая семья, а не какие-то там тыловые крысы!

– Прости, папочка, такое больше не повторится, – совсем уже подавленный отцовским гневом, проговорил Ванечка, от обиды и злости сжимая изо всех сил вилку в своих маленьких, но уже мозолистых ручонках.

Но отца такой ответ не успокоил. Варкин-старший распался все больше и больше.

– Как ты смеешь?! Как ты смеешь так меня подставлять?! Мне сегодня командир дивизии лично высказал, что если мой сын еще раз допустит такую оплошность, то не видать мне следующей категории в этом году как своих ушей! Ты ставишь под угрозу мое положение по службе! И еще: ты забыл, что у тебя на носу финал?!

Изначально планируемый спокойный разговор обернулся бешеным монологом отца семейства. Ванечка все так же сидел с потупленными глазами. По его щечкам потекли слезы.

– Ну хорошо, сегодня я добр, – вдруг смягчился отец. – Получишь не десять ударов плетью, а семь. Но учти, если такое повторится, в следующий раз получишь все десять. Ты меня понял?

– Да, папочка.

– Иди ложись и снимай штаны.

Ванечка поплелся в соседнюю комнату. Отец последовал за ним. Через некоторое время оттуда донесся свист плетки и грозные слова Варкина-старшего:

– Я сделаю из тебя человека, сделаю!

В волнующий день финальной игры все семьи были при параде. Отец Ванечки – в идеально выглаженной армейской форме, наодеколоненный и тщательно выбритый. Мать – в строгом костюме, строгих очках и с безукоризненной укладкой. Ванечка был одет в новый черный комбинезон танкиста. Этот комбинезон вместе с начищенными сапогами и шлемофоном вселяли в сына военного неописуемую гордость и ощущение необычайной важности сегодняшнего мероприятия. Он был не один. На сияющем чистотой плацу стояли еще семеро таких же мальчиков. Они были лучшими в городе. Они были элитой этих игр.

На трибуну поднялся ветеран войны Василий Васильевич Петровский. Живая легенда! Танкист, уничтоживший семнадцать укрепочек противника. Подумать только! Даже за одну уничтоженную укрепочку полагался орден Героя Родины, а тут целых семнадцать! От осознания этого Ваня пришел в неописуемый

восторг. Он попал в число тех, перед кем сейчас будет выступать этот герой!

– Сердечно приветствую участников финального состязания по танковому биатлону! – начал свою речь Петровский. – Сегодня очень важный день не только для вас, дорогие юные участники, но и для ваших родителей. В этот день наша священная Родина предоставила вам, лучшим из лучших, уникальную возможность показать свой героизм и любовь к Отчизне. Сегодня вы можете не только на словах, но и на деле продемонстрировать ваши таланты. Продемонстрировать готовность не только говорить, но и действовать! С тех пор как наше доблестное командование армии приняло судьбоносное решение задействовать в танковых играх воспитанников детских садов, эффективность танковых подразделений повысилась на тридцать два процента – благодаря тому, что мы смогли делать танки в два раза меньше, чем танки противника! Это большое достижение! Спасибо вам, наши юные друзья, за вашу доблесть, мужество и за ваши труды! Спасибо матерям, отцам и всем остальным членам семей за то, что из ваших заботливых рук выходят такие герои, как эти юные танкисты!

Вал аплодисментов покатился по плацу.

Петровский включил интерактивную карту и продолжил:

– Приступаем к делу. Ставлю задачу: в финальном состязании вы, юные танкисты, используя маневренность и незаметность своих боевых машин, должны пробраться через две линии обороны противника, обозначенные на карте цифрами «один» и «два», а затем подавать укрепку «три».

Молчание.

– Вам понятна задача, товарищи танкисты?

– Так точно! – что есть силы синхронно прокричали семеро юных финалистов.

– А теперь отдаю приказ: по машинам!!! – взревел Петровский.

Под аплодисменты зрителей и вспышки фотокамер мальчики бросились к своим машинам. Ванечкин танк под номером четыре носил имя «Проворный». Открыв башенный люк, Ванечка забрался в боевое отделение. Из динамика раздался новый приказ:

– Товарищи финалисты, запустить двигатели!

Ваня нажал кнопку электростартера, и машина тихо заурчала. Внутри было темно и очень тесно, а снаружи, пробиваясь сквозь сантиметры брони, доносились звуки гимна.

Тут Ваня услышал, как кто-то взобрался на башню танка. У верхнего люка заработал сварочный аппарат, и в боевое отделение посыпались искры...

Машина уже всю набрала ход. Подвеска плавно проглатывала кочки. Первая линия обороны была успешно пройдена. На

пути стояла вторая... Ванечка давил и давил на педаль газа. Он изо всех сил хотел выиграть финал. Он изо всех сил хотел доказать отцу, что он может. Он хотел, чтобы отец им гордился.

Маневрируя между оврагами, Ваня вдруг заметил по правому борту что-то металлическое и вытянутое.

«Странно, – подумал он. – Раньше на играх такого не было. Мы просто подъезжали к площадке, отстреливались и уезжали...»

Его недоуменные мысли были прерваны раздавшимся снаружи грохотом, за которым последовал сильнейший удар в правый борт, словно по танку стукнули огромным кулаком. Броня заскрежетала – и тут по танку был нанесен новый удар, и опять в правый борт. На этот раз снаряд угодил в двигатель, и тот загорелся. Машина заглохла, боевой отсек заволокло дымом.

Сначала Ваня испугался и растерялся, но потом сумел взять себя в руки. Он понял, что надо уходить, поскольку температура в отсеке быстро росла, и бросился к верхнему люку. Однако заваренная крышка не поддавалась...

По щекам Вани потекли слезы.

– Мама! – пронзительно закричал мальчик.

Этот вопль был последним – третий снаряд угодил в топливный бак, и танк взорвался.

Ведущая в строгом костюме все так же бодро рапортовала о чем-то с экрана телевизора. Совсем недавно из сухой военной телепередачи Варкиным стало известно, что Ванина танковая группа в полном составе попала в засаду. Мать тихо плакала, а отец стеклянными, широко раскрытыми глазами смотрел на экран. Ведущая продолжала что-то говорить, но что именно – он не понимал. Он не слушал ее. В голове была пустота. Отец не мог поверить, что сына больше нет. И лишь одна мысль брезжила в пустоте – мысль о том, как ужасна все-таки война...

В углу комнаты стояли начищенные еще утром ботинки, а на шинели блестели тщательно отполированными звездами ровно пришитые погоны.

Виталий Капелько РЕБЕНОК МЕЧТЫ

– Зоя! Зоя! – закричал Вадим из другой комнаты.

Этонисколько не удивило Зою. Годы совместной жизни показали, что ее муж с абсолютно одинаковыми эмоциями может реагировать как на новое приложение для смартфона, так и на увеличение коммунальных тарифов.

Вадим вихрем влетел в небольшую кухню и включил сразу все лампочки. Зоя поморщилась от яркого света.

За то время, пока росли дети и все средства были брошены на их воспитание, супруги Чертышёвы привыкли экономить буквально на всем. Телек – только бесплатные каналы с рекламой на половину экрана, свет – только на минимум, утилизация мусора – не чаще одного раза в три дня. И даже когда от них съехал Артемка, получив диплом с индексом общественной полезности 74, привычка осталась.

Вадим повернул жену к себе лицом и медленно, смакуя каждое слово, сказал:

– Нам разрешили завести еще одного ребенка!

– Ой! – только и смогла произнести Зоя, от неожиданности забыв все слова на свете.

– Не ой, а да! – Вадим усадил жену за кухонный стол и всунул ей в руки свой смартфон. – Смотри сама, читай вслух! Только что пришло на мою электронную почту.

Текст был написан сухим чиновничьим языком:

– Уважаемые супруги Чертышёвы! В соответствии с обращением от третьего апреля две тысячи семьдесят восьмого года, зарегистрированным в базе Службы контроля рождаемости и планирования семьи под номером 38/67925, сообщаем... – Зоя на секунду задержала дыхание и расплакалась.

– Чего разревелась? Дальше самое главное! – Вадим выхватил смартфон из ее руки и продолжил сам: – Сообщаем, что протоколом заседания постоянно действующей комиссии по Московской области от двадцать третьего апреля текущего года номер триста восемнадцать вам разрешено завести четвертого ребенка (плюсмена) с возможностью корректировки его биологических характеристик. Срок действия разрешения – до первого мая текущего года. Вы должны явиться двадцать четвертого апреля в десять ноль-ноль на прием к инженеру-корректору Ивану Смирнову (плюсмену ВИМД92) в Центр рождения. Информация о предоставлении неоплачиваемого отпуска на один день уже направлена в адреса ваших работодателей. Спасибо за прояв-

ленное неравнодушие. Вместе мы строим счастливое будущее Единой Европы!

– Так это завтра? – замороженно произнесла Зоя, вытерев слезы.

– Да! – возбужденно ответил Вадим. – Мы так долго этого ждали! У нас будет идеальный ребенок!

– У нас уже есть три самых лучших, самых замечательных в мире мальчика, – произнесла Зоя укоризненно.

– Да, и мы их очень-очень любим, они лучшие на свете, – быстро поправился Вадим. – Но теперь у нас будет еще и идеальный ребенок, ребенок нашей мечты. Наша девочка. – Он обнял свою уже немолодую жену за плечи. – Ты согласна?

– Да. Мы назовем ее Надеждой.

Чертышёвы, не сговариваясь, решили побаловать себя перед походом к инженеру-корректору: Зоя зажарила на завтрак мясо настоящей курицы, а Вадим разорился на зарядку электромобиля для поездки в Центр рождения, хоть тот и находился недалеко – буквально тридцать пять остановок на метро.

В целом, утро 24 апреля было наполнено предвкушением чуда и обычного, человеческого, счастья, а поэтому прошло в полной тишине. Ведь о чем можно говорить, если все давно решено, а их мечте исполнилось двадцать пять лет?

Ровно столько лет назад была запущена Всеобщая программа корректировки рождаемости и стали не просто возможны, а обязательны невероятные вещи – с 1 января 2053 года заработали Центры рождения по всей Единой Европе. Пол, рост, вес, интеллект, способности – всё выбиралось до рождения. Так появились плюسمены – инженерно-спроектированные и генетически усовершенствованные люди.

В вестибюле одного из Центров рождения, самых охраняемых объектов во всей Единой Европе и полностью спрятанных под землей, Чертышёвых встретил вежливый администратор. Он просканировал отпечатки пальцев, проверил документы и направил супругов к лифтам.

Это не бросалось в глаза, но, как показывали по телеку, только роботизированных охранников на входе в каждый Центр рождения было не меньше сотни. Еще больше людей и техники круглосуточно защищало расположенные на самых нижних этажах серверы и лаборатории от взлома и проникновения со стороны Китая, Южной Америки, Японии и Северных Штатов, которые спали и видели как украсть технологию создания плюсменов. По тому же телеку говорили, что при малейшем подозрении на нападение или нарушение безопасности уже через двенадцать

секунд (службы национальной безопасности Единой Европы особенно этим гордились) нарушителя блокируют, а через тридцать секунд уничтожат.

Лифт доставил Чертышёвых на минус двадцать третий этаж. Там они с помощью светящихся указателей нашли нужный кабинет и попали на прием к инженеру-корректору Смирнову, плюсмену ВИМД92.

Код, добавляемый к имени каждого плюсмена, был Чертышёвым понятен. ВИМД – высший инженерный интеллект с медицинским уклоном, 9 – максимальный уровень, дающий способность и право на руководство компаниями любой формы собственности без ограничения по уровню капитализации, 2 – второе поколение с повышенной адаптивностью и скоростью восприятия информации. Получалось, что Иван Смирнов родился после 2063 года и ему максимум пятнадцать лет. Скорее всего, он недавно окончил университет и сейчас отрабатывает обязательные пять лет по распределению.

Инженер-корректор оказался классическим плюсменом – оптимальный рост сто восемьдесят сантиметров, привлекательная, близкая к эталонной внешность, подтянутая фигура, белоснежная улыбка, густая шевелюра, ярко-голубые приветливые глаза и, несомненно, великолепное здоровье. По меркам обычных, неулучшенных, людей, ему было лет тридцать – тридцать пять.

Вадим вздохнул. На его лице отразилась тень то ли печали, то ли зависти. Ни он, ни трое его сыновей никогда не будут обладать и десятой частью такого здоровья, красоты, ума и таланта.

Даже после чистки генома. Ведь таким можно родиться только из пробирки.

– Здравствуйте, проходите и присаживайтесь. – Иван жестом указал на кресла перед большим столом, а затем подошел к Чертышёвым и попросил их плюнуть в пластиковые емкости.

В центре стола включился объемный экран, а потом открылась полость, куда он вставил пробы ДНК, оперативно выделенные из слюны.

– Так, заявка одобрена. – Инженер-корректор сел за терминал объемного экрана. – Список возможных генетических параметров мне понятен. Можно приступать к разработке вашего ребенка.

Зоя почувствовала неловкость. Плюсмен говорил о ее мечте, ее девочке, как о каком-то товаре. Очень буднично и абсолютно безразлично.

– Давайте посмотрим, что тут у нас получается. В соответствии с разрешением вы можете завести мальчика...

Зоя и Вадим одновременно прервали Ивана:

– Как – мальчика?!

– Так решила постоянно действующая комиссия по Московской области.

– Почему мальчика? – еще раз спросила Зоя. – Мы уже вырастили трех сыновей и теперь хотим девочку.

– Именно потому, что вы обладаете достаточным опытом воспитания мальчиков, а также имеете материально-техническую базу для его роста и развития, вам выдано такое разрешение. Это сугубо прагматичное решение комиссии, направленное на экономию ресурсов Единой Европы.

– Но мы хотим девочку! – вспыхнула Зоя.

– Вы, наверное, не совсем понимаете смысла Всеобщей программы корректировки рождаемости, – вздохнул Иван.

– Понимаем, мы прочитали достаточно литературы на эту тему, – парировал Вадим.

– Да, не сомневаюсь, – сказал молодой плюсмен, но по его лицу было видно, что он полон сомнений. – Сколько вашим детям?

– Олегу тридцать, Кириллу двадцать восемь, а Артему недавно исполнилось двадцать шесть.

– Вот. Все они родились простыми детьми. Так сказать, по старинке, – снисходительно произнес инженер-корректор Смирнов, выведя на экран досье детей Чертышёвых. – По базе я вижу, что для обычных людей они вполне эффективны и полезны для Единой Европы.

Вадим вздохнул – он опять столкнулся с пока еще редко проявляемым превосходством плюсменов.

Четверть века лет назад правительство, социологи, общественные деятели всерьез размышляли о возможных проявлениях дискриминации в отношении детей, появляющихся из пробырки. Рассуждали о том, что неполиткорректно говорить «супер», «доработанный», «новый», «исправленный» или «улучшенный» человек. А затем долго и упорно придумывали недискриминирующее название, в итоге решив пойти по пути модельного бизнеса, где были модели плюс сайз. Поэтому усовершенствованных людей называли плюсменами.

Кто бы мог подумать, что через двадцать пять лет от скрытой дискриминации начнут страдать обычные люди? И сколько времени пройдет до начала принудительной сегрегации? Радовало только одно – где-то лет через семьдесят эта проблема исчезнет вместе с последним обычным человеком. В Единой Европе останутся одни плюсмены.

– Наша планета истощена. – Иван вывел на экран агитационный правительственный проморолик. – Главным ресурсом становится человек. И поэтому именно новые, спроектированные для нужд экономики люди являются ключевым фактором

успеха в конкурентной борьбе. Ведь, как вам известно, миф о глобализации превратился в суровую правду жизни – глобальную конкуренцию. И мы не имеем права в ней проиграть.

– Мы в курсе, смотрим новости, – попытался прервать речь плюсмена Вадим, но у него ничего не получилось.

– Каждое государство решает, какой путь выбрать, – продолжал Иван. – Китай жестко сортирует и тренирует людей с детства, заставляя их делать то, что требуется их стране в данный момент. Индия выбрала путь фармацевтики, превращая людей в биомеханизмы, отравленные наркотиками и стимуляторами. Южная Америка сделала ставку на ускоренный естественный отбор, там самая непродолжительная жизнь, в среднем, около тридцати лет. Хуже всех, по нашему мнению, поступили Северные Штаты и Япония – там стали на путь превращения людей в киборгов; еще десять-двадцать лет – и там от человека ничего не останется. Повторюсь, это глобальная конкуренция. Если мы хотим в ней победить, и если вы хотите, чтобы ваш ребенок имел средства на кусок хлеба с маслом, надо проявлять гражданское сознание и работать на благо Единой Европы! – эмоционально закончил свою речь Иван.

– Вы забыли упомянуть Африку, – не сдержалась Зоя. Она уже немного успокоилась и пыталась собраться с мыслями.

– Все забыли про Африку, – поджав губы, ответил инженер-корректор Смирнов. – Поэтому, чтобы не стать второй Африкой, Единая Европа выбрала путь плюсменов, который лишен недостатков всех остальных существующих вариантов развития. Ведь не зря против нас идет негласная война в попытке украсть технологию создания улучшенных людей. Напротив, у нас есть ряд потрясающих преимуществ – жизнь без болезней, внешняя красота, счастье от возможности быть полезным обществу, гарантированная работа, четкая специализация и уверенность в завтрашнем дне.

– И полная предсказуемость, – с небольшой ноткой печали добавил Вадим.

– Если для вас это минус, то можете считать это платой за возможность выжить.

– Мы вас поняли, Иван. Что мы можем сделать, чтобы изменить этот параметр? – вежливо и с надеждой в голосе спросила Зоя. – Чтобы завести девочку.

– При доплате в сорок тысяч кредитов, которая погасит убытки государства от дополнительных расходов и недополученной рабочей силы мужского рода, вы сможете выбрать девочку.

– Можно написать пару сообщений? – спросил Вадим, перекинувшись взглядом с женой.

– Конечно, – ответил Иван, что-то быстро набирая на терминале. – Наверно, вы хотите связаться со своими детьми, попросить у них финансовой помощи?

– Да.

– Мудрое решение, я проверил ваши и их банковские выписки. При согласии ваших детей и выдаче банком займа на десять тысяч кредитов вы вполне можете себе это позволить.

Смарт Вадима несколько раз провибрировал, реагируя на поступившие сообщения. Все сыновья с радостью откликнулись на просьбу родителей. Он повернул смарт экраном к жене. Ее охватило чувство любви и благодарности к детям.

– Мы согласны оплатить сорок тысяч кредитов, – сказала Зоя.

– Великолепно! –отреагировал инженер-корректор Смирнов, потирая руки.

Наконец-то можно было приступать к самой интересной части – формированию нового человека, совершенного плюсмента.

– Начнем. Средняя продолжительность жизни – семьдесят лет, плюс еще пять при здоровом образе жизни.

– Мне кажется, это маловато, – неуверенно произнесла Зоя.

– Не переживайте, с учетом ускоренного формирования плюсмента к десяти годам, срок ее полноценной, взрослой, жизни составит не менее шестидесяти лет. Вашему поколению, – Иван немного снисходительно посмотрел на чету Чертышёвых, – о таком остается только мечтать.

– А можно как-то увеличить этот срок? – спросил Вадим.

– Вы поймите, государству невыгодно долгое время содержать выработанный ресурс. При поддержании жизни свыше семидесяти пяти лет возникают накладные расходы, значительно превышающие затраты на создание и подготовку нового плюсмента.

– И сколько лет заложено в вас? Судя по вам и вашим параметрам, ваши родители смогли позволить себе компенсировать государству приличную сумму. Или даже до соточки лет не дотянули?

– Это закрытая информация и к делу не относится, – немного нервно ответил Смирнов, глядя на экран, где с одной стороны уже мелькали различные варианты внешности проектируемого ребенка, а с другой прокручивались требуемые государству специальности.

– Не сомневаюсь! – Вадим окинул победным взглядом инженера-корректора. Он все-таки смог ответить на постоянные завуалированные нападки Ивана.

– Итак, – протяжно произнес тот. – Стоимость составляет пятнадцать тысяч кредитов за каждые дополнительные пять лет с максимальным сроком продолжительности жизни сто лет, а

далее двадцать тысяч кредитов за каждый дополнительный год. Но я так понимаю, вы эти суммы не потянете.

– Нет, – вздохнул Вадим, переглянувшись с женой. – Берем базовую опцию.

– Хорошо. Прежде чем приступить к формированию черт внешности и будущей профессии, необходимо разобраться с интеллектом ребенка. С учетом вашего опыта, доходов и образования предел интеллекта пять из девяти с возможностью выбора инженерного или гуманитарного направления. Таким образом, государством будет гарантировано бесплатное средне-техническое образование. Например, инженера-наладчика оборудования, программиста-механика, снабженца или бухгалтера какой-нибудь инвестиционной компании.

– Но мы хотим, чтобы наша девочка стала актрисой, спортсменкой или ученым-биологом. Можно ли выбрать одно из этих направлений с интеллектом хотя бы восемь?

– Поймите же, гениальные мозги требуют гениальной огранки. Мы не создаем гениев – мы создаем физиологические условия. Дальше дело за малым – воспитание, обучение и социализация. Это требует больших денег. Если еще есть уверенность в вашей способности воспитать и социализировать такого ребенка, то денег на обучение у вас точно не хватит.

Вадим опустил голову – на его глазах рушилась его мечта, и он ничего не мог с этим сделать. Очень захотелось выкурить последнюю, третью разрешенную электронную сигарету в этом месяце. Но пришлось сдержаться. Нельзя давать повод молодому инженеру-корректору в очередной раз отметить свое превосходство над обычными людьми – ведь плюсмены обладают повышенным иммунитетом ко всем вредным привычкам, занесенным в специальный реестр Единой Европы.

Зоя взяла мужа за руку и, глядя ему в глаза, задала вопрос Ивану:

– А если мы заплатим за повышенный интеллект нашей дочки?

– Нет. Этот параметр не обсуждаем. В дополнение к сомнениям, что вы не справитесь, есть четкая инструкция правительства ограничить рождение детей с интеллектом выше семи, так как в первом и втором поколении было создано достаточно высокоинтеллектуальных плюсменов, а также плюсменов с творческими способностями. Сейчас нашей промышленности и экономике не нужны ученые, изобретатели, актеры и музыканты. – Инженер-корректор стал нажимать клавиши на терминале, и весь экран занял список востребованных профессий. – За последние пятнадцать лет благодаря плюсменам было создано такое количество научно-исследовательских разработок, что не хватает рук

для их внедрения. Стране требуются узкие квалифицированные рабочие и специалисты во всех отраслях – операторы, техники, наладчики, механики, испытатели, ремонтники, бухгалтеры, водители. Применяется золотое правило Робертсона: минимум населения при максимальной его полезности.

Расстроенные Чертышёвы молча сидели, слушая молодого плюсмента. Они не ожидали, что реальность окажется именно такой. Ни в одном рекламном ролике Центров рождения не говорилось о тех проблемах, с которыми они сейчас столкнулись.

И тут на экране промелькнула надпись «АКЦИЯ», от которой Иван отмахнулся, как от назойливой мухи.

– Что это было? – встрепенулся Вадим.

– Не обращайтесь внимания, сущая ерунда. Какой-то умник решил, что это кого-нибудь заинтересует. Предлагается экспериментальная разработка – ребенок-плюсмен с нефиксированным набором внешности и уровнем интеллекта, а также без заданного срока жизни. Все будет зависеть исключительно от генома родителей. Вы представляете, даже пол выбрать нельзя! – воскликнул инженер-корректор.

Чертышёвы многозначительно посмотрели друг на друга и улыбнулись.

Дарья Рубцова НАСЛЕДСТВО

Небо было огромным перевернутым колодцем. Оно зависло над моей головой, готовое пролиться потоком звезд, и я невольно втянул голову в плечи.

– Дедушка? – Ирма возникла прямо у меня за спиной. – Дедушка, посмотри на меня!

Я улыбнулся. Смотрю, принцесса, смотрю.

Такая красивая, вся в мать: чернокудрая, стройная...

– Ты должен вспомнить. Куда ты положил ключ? Это важно!

Я опустил на траву. Боже, как хорошо. Какой вечер – теплый, июльский. Сказочный.

– Ты сказал, что оставил все состояние мне. Но завещание, в котором это написано – в твоей банковской ячейке. Где ключ от ячейки, дедушка?

– Не помню. – Я вздохнул. – Завещание... Так значит, внученька, ты отдала мое тело импамат? Чтобы они покопались в моих мозгах?

Ирма смущенно потупилась. Потом кивнула.

– И сейчас я – это не совсем я... а лишь образ, созданный на основе воспоминаний?

Она упрямо поджала губы.

– Дедушка...

– Ирма... – Я опять вздохнул и выразительно посмотрел на нее. – Но ведь я не умер. Я заморозился. Оплатил криоцентру двести лет, и меня разморозят, когда ты уже умрешь. Милая. А наследство ты получишь, только если с центром что-то случится. Но с ним ведь все в порядке, да?

Она топнула ножкой.

– Дедушка! Ты – ужасный эгоист! Ты двести лет будешь лежать! А мне нужны деньги. Сейчас!

Кузнечики у моих ног стрекотали так отчаянно, словно делали это последний раз в жизни. Виртуальный мир...

Похоже, импаты воссоздали вечер перед моей заморозкой. Да, точно. Послушав кузнечиков, я тогда пошел в дом, где меня уже ждали представители криоцентра.

– Дедушка, мы с Томми... В общем, Томми знает одного парня, он помог нам пройти в твой центр. И провести импатов. Дедушка, я вынуждена предупредить. Если ты не скажешь, где ключ, мы тебя... деньги тебе уже не понадобятся.

Я прикрыл глаза.

– Хорошо. Ключ в другой ячейке. Я скажу ее номер, но там пароль...

– Стоп!

Свет вокруг был синим, а кабинка, в которой я стоял – тесной. Я толкнул дверь и вышел. Прищурился, прикрывая глаза ладонью.

– Это не всё...

– Знаю.

После моего разговора с внучкой прошло почти двести лет...

Я сказал ей неверный пароль. Поэтому, когда Ирма добралась до ячейки, сработала охранная система. Надеюсь, моя маленькая принцесса не успела ничего почувствовать.

– Спасибо. – Я кивнул прыщавому юноше-импату.

Тот пожал плечами.

– Любой каприз за ваши деньги. Кстати, довольно сложно было работать с замороженным телом. Странно, что вы распорядились замораживать, а не хоронить тела потомков.

Я сглотнул.

– Хотел посмотреть потом их воспоминания. Двести лет, история поколений... Но после Ирмы ведь не осталось никаких потомков.

Когда я вышел из центра, уже наступила ночь.

Но не было ни кузнечиков, ни звезд. Только плотный смог, окутавший мое новое небо.

Сергей Белая ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ СЕЛЕКЦИЯ

Натура ветерана труда и потомственного садовода не позволила пройти мимо форменного безобразия, устроенного на самом лучшем участке дачного товарищества.

– Ты что же это, совсем из ума выжил? – накинулся на соседа потомственный садовод. – Ты же делаешь всё наоборот! Надо лучшее отбирать, холишь и лелеяешь его. А ты это самое лучшее из земли выдергиваешь и в костер кидаешь как мусор. Оставляешь одни лишь сорняки и пустую траву.

– Мой огород – что хочу, то и делаю, – огрызнулся сосед, не прекращая заниматься своим делом.

Ветеран труда и потомственный садовод схватился за сердце. Ноги отказывались держать. Нельзя так поступать с семенами и саженцами. Неправильно это.

– Хорошего урожая не жди. Весь огород твой зарастет пусто-зельем. Чем детей кормить будешь?

– Иди своей дорогой! – Сосед угрожающе поднял лопату.

Ветеран труда и потомственный садовод поспешил убраться от греха подальше.

А Сталин раскурил трубку и зло бросил вдогонку:

– Ты еще поучи меня людишек выращивать, говнюк. Чем хуже, тем лучше.

ИНОПЛАНЕТНЫЙ АГЕНТ

– Вы отлично справились, агент. – Властный старый рептилоид пожал руку девочке-подростку.

– Благодарю вас, куратор.

– Ваше предложение касательно принудительного оприми-тивления *Homo sapiens* и последующего использования людей в качестве рабов вызвало у Верховного правителя большой интерес и заслужило всецелое его одобрение. Верховный правитель намерен использовать практику «Грета Тунберг» и в других звездных системах.

– Кто добровольно отказывается от достижений науки, тому суждено на веки вечные оставаться дикарем, – чрезвычайно гордая собой, сказала девочка-подросток. – Главное – это преподнести ярмо как заботу о собственном благе жертв.

Людмила Тюсенкова
ANGELUS

Моника перелистнула пожелтевшую страницу толстого журнала. В мастерской у Клима было уютно и тепло, а свет, в отличие от других художественных студий, в каких она бывала, не был таким ярким и убийственно-белым. Обычная люстра с желтыми лампочками давала Климу достаточно освещения, чтобы писать ночью. Чем он сейчас и занимался. Отвлекать его или разговаривать с ним было бесполезно – судя по сосредоточенным энергичным движениям, он полностью ушел в работу. Моника поджала пальцы на ногах, натянула повыше плед и снова взялась за старую советскую прозу. Несколько дней назад, разбирая кладовку в этой же мастерской, доставшейся Климу от отца, она обнаружила целую подшивку журналов «Новый мир» за несколько лет. Открыла полистать наудачу один из выпусков, да так и не смогла оторваться. Так что каждый из них был занят своим делом, и никто никому не мешал. За окном чернела мокрая осенняя ночь, отчего в мастерской становилось еще уютнее. Настоящий рай.

– Здесь мне нужен ангел, – услышала Моника тихий голос Клим.

– Что? – Она подняла голову.

– Ангел мне нужен. А у меня нет. – Клим, сидя на корточках, досадливо копался в ящике с красками, иногда поглядывая на незаконченный холст.

Моника нашарила ногами тапочки, отложила журнал и плед и подошла к мольберту. Картина изображала что-то библейское, со стилизацией под Боттичелли или кого-то менее известного. Центральную фигуру Клим еще не проработал, а в правом верхнем углу были намечены карандашом несколько херувимов, едва тронутых кистью.

– М-м... Он должен быть вот здесь? – неуверенно спросила Моника, указывая пальцем на фигурки с крыльями.

– Что? – Клим отвернулся от ящика и снизу вверх посмотрел на нее. – А! Ты про ангела! Я не это имел в виду. Краска кончилась, ангелус, акриловая. Так называется. Особый оттенок розового, другой не подойдет. Она не садится и не темнеет, как остальные. Лежит ровненько, ярко, будто светится. Уникальная краска, только у Рафика такая есть.

Он встал, отряхнул ладони, еще раз посмотрел на картину.

– Но да, ты права. Мне нужен ангел для ангела.

Оба улыбнулись.

– Завтра пойдем в магазин к Рафику и купим тебе ангела, – сказала Моника. – Может, я сделаю чаю?

– Да, верно. Давай почаевничаем. Ангел дотерпит до завтра.

Они выпили чаю, но спать пока не хотелось. Творческие натуры, оба не ложились раньше двух ночи, а часы показывали только начало первого. Телевизора в студии не было, ехать домой Монике совершенно не хотелось, так что она снова забралась на диван с журналом, надеясь, что и Клим присоединится к ней в скором времени.

Но художник все не мог успокоиться. Попытавшись тоже что-то почитать, он через пять минут начал ерзать, сопеть, потом встал, пошел в кладовку, откуда донеслись звуки передвигаемых ящичков, снова вернулся к холсту, взял в руки палитру, изучил ее...

– Я не могу, Мон. Не усну. Мне очень нужен ангел прямо сейчас.

– Где же я тебе в три часа ночи возьму ангела, милый? – переиначила она старый анекдот. – Ну правда, Клим, сейчас уже нигде не купишь краску. Если только позвонить кому-то из твоих друзей? Вдруг у них есть?

– К Рафику ближе. Пойдем, попытаем счастья.

Клим принялась обуваться.

– Ты серьезно? Пойдешь будить человека ради краски? Он же тебя пошлет и будет прав. А если его нет дома? А если он не один? Ну это невежливо, в конце концов...

– Попытка – не пытка. Пойдем. Хоть пройдемся, подышим. Все равно не усну.

Моника вздохнула, натянула свитер, резиновые сапоги и непромокаемую куртку, и они вышли в сырую подворотню, усеянную желтыми кленовыми листьями. До магазина с романтическим названием «Перо и лира», в котором продавалось все для занятий творчеством, рукоделием и музыкой, идти было четыре квартала. Продавец, он же завскладом и кассир Рафик, когда-то одалживал у Клима инструменты для ремонта. Так что художник знал, что тот живет рядом с магазином. И как близкий знакомый считал себя вправе явиться среди ночи по такому серьезному поводу, как нехватка уникальной краски.

– Раф... Рафа... Ты дома? Это Клим...

Художник стоял на газовой трубе и держался за железку, торчащую из стены панельной пятиэтажки. Едва дотягиваясь до окна на втором этаже, он осторожно, чтобы не перебудить соседей, стучал в стекло. Потому что не помнил кода подъезда. Как должен отреагировать человек, которому ночью стучат в окно второго этажа – Клим не задумывался.

Моника стояла внизу, спрятав ладони под мышками, и скептически наблюдала происходящее. Она пыталась привести какие-то

разумные доводы против авантюры с трубой и стуком в окно, но быстро поняла, что Клима не остановить. То ли ему действительно так нужен был этот ангел, то ли дело пошло на принцип.

Старая деревянная рама с шумом отворилась, задребезжав стеклами. Из окна высунулась смуглая горбоносая физиономия.

– Кто тут?.. Что... Клима? Что случилось? Здравствуйте... – Продавец заметил Монику и кивнул ей.

– Рафа, открой магазин, а? Пожалуйста. Очень нужен ангел. Писать не могу...

– Тьфу ты, больной! Я думал, случилось что. Вот вы, художники, народ... Это как будто трубы горят у тебя, да? Спать не можешь и в окно влезть готов за пузырем. – Рафик гоготнул. – Сейчас спущусь, слезай.

* * *

– Спасибо вам большое, вы нас очень выручили, – сказала Моника.

Радостный Клима рассовывал по карманам баночки с акриловой розовой «особого оттенка», а Рафик складывал мятые купюры в кассу.

– Да не за что, красавица, – добродушно произнес он. – Сматри зато, какой Клима счастливый. До утра теперь не заснет, малевать будет. Да, Клима?

– Это уж точно, – отозвался художник, светясь энтузиазмом. – Спасибо, Рафа, вечный твой должник. Спокойной ночи тебе!

Клима схватил подругу под локоть и потащил к выходу из магазина.

Рафик закрыл кассу и задумчиво потер лоб.

Ангелуса осталось мало. Нужно пополнить запасы, вдруг опять прибежит такой вот бешеный среди ночи. Этим художникам, как пьяницам, нельзя без своевременной дозы, а то с ума сойдут.

Продавец вздохнул. Ну, раз он все равно уже здесь...

В маленьком, идеально чистом закутке рядом со складом всё хранилось в полной готовности и в нужном порядке – жгут, иглы, катетеры, новенькие чистые баночки, уже промаркированные.

Рафик поморщился, привычным движением вгоняя иглу в вену, отпустил узел жгута и заработал кулаком. Слегка мерцающая густая розовая жидкость уникального оттенка медленно потекла через толстый катетер. Первая капля упала на дно баночки.

– Господи... ответь мне, Владыка. Это ведь не тот случай, да?

Глас Господень может услышать каждый, кто слушает внимательно, а уж для ангелов, даже посланных, это не представляет никакого труда. Из пустоты зазвучало тихо и ласково:

– Нет, дитя мое, это не тот случай. Ты сам это понял, Рафаил.

– Но ведь им нужен был ангел. Ему, Климу. Вон как приперло.
– Краска, дитя. Не ты.
– Ну... технически это же моя плоть. И ему не для абы чего, а для акта творения...

– Живя на земле, ты научился софистике, офаним. Но условие звучало не так.

– Владыка... – Рафаил подменил полную баночку пустой. Несколько капель пролилось на пол. – Я думал над этим условием. Много думал. Неужели такое вообще возможно, чтобы «верующий осознанно ощутил невыносимую нужду в ангеле Господнем и призвал его всею силой своего сердца?» Вообще, что такое осознанная нужда в ангеле? Это же не сердцем тогда, а разумом, если осознанно. Когда сердцем призывают, разве точно знают, чего именно хотят? Рассуди мои сомнения, Владыка.

Ответа не было несколько секунд. Рафаил успел поменять и вторую баночку, все еще энергично сжимая и разжимая кулак.

– Я решил. Этот случай зачтется тебе.

– Благодарю, Господи. Благодарю всем сердцем. Пятьдесят лет уже в этом городе. Вина моя велика, но наказание жестокое избрал ты для меня. Никому сейчас не нужны ангелы...

– Осталось еще два раза.

– Да, Владыка, на всё воля твоя.

Рафаил выдернул иглу, перебинтовал предплечье, закрыл баночки и убрал их на складские полки, промыл инструменты и вытер пол. Вышел из магазина, запер дверь, всхлипнул и стукнулся об нее головой раз, другой...

Надо было идти спать. Завтра с утра ему открывать магазин и весь день стоять за прилавком.

Анна Курлаева
ИСТОРИЯ СТАРОГО ДЕРЕВА

Что ты плачешь, дитя? Маму потеряла? Ну-ну, не бойся: парк не такой большой, чтобы заблудиться, мама скоро тебя найдет. Только не ходи никуда, постой рядом со мной. А я тебе историю расскажу, чтобы не скучно было. Хочешь? Что ж, тогда слушай.

Когда я была совсем молоденьким деревцем – примерно как ты сейчас, – здесь были одни поля, и посреди них стоял этот дом. Тогда еще новенький. Можешь себе представить – ничего вокруг, настоящий пустырь? Не веришь? Говоришь, не могло так быстро измениться? Так оно и не быстро менялось. Мы, липы, живем долго – гораздо дольше вас, людей. Молодой я была больше ста лет назад.

Поначалу Дом стоял пустой. Он тосковал в одиночестве. Дома ведь строят, чтобы в них жили, и они не любят пустовать. А потом в Доме поселился человек. Я не запоминаю людских имен, так что буду называть его Музыкант, ладно? Почему Музыкант? Потому что он им был – писал музыку.

Он любил нас и слышал. По-настоящему слышал – люди редко так умеют. По утрам, на рассвете, приходил пообщаться с нами, а потом возвращался в Дом. Видишь вон то окно? Обычно он садился возле него за стол и писал. Я тогда маленькая еще была, но если потянуться чуть-чуть вверх, могла его увидеть. Особенно, если было тепло, и он открывал окна.

Я любила наблюдать за Музыкантом в такие минуты. Он то строчил что-то, не поднимая головы; то хмурился и грыз карандаш; то улыбался, глядя в парк и на нас, а потом опять строчил. Иногда он уходил в другую комнату, и тогда оттуда доносилась музыка.

Я сама не видела, мне другие рассказывали, что в той комнате стоит инструмент – большой такой, черный, блестящий, на трех ножках. Из него-то музыка и звучит, когда Музыкант на клавиши нажимает. А, так он называется рояль? Спасибо, дитя, я запомню.

Хотя в эти утренние часы музыка была не настоящая – обрывки, кусочки мелодий... Настоящая музыка звучала по вечерам, когда Музыкант возвращался с прогулки по лесу. Лес тогда начинался прямо вон там, за конюшней. Какая же это была музыка, дитя... И я, и мои сестры – да весь парк! – замирали в восхищении и боялись даже листьями шелестеть, чтобы не помешать. Я так радовалась, что мне повезло вырасти именно здесь.

Потом что было? Потом Музыкант уехал и не вернулся. Слуга его возвращая, а он – нет. Не знаю, что с ним стало. Умер, наверное

– вы, люди, так мало живете. Ну что ты, дитя, опять плачешь? Не надо. Это было давно. И музыка-то ведь осталась. Понимаешь? Она жива до сих пор.

Здесь поселились другие люди. Они сделали из Дома Музыканта музей. Тогда-то и построили вот эту часть – видишь? – с балконом. Зачем? Я тоже сначала недоумевала, ведь Дом был без нее такой ровный. А потом меня осенило: люди хотели оставить в комнатах Музыканта всё так, как было при нем. Но им самим-то тоже надо было где-то жить, вот и сделали пристройку.

Тут совсем мало посетителей было тогда. Не то что сейчас! Зато к основателю музея приезжали родственники и друзья. Ох и весело было – особенно летом. В крокет и серсо играли. Не знаешь, что за игры? Они старые очень, люди их уже подзабыли. Но я слышала, в музее им обучают, если кто захочет. Можешь попросить, чтобы тебя тоже научили.

И музыка по-прежнему звучала. Они все играть умели. Не так чудесно, как Музыкант, но всё равно красиво.

Основатель музея тоже умер однажды – здесь умер.

А через несколько лет наступило страшное, тревожное время. Да, это была война, но тогда я этого слова еще не знала. Началось с того, что люди засуетились и стали вывозить из музея вещи. Я очень расстроилась – думала, музей куда-то перевозят, и не останется здесь ничего от Музыканта, не будет звучать музыка из раскрытых окон. Я тогда впервые пожалела, что родилась деревом и не могу сдвинуться с места.

А потом началось самое ужасное. Ты не знаешь, дитя, как это страшно. И желаю тебе, чтобы никогда не узнала. Кругом грохотало, всё горело, земля дрожала, люди кричали. Появились громадные рычащие машины – танки. Они сломали ворота, убили несколько моих сестер. Мы тоже плакали и кричали, но нас никто не слышал.

Потом приехали люди на тарахтящих мотоциклах. Они громко говорили на чужом языке. Распоряжались в музее, как у себя дома. Выбрасывали прямо на снег оставшиеся вещи. Это случилось в конце ноября.

Я была уже высоким деревом и могла заглядывать в окна. Что они творили в Доме, дитя, ты не представляешь! Ужасные, гадкие люди. Тогда-то я поняла, почему музейщики вещи увезли. Молодцы: вовремя успели.

К счастью, те люди недолго здесь хозяйничали. Пришли наши и выгнали их. Дом убрали, в порядок привели. Но в комнатах все равно было пусто, тоскливо без привычных вещей.

Что? Да, конечно, вещи вернулись – когда война закончилась. Видишь, какой Дом сегодня красивый, ухоженный. И музыка в нем

снова звучит. О, смотри – экскурсия идет. Хочешь послушать? Я всегда с удовольствием слушаю: они так интересно рассказывают, и каждый по-разному.

А вот и мама нашлась! Я же говорила – не стоит бояться.

Прощай, дитя. Может, еще встретимся. Вот только ты не вспомнишь ни меня, ни моей истории. Люди забывают, когда становятся взрослыми. Редко кто помнит – как тот Музыкант, который жил в этом Доме.

АКВАРИУМ

Все утро Катя не отходила от огромного новенького аквариума, занявшего полстены в ее комнате. Три года она выпрашивала его у родителей в подарок на день рождения. Они не соглашались, считая, что Кате быстро надоест ухаживать за рыбками, и максимум через месяц либо обитатели аквариума погибнут, либо ими придется заниматься самим родителям. Но, в конце концов, они уступили горячим мольбам единственной дочери, торжественно обещавшей не забывать о новых питомцах.

И вот он здесь – не один из маленьких круглых аквариумов, уместяющихся на столе, а большой, прямоугольный, доходивший Кате до пояса. Правда, для своих одиннадцати лет она была невысокой, но все равно аквариум выглядел внушительно. В загадочных глубинах слегка зеленоватой воды искрилась разноцветная чешуя рыбок и мерцали водоросли. Катя уселась на ковре перед аквариумом и замороженно наблюдала за таинственной жизнью в нем. Она сама выбирала рыбок. За те три года, что длился штурм родителей, Катя успела изучить о них все, что смогла найти в ближайшей библиотеке и на просторах Интернета. И теперь в аквариуме резвились пять красных неонов, три синие гуппи, барбус, боция клоун, три меченосца, кардинал, мраморная гурами и две тернеции. У поверхности лениво плавала лягушка, а на островке, специально оборудованном для двух земноводных, отдыхала черепаха. Катя сразу решила, увидев их в магазине, что они должны быть в ее аквариуме, чтобы это был настоящий водный мир.

– Катюша, иди обедать! – донесся из кухни мамин голос.

Катя разочарованно вздохнула – ей совершенно не хотелось покидать свое чудо – и, бросив последний сожалеющий взгляд на гуппи, кокетливо махнувшую пышным хвостом, отправилась есть.

А потом надо было помочь маме готовиться к приходу гостей...

Посиделки затянулись до позднего вечера, и у Кати хватило сил только на то, чтобы бросить беглый взгляд на аквариум. Она заметила, что черепаха словно играет в догонялки с клоуном, и

это было забавно, но слишком уж хотелось спать. Так что Катя решила, что понаблюдает за играми своих питомцев в другой раз.

Утром, насыпав в аквариум корму и немного полюбовавшись будто нарочно красовавшимся перед стеклом кардиналом, Катя умчалась в школу.

Всю неделю у нее не было возможности проводить перед аквариумом много времени. А в субботу ей показалось, что рыб стало меньше. Катя изучила свой водный мир – и не смогла найти двух меченосцев и клоуна. После нескольких минут бесплодных поисков Катя позвала на помощь:

– Мам, пап!

Видимо, голос у нее был достаточно встревоженный, потому что родители прибежали сразу и в один голос спросили:

– Что случилось?

– Рыбки пропали, – недоуменно сообщила Катя.

Родители обменялись взглядом, ясно говорившим: «Фу-ты! А мы-то уж подумали, что-нибудь серьезное случилось!» Катя нахмурилась: пропажа рыбок – это серьезно!

– Они, наверное, просто затаились где-нибудь в водорослях, – сказала мама, ласково потрепав ее по светловолосой макушке.

– Их там нет – я смотрела! – возразила Катя.

– Ну не выпрыгнули же они из аквариума! – хохотнул папа. – Ты просто не заметила. Рыбы умеют очень хорошо прятаться.

Катя с сомнением посмотрела на аквариум. Лягушка спрыгнула с островка и живо поплыла следом за стайкой неонов, бросившихся от нее врассыпную.

– Ой, смотрите: они опять в догонялки играют! – воскликнула Катя, тут же перестав думать о загадочном исчезновении.

– Ты, кстати, про уроки не забыла? – напомнила мама.

– Не забыла, – уныло протянула Катя, глядя на лягушку. Та, бросив ярких неонов, поплыла за гурами. – Сейчас буду делать.

Пропавшие рыбки так и не появлялись, но это было еще полбеды. Утром в воскресенье Катя не нашла двух неонов и гурами.

– Всё страньше и страньше, – процитировала она Алису Кэрролла, изучая аквариум.

Однако разобраться с проблемой ей не дали: в тот день Катя шла с родителями в театр на «Синюю птицу».

– Ты опять у аквариума, – вздохнула мама, застав ее за исследованием водорослей и камней, за которыми могли бы спрятались рыбы. – Нам выходить через пятнадцать минут, а ты даже не начала собираться.

– Я сейчас.

В этот момент барбус подплыл к стенке аквариума и, взмахивая хвостом и плавниками, принялся тыкаться в нее носом.

– Смотри, мам, что она делает? – недоуменно спросила Катя.
– Ты, наверное, забыла их покормить? – Мама иронично приподняла брови.

– Не забыла! – обиженно ответила Катя.

Барбус тем временем начал выделять сольто, мечась вверх-вниз и чуть ли не выпрыгивая из воды.

– Может, она танцует? – предположила Катя.

– Может быть. Собирайся – вечером полюбуешься.

Катя неохотно подчинилась, но то и дело посматривала на аквариум. К барбусу присоединились гуппи и кардинал. Их кружения по аквариуму просто завораживали. Правда, время от времени рыбы почему-то врезались в стеклянные стенки, будто стремясь их разбить.

Катя переделалась и на всякий случай подсыпала еще корму.

– Пока, рыбки, – помахала она им рукой, выбегая из комнаты.

* * *

Пенц пошевелил зелеными перепончатыми лапами, острожно выглядывая из-за водорослей. Человеческий детеныш все еще был в комнате и занимался своими делами, так что зря рыбы метались, пытаясь привлечь его внимание.

– Помогите! Спасите! – вопили они, всплескивая плавниками и судорожно колотясь о стенку.

Можете кричать сколько угодно, дорогуши. Все равно никто вас не поймет и не услышит. Эти двуногие существа невероятно глупы. Пенц с Гролем не хватали рыбок у них на глазах, даже если и гонялись за ними. И люди пребывали в уверенности, что это просто игра. Удосужились бы хоть узнать, подбирая население аквариума, что и лягушки, и черепахи — плотоядны и вполне могут питаться рыбами. Особенно такими маленькими и беззащитными. И вкусными.

Первое время Пенц и Гроль делили первенство в аквариуме, но вскоре пришли к соглашению охотиться поочередно. Не то чтобы они стали друг другу доверять, но обоих такой расклад пока устраивал. А вот когда рыбы закончатся, тогда и придет время думать, что делать дальше.

Человеческий детеныш помахал рукой и покинул комнату. Пенц выбрался из водорослей и облизнулся, посмотрев на замерших в ужасе рыбешек. Что ж, пора начинать охоту. Пожалуй, сегодня можно полакомиться гуппи. Еще дядя Кир говорил, что они необычайно нежны.

В последней попытке докричаться до хозяйки Мина рванула вверх, выпрыгнув из воды, и с громким плеском шлепнулась об-

ратно. Увы, хозяйка уже ушла, так и не поняв их крика о помощи. Мина отчаянно махнула хвостом и повернулась туда, где прятался проклятый лягух. Когда хозяйка увидела в магазине этих двух монстров и зачем-то решила купить их, Мина всеми силами пыталась донести до нее, что не надо этого делать. Но девочка так ничего и не поняла, только смеялась, глядя на метания барбуса.

Несколько дней они жили относительно спокойно, поскольку лягушка и черепаха выясняли отношения. Меченосец Эрл тогда даже мечтательно заметил:

– Надеюсь, они сожрут друг друга.

Увы, его надежды не оправдались. Монстры заключили мир и теперь по очереди терроризировали население аквариума. Беднягу Эрла съели первым. Мина даже всплакнула – меченосец был забавным и успел ей понравиться. С тех пор не проходило и дня, чтобы кто-нибудь не погиб.

Водоросли зашевелились, и Мина нервно дернулась, готовясь спастись. Вот только беда в том, что в ограниченном пространстве аквариума сбежать было некуда. После изнуряющей гонки по периметру выдохшаяся рыба либо не могла сопротивляться, либо хищник находил себе другую добычу – не столь быструю. Мине пока везло. Но кто знает, как долго продлится это везение.

Малышки гуппи рядом с ней встревоженно замельтешили, причитая тоненькими голосками. Пенц лениво выбрался из зарослей и посмотрел на них голодным взглядом, от которого пробирала дрожь. Глаза на выкате гипнотизировали, и, несмотря на ужас и внутренний голос, вопивший: «Плыви отсюда скорее!» – плавники словно деревенели. Пенц оттолкнулся от дна и молниеносным движением рванулся в их сторону. Усилием воли Мина очнулась от ступора и изо всех сил заработала плавниками и хвостом, спасая свою жизнь. Но лягух даже не обратил на нее внимания – он погнался за истошно верещащими гуппи. Те в панике вертелись, наматывая круги и создавая настоящий водоворот. Однако Пенца такими фокусами было не провести. Довольно быстро он поймал одну из милых синих рыбок и проглотил ее, почти не жуя. Мина зажмурилась, не в силах наблюдать за этим ужасом. Когда она решилась приоткрыть глаза, оказалось, что Пенц не наелся одной гуппи и уже поймал вторую. Мина сдавленно вскрикнула и резко отвернулась, взметнув хвостом целую бурю пузырьков.

Позже, когда насытившийся лягух убрался на сушу к Гролю, Мина собрала совещание.

– Мы должны что-то сделать! – страстно убеждала она друзей. – Если мы так и будем просто наблюдать, нас, в конце концов, съедят всех. На помощь людей, как вы уже поняли, рассчитывать не приходится...

– Правильно, правильно! – суетливо поддержали ее неоны, сверкая красными боками.

– Но что мы можем сделать? – печально пробасила тетушка Тея.

– Да хотя бы попытаться отбить очередную жертву! – Мина не собиралась так просто сдаваться.

– И стать жертвой самому? Нет уж, увольте! – с сарказмом произнес единственный оставшийся меченосец. – Вон, Тиш тоже хотел справедливости. И где теперь Тиш?

Все скорбно притихли. Веселого и храброго клоуна Тиша любили все.

– А мы в любом случае окажемся там же. Через день или через месяц – какая разница! – не менее саркастично сказала Мина, и несколько неуверенных голосов ее поддержали. – Они, конечно, сильнее, но их только двое. К тому же охотятся они поодиночке. А нас много, и если мы нападём все вместе, они с нами не справятся.

Ее слова спровоцировали дискуссию, от которой забурлила вода. Но после продолжительных громких споров, чуть не закончившихся дракой, к соглашению так и не пришли.

– Может, ты и права, дорогая, – сочувственно заметила тетушка Тея, покидая собрание. – Но все слишком боятся, чтобы последовать твоему совету. Так что не думаю, что у тебя что-то выйдет.

Мина печально вздохнула, глядя вслед расплывающимся рыбам. Ну почему же они все такие... несговорчивые!

Последующие дни стали сплошным кошмаром. Пару раз Мина пыталась отбить жертву – но что она могла в одиночку? И она вынуждена была отступить.

– Каждый сам за себя, – заявил однажды кардинал Грум, и эта фраза стала всеобщим девизом.

Доходило до того, что пытались переключить внимание преследователя на других рыб, лишь бы выжить самому. Они существовали в непрерывном напряжении, почти не спали, боясь, что в это время Гроль или Пенц начнут охоту. В результате, от хронической усталости становились гораздо более легкой добычей.

Еще несколько раз Мина пыталась привлечь внимание хозяйки и дать ей понять, насколько опасны лягушка и черепаха. Впрочем, не особо надеясь на успех.

«Что делать? Что делать? Что делать?» – билось в голове с каждой новой смертью.

Как Мина ни убеждала друзей, что только сообща они смогут выжить, никто не хотел ее слушать. Каждый сам за себя! Конечно!

И вот наступил страшный день, когда Мина осталась одна. Ей было так плохо, что появилось искушение просто поплыть навстречу своему убийце и сдаться без боя. К чему сопротивляться? Теперь-то это уж точно бесполезно. Однако, когда она заметила подбиравшегося к ней Пенца, всё внутри взбунтовалось. Ну уж нет! Пусть она умрет, но и лягух умрет вместе с ней! Как она собиралась этого добиться, Мина не очень представляла себе, но одно знала точно: она отомстит за своих погибших товарищей.

Пенц прыгнул к ней, и Мина шарахнулась в сторону, хлестнув хвостом и плавниками в попытке ослепить преследователя. На мгновение он растерялся, но быстро сориентировался. И в следующее мгновение Мина вскрикнула от боли, когда он вцепился в ее плавник. Она яростно забилась, пытаясь не столько вырваться, сколько заставить Пенца подавиться...

* * *

Наконец-то контрольная прошла – кажется, даже успешно, – и Катя смогла расслабиться и вернуться к наблюдению за аквариумом, о котором совсем забыла в эти дни. Каково же было ее изумление, когда оказалось, что он практически пуст. Изумление сменилось ужасом, стоило Кате обнаружить на дне лягушку, наполовину заглотившую барбуса и, по-видимому, задохнувшуюся в процессе.

Катя завизжала. Прибежавшая на ее крик мама долго не могла понять, что случилось, из ее сбивчивых объяснений, прерывающихся всхлипами.

– Лягушка... съела... всех рыбок! – смогла наконец выговорить Катя более-менее членораздельно.

Мама обняла ее и попыталась успокоить, глядя по голове и обещая, что они купят других рыбок. Катя всхлипнула в последний раз и опасно покосилась на опустевший аквариум. Из всех обитателей живой осталась только черепаха – она сидела на островке и задумчиво жевала травинку.

– Бедная... – Катя осторожно взяла черепаху в руки и провела пальцем по панцирю. – Наверное, тебе было страшно.

Черепаха пошевелила лапками, словно соглашаясь, и мягко ткнулась мордой в пальцы хозяйки.

Alter Alba

ЭФФЕКТ ПРИСУТСТВИЯ

Когда наука и техника достигли уровня, позволившего осуществлять длительные космические полеты, встал вопрос о том, чем в это время заниматься экипажам кораблей. Проще всего было погрузить их в сон и оставить в этом состоянии до прибытия в промежуточную или конечную точку маршрута. Вскоре выяснилось, что способности человеческого мозга, не получавшего информации долгое время, начинают ухудшаться. Выход был найден. Теперь космонавт не засыпал, а погружался в полудрему, в течение которой смотрел подборку любимых фильмов или телевизионных шоу. Но однажды что-то пошло не так...

Фильм прервался на самом интересном месте. Товарищ Сухов прокричал Верещагину, чтобы тот ушел с баркаса. Затем должен был последовать взрыв, но вместо него прозвучал пронзительный звук, неизменно вызывавший ненависть у всех, кому это приходилось слышать. Сигнал побудки.

По слухам, над доведением звука до совершенства трудился на Земле целый НИИ. Трудно сказать, было оно так на самом деле или же имела место очередная байка. В космонавты испокон веков набирали людей, обладающих повышенной психологической устойчивостью, но каждый из них признавался, что такой сигнал способен вывести из себя кого угодно. Для него были серьезные причины. Непросто возвращаться к бодрствованию после долгого мышечного и умственного безделья. Звук побудки был призван ускорить этот переход.

Включился массажный режим, взбадривая мышцы лежавшего на спине космонавта. В индивидуальной капсуле постепенно увеличивалось содержание кислорода. Безыгольный инъектор ввел под кожу медицинские препараты, подготавливая организм к активному состоянию. Через несколько минут прозрачный купол сдвинулся вверх и в сторону.

– С пробуждением! – произнес приятный женский голос компьютеризированной системы управления. – Как самочувствие, пилот? Помните, как меня зовут?

– Так точно... – на выдохе ответил Сергей Тарасов. – Самочувствие в норме...

Система неплохо имитировала живое общение и вполне могла заменить собеседника на период несения вахты. Достаточно было произнести имя «Мария», чтобы включился режим симуля-

ции человеческой личности. Сменщик Тарасова так и поступал. Он говорил, что у Машки есть характер, она может иногда капризничать подобно реальной женщине и даже ругаться, повышая голос до визгливых ноток. Мария, как и положено компьютеру, прекрасно умела играть в шахматы, но предпочитала поддаваться и очень сердилась, когда проигрывала. Все это предназначалось для развлечения находившегося вдали от дома космонавта, чтобы тот не чувствовал себя одиноким. Однако на Сергея общение с компьютерным интеллектом неизменно действовало противоположным образом. Марией звали оставшуюся на Земле жену Тарасова, и он никак не мог заставить себя назвать милым сердцу именем бездушную электронную машину.

Новые имитаторы человеческой личности давно обогнали по уровню возможностей корабельную Машу, но руководство считало, что для забавы пилотам вполне достаточно устаревшей модели, разработанной еще в середине двадцать первого века. Основная задача центрального компьютера на борту корабля – не игрушки, а контроль за функционированием систем, анализ информации и помощь людям в интерпретации полученных данных.

– Сообщите о готовности заступить на вахту, – не дождавшись обращения по имени, искусственный интеллект изъяслялся синтезированным женским голосом ласковые интонации. Отныне подразумевалось, что общение между человеком и центральным компьютером будет проходить исключительно в деловом ключе, без шуток-прибауток и задушевных разговоров.

– Второй пилот Сергей Тарасов к исполнению обязанностей вахтенного офицера готов.

– Проследуйте на капитанский мостик и ознакомьтесь с текущей ситуацией.

Сергей принял сидячее положение и с мыслями о том, что снова настала весна и пора покидать берлогу, заставил себя рывком подняться на ноги. (У российских космонавтов за индивидуальной капсулой закрепилось название «берлога» – с намеком на медведя, проводящего зимнюю спячку в специально обустроенном месте; позже это словечко транслитерировалось в другие языки.) Он облачился в костюм вахтенного офицера, несколько раз легонько подпрыгнул на месте, проверяя вестибулярный аппарат и координацию движений. Не рассчитав с усилием на мышцы ног, подлетел в воздух едва ли не на полметра. Искусственная гравитация в жилых отсеках создавалась посредством вращения сдвоенной тороидальной конструкции вокруг центральной оси корабля. На внутренней поверхности двух громадных «бубликов» сила тяжести позволяла нормально ходить, но для компенсации подскоков ее уже не хватало.

«Вроде бы ничего... – подумал Тарасов, делая первые шаги. – Не шатает, голова не кружится».

В прошлую вахту было хуже. Значит, он поступил правильно, сменив состав медикаментозного коктейля. После смеси номер три переход к бодрствованию стал короче.

Добравшись до ближайшего радиального коридора, Тарасов продолжил путь к капитанскому мостику. По мере продвижения к оси вращения жилого модуля сила тяжести уменьшалась, и вскоре ему пришлось перебирать руками специальные поручни. Из радиального прохода Сергей попал в центрально-осевой коридор, где царила невесомость. Коридор вел к рулевой рубке, расположенной в головной части корабля.

– Вахтенный на мостике, – сообщил Тарасов, пристегиваясь ремнями к креслу. – Готов заслушать доклад о состоянии систем корабля.

– Система жизнеобеспечения в норме. Здоровье экипажа в норме. Энергосистемы корабля в норме. Двигательные установки в норме. Система ориентации в пространстве – сбой.

Последнее не удивило. Гиперпривод, позволявший осуществить прыжок, вышел из стадии теоретических разработок всего несколько лет назад. Космический корабль «Академик Челомей» был летающей лабораторией, в которой испытывали новые двигатели и совершенствовали методы прокладки маршрута между звездами. Гиперпривод переносил корабль через пространство на огромные расстояния, но теоретический район прибытия редко совпадал с практическим. Погрешность в пределах сорока световых минут считалась «выстрелом в яблочко», но достичь подобной точности мало кому удавалось. В самом же худшем случае разница между расчетной и реальной точками прибытия измерялась уже в световых часах.

– Ну и куда занесло на этот раз? – произнес Тарасов, всматриваясь в объемную карту звездного неба, созданную при сканировании системами корабля видимого диапазона. С неудовольствием вахтенный отметил, что они оказались на самом краю шарового звездного скопления, внутри которого был проложен маршрут корабля. – У-у-у, да мы, похоже, рекорд побили. Занесло, так занесло... Ой, не нужно было слабую центрифугу использовать. Как чуял, что не нужно, но приказ есть приказ...

«Центрифугой» на жаргоне покорителей космоса называлось небесное тело, с помощью гравитации которого осуществлялся разгон корабля до пороговой скорости гиперпрыжка. Теоретически это могла быть и планета с массой не ниже, чем у Юпитера, но лучше всего для такой цели подходила звезда. Недаром пишущие о гиперпространственных полетах журналисты использовали

ими же и придуманное красивое выражение «от звезды к звезде». Проще говоря, чем больше была масса «центрифуги», тем выше оказывалась точность при выходе космического аппарата из гиперпространства.

Перед экипажем корабля «Академик Челомей» ставилась задача уточнить верхний предел погрешности. Предыдущий прыжок начался возле газового гиганта, по массе приближавшегося всего лишь к Сатурну. Погрешность оказалась настолько чудовищной, что вычислить ее, не имея точных координат, не представлялось возможным. В пределах дальности обнаружения систем корабля оказались только две навигационные звезды из тех трех, что выбирались в качестве ориентиров перед прыжком. Третья осталась где-то там, за краем шарового звездного скопления, и была сейчас недоступна для наблюдения оптическими и радиоастрономическими приборами. Похоже, что верхнего предела погрешности просто не существовало.

Сергей запустил режим сканирования гравитационных волн. В космосе хватало массивных объектов, ничего не излучавших в видимом диапазоне. Если повезет, можно отыскать нейтронную звезду, массы которой хватало, чтобы не иметь проблем с точкой выхода при следующем прыжке.

– Ваше благородие, госпожа удача... – все еще находясь под впечатлением от фильма «Белое солнце пустыни», пропел вахтенный, когда заметил гравитационные возмущения в ближайшем секторе пространства. Добраться туда можно было и при помощи маневровых двигателей. – По первым прикидкам, впереди типичный рентгеновский пульсар. Маленький, но о-о-чень тяжелый. Весит, скорее всего, как наше родное солнышко. Прекрасно подходит в качестве центрифуги. Я бы даже сказал, хорошей центрифуги, способной обеспечить кораблю требуемую точность в следующем прыжке. Мы в этом сейчас сильно нуждаемся.

Центральному компьютеру выбранный маршрут не понравился:

– Ожидается высокий расход топлива. Ресурс курсовых двигателей снизится на двадцать процентов, что ограничит их дальнейшее использование.

Спорить с этими аргументами Сергей не стал. На то она и вычислительная машина, чтобы просчитывать вероятности и предостерегать от принятия необдуманного решения. Не объяснишь же компьютеру, что первоочередная задача сейчас – не экономия топлива и не забота о состоянии двигателей. Главное – возвратиться в центр шарового скопления, где плотность звезд максимальна. Там и маневровые двигатели не придется часто и подолгу напрягать, и выбрать подходящую «центрифугу» труда

не составит. Да и маршрут прокладывать не в пример легче. С пределом погрешности они уже поэкспериментировали. Хватит.

– Мы находимся в малоизученной области пространства, – проинформировал компьютер. – Инструкция требует участия всех членов экипажа в принятии решения по вопросам прокладки курса. Произвести общую побудку?

– Отклонено, – не раздумывая, ответил вахтенный.

На то были свои причины. Если бы дело происходило на корабле, входившем в состав Военно-космических сил России, Сергей, конечно, разбудил бы остальных. Там свои люди, такие же военные пилоты и бортинженеры – поймут. Но кроме Тарасова, в экипаже «Академика Челомея» был только один военный. Командир корабля – он же первый пилот – Константин Потапов. Остальные числились космонавтами-исследователями – гражданскими специалистами, не имевшими к ВКС никакого отношения.

Если бы у любого военнослужащего спросили, каково быть членом смешанного экипажа, ответ был бы таким: «Весело, но я бы предпочел служить на сугубо военном корабле». Разумеется, никто такого никогда не говорил – военно-космическая служба дисциплинирует человека, быстро отучая делать необдуманные заявления. Те, у кого язык функционировал независимо от мозга, в ВКС долго не задерживались. Бывало, что они туда возвращались, но уже в ранге вольнонаемного персонала либо «учеников» – космонавтов-исследователей.

По количеству ученых можно было судить о задачах, которые ставились перед экипажем. В обычном штатном расписании, включавшем в себя шесть человек, всегда присутствовал хотя бы один космонавт-исследователь. Что он там исследовал, мало кого из военных интересовало. Но второй его специальностью, на всякий случай, была медицина. Все давно привыкли, что кроме военного врача на корабле находится и гражданский специалист такого профиля. Бывали случаи, когда это помогало спасти человеческие жизни.

Один научник, что называется, погоды никогда не делал. Его поведение довольно точно описывалось старинным русским фразеологизмом «тише воды, ниже травы». Научник был излюбленным объектом беззлобных шуточек и нескончаемых розыгрышей со стороны военных. Но это не означало, что гражданского специалиста обижали все, кому не лень. Скорее, он мог чувствовать себя всеобщим любимцем, которому уделяли повышенное внимание. Когда на борту находились двое ученых, в экипаже возникала ситуация, кем-то метко прозванная «повстанческая армия в тылу врага». Ученники, как бы они друг к другу ни относились до попадания на один корабль, сразу же

объединяли силы для борьбы с «военной диктатурой». Нужно отметить, частенько им это удавалось. Двоих гражданских заставить врасплох сложнее, чем одного, поэтому военным приходилось изобретать более изощренные способы розыгрыша.

Никто из пилотов и бортинженеров ВКС России не любил, когда экипажи формировались по принципу «пятьдесят на пятьдесят». Такой состав официально именовался «научным», что давало повод гражданским задирать нос и своими неожиданными решениями вносить хаос там, где от военных требовалось соблюдать устав. Зато какое это было поле деятельности для выяснения отношений в стиле «чье чувство юмора круче?!» Военные прекрасно знали корабельную технику и умело взаимодействовали. Гражданские отличались нестандартным подходом и склонностью к импровизации. Если бы в научных экипажах проводились конкурсы на лучший розыгрыш, то наиболее вероятным результатом все-таки была бы ничья. По крайней мере, честным результатом, устраивавшим обе стороны.

В экипаж «Академика Челомея» входило четверо научных. Беспрецедентный случай в истории ВКС России дал острословам повод придумать новые прозвища. Потапова и Тарасова моментально окрестили «научными извозчиками». Обидное для военных сравнение, поскольку извозчиками именовали пилотов, занятых в гражданских авиакосмических перевозках. Но и этого острякам показалось мало. После того как сформировали основной экипаж корабля, к его командиру намертво приклеилась кличка «водитель кобылы».

Научников на «Челомее» возглавляла ведущий европейский астрофизик Арлетт Монсель – дама французского происхождения. В своей научной дисциплине она достигла значительных успехов, но, вряд ли кому-нибудь из соотечественников пришло бы в голову использовать ее типаж для создания бюста Марианны – символа Франции. Нормандские предки наделили Арлетт приличным ростом, мощным телосложением, не слишком изящными крупными чертами лица и низким грубоватым голосом. Нет нужды уточнять, какое прозвище в Центре подготовки космонавтов ВКС России получила мадам Монсель. В целом, Арлетт была приятной в общении женщиной, она быстро освоила русский язык, начав с ругательств, которыми с ней охотно делился вольнонаемный персонал Центра. Больше всего наших людей веселило, с каким серьезным лицом ответственная француженка произносила привычные всем россиянам слова. В открытую использование табуированной лексики в Центре подготовки запрещалось, но это не означало, что ею никто вообще не пользовался, включая высшее руководство.

Остальные научники тоже занимались астрофизикой, что делало экипаж совсем уж уникальным. Двое из них были россиянами: Ахмет Нурғалиев и Валентин Соломин. Четвертый астрофизик по фамилии Шарма представлял Индию. Его имя оказалось настолько сложным, что с произнесением не справлялась даже Арлетт. На общем собрании экипажа Шарму решили звать Витей, взяв за основу первую букву настоящего имени. Улыбчивый индеец не возражал. Благодаря знанию санскрита, русский язык он понимал прекрасно, но говорил на нем неохотно. Чаще прибегал к универсальному английскому. Никто не знал, почему не имевшего медицинского образования Витю назначили гражданским врачом экипажа. Вероятно, потому, что индеец хуже других переносил «спячку в берлоге», и ему требовался особый медикаментозный коктейль. Обязанности военного врача возложили на Сергея Тарасова, которому пришлось пройти ускоренный курс дополнительной подготовки. Иными словами, квалифицированные врачи с опытом работы в космосе на «Челомее» отсутствовали.

От военных гражданские специалисты отличались тем, что имели не слишком хорошую физическую подготовку. Переход к бодрствованию у них происходил медленнее и сложнее. Когда во время тренировок мадам Монсель первый раз покидала индивидуальную капсулу, она эмоционально произнесла: «...тваю мать, берлюга!» – жаргонное словечко у нее всегда выходило на французский манер, с ударением на последний слог.

Разбуженные научники были злее весеннего медведя и брюзжали по любому поводу. Это действовало на нервы обоим пилотам, на которых и так падала удвоенная нагрузка. Гражданские специалисты никогда не стояли вахту, просыпаться им приходилось реже и только в тех случаях, когда планировались астрофизические исследования.

Руководитель Центра подготовки, убеленный сединами генерал, напутствовал Потапова и Тарасова такими словами:

– Значит, так, сынки. Дело новое не только для вас, но и для всех нас. Научников своих без причины не будите. Если видите, что обстановка не располагает к углубленным исследованиям, уходите в следующий прыжок. Успеют еще астрофизики линейкой и калькулятором воспользоваться. Думаю, поводов для этого будет много. Шибко умную железяку электронную тоже слушайте через раз. Для нее любая ситуация – особенная. И запомните, что не компьютер вами командует, а вы им. Решения в любом случае принимает человек...

Вот эти слова военные пилоты и взяли на вооружение.

На повторное предложение компьютера разбудить остальных членов экипажа Сергей снова ответил отказом. Тарасов подо-

зревал, что астрофизиков заинтересует нейтронная звезда, к которой он уже направил корабль, но собирался объявить побудку, только когда «Академик Челомей» выйдет на орбиту вокруг «центрифуги». Если разбудить ученых раньше, от их жалоб, нытья и воплей спрятаться будет просто негде.

– Обнаружено несоответствие расчетного и реального курсов, – объявил центральный компьютер. – Величина погрешности нарастает по мере приближения к объекту, указанному как исходная точка для формирования орбитальной траектории. Наблюдается всплеск гамма-излучения, уровень магнитного поля значительно превышает параметры, характерные для рентгеновского пульсара. Рекомендовано изменить курс вручную или провести автокоррекцию.

Сергей не был астрофизиком, но о нейтронных звездах представление имел. Данный объект он ассоциировал с рентгеновским пульсаром по той простой причине, что основными свойствами эта звезда походила на рентгеновский пульсар. Таким термином вахтенный обозначил центральную точку будущей орбиты. Дальше электроника сама должна прокладывать курс, определяя оптимальные параметры траектории. Теперь компьютер получил новые данные о звезде, не совпадавшие с теми, что входили в сравнительную базу данных. Вахтенного больше всего беспокоила ситуация с погрешностью параметров орбиты. На представленном визуальном графике траектория движения корабля значительно расходилась с расчетной. «Академик Челомей» периодически отклонялся от курса, совершая ничем не объяснимые маневры. Величина магнитного поля совершенно не соответствовала тому, что Сергею было известно о рентгеновских пульсарах. Он снова обратился к прибору для сканирования гравитационных волн, проанализировал полученную информацию и только сейчас понял свою ошибку.

Судя по обновленным данным, безымянная нейтронная звезда к классу рентгеновских пульсаров не относилась. Более того, система оказалась двойной. Вокруг нейтронной звезды диаметром приблизительно двадцать восемь километров с большой скоростью вращалась еще одна, но поменьше. По космическим меркам – сущая кроха, каких-то десять километров в поперечнике, но именно она создавала мощнейшее магнитное поле и всплески излучения, благодаря которым маскировалась под рентгеновский пульсар. Такими свойствами могли обладать магнетары, принадлежавшие к особому классу нейтронных звезд. Оба космических тела вращались вокруг общего центра масс, поэтому точка орбиты, учитывавшая только одну звезду, изначально была некорректной. Как только малая звезда оказывалась между

более крупной соседкой и кораблем, мощные гравитационные и магнитные поля существенно искажали параметры траектории «Академика Челомея». Сергей произвел коррекцию курса, введя поправку на период обращения двойной звезды, после чего решил, что сейчас самое время начать общую побудку.

На этот раз ответил отказом компьютер:

– Уровень излучения по мере приближения к объекту, выбранному в качестве исходной точки для формирования замкнутой орбиты, превышает возможности защитных систем корабля. Угроза для здоровья и безопасности экипажа. Рекомендовано немедленно изменить курс, не выходя на расчетную орбиту для достижения пороговой скорости перед гиперпрыжком.

«Как только наши астрофизики выяснят, что я ради этого не стал их будить, – подумал Сергей, наблюдая на экране причудливое визуализированное изображение гравитационных волн в окрестностях двойной нейтронной звезды, – а они со временем обязательно это выяснят, то меня в тот же день просто-напросто разорвут на куски. Еще и скажут, что любой суд их оправдает, как только узнает подробности. Дозу излучения мы здесь, конечно, хапнем немалую, и это несмотря на всю нашу немалую же защиту. Ну да ничего. После такого исследования можно сразу же и домой отправляться. На Земле мигом на ноги поставят. Пора будить ученых».

Ни у одного пилотируемого космического аппарата, когда-либо созданного людьми, еще не было возможности пролетать возле объекта, обладавшего столь мощным гравитационным и магнитным полем. Оно буквально потащило корабль в направлении двойной звезды, заставив задействовать параметры автокоррекции траектории. Центральный компьютер в очередной раз рекомендовал сменить курс, но внезапно голосовая система оповещения замолкла на полуслове. Следом начались доклады об отказе основных систем. Электронные «мозги» не выдержали напряженности магнитного поля, создаваемого магнетаром, и периферические автономные блоки управления различными системами корабля оказались предоставлены самим себе. В единую цепь их больше ничего не связывало. Поставленный в режим автокоррекции корабль мог выйти на орбиту вокруг заданного объекта и длительное время выдерживать параметры заданного курса. Но уйти с орбиты удалось бы только после вмешательства человека.

Отключился центральный голографический экран, объединявший сведения, необходимые для управления кораблем. Сергей задействовал портативный носимый комплекс, который мог подключать к периферическим автоматизированным подсистемам. Вся справочная информация выводилась теперь на откид-

ной дисплей, размещенный в нагруднике костюма вахтенного офицера. Единая энергосистема еще работала, обеспечивая электропитание вспомогательных линий и цепей, но долго ли это будет продолжаться, Тарасов не знал.

Прежде всего Сергей озаботился состоянием здоровья экипажа. Побудка почему-то произошла только в индивидуальных капсулах научных. Видимо, подсистема жизнеобеспечения сочла, что присутствующего на капитанском мостике второго пилота вполне достаточно, и не стала будить командира. Далее, по степени важности имела значение подсистема, отвечавшая за электропитание. Она была напрямую связана с подсистемой искусственной гравитации, создававшейся путем вращения сдвоенного тороидального жилого модуля вокруг центральной оси корабля. Если тор остановится, то пропадет гравитация, а вместе с этим снизится до критического уровня и выработка электроэнергии.

«Бублик» продолжал вращаться, но прогнозы по этому поводу делать было еще рано. При его остановке передвижение в жилых отсеках будет затруднено из-за невесомости. На этот случай инструкция предписывала создать дополнительные условия экипажу, применив простейшую направляющую леерного типа. Рекомендовалось при помощи портативных лебедок протянуть вдоль кольцевого и всех радиальных коридоров тонкий трос, предварительно продев его сквозь поручни. Этим должен был заниматься весь экипаж, но Сергей не мог представить, что разбуженные в аварийном режиме научники способны трудиться в ближайшие полчаса. Специальные ящики, где хранились свернутые в бухты тросы, были встроены в интерьер всех помещений корабля. Опасаясь, что где-то длины тросов может не хватить, Тарасов забрал с собой резервы, находившиеся в рубке управления. При отказе центрального компьютера делать на капитанском мостике было нечего. Подсистемами проще всего управлять с консолей.

Одну бухту тонкого троса Сергей повесил на левое плечо, другую на правое, третью закинул на шею, оттолкнулся ногами от пола и полетел в сторону жилого модуля. Там уже должны были проснуться астрофизики. Совсем не оставалось времени, чтобы разбираться, почему же не произошла побудка в берлоге Потапова. Требовалось подготовить помещения к возможному отключению искусственной гравитации, после чего заняться управлением двигателями, иначе «Академику Челомею» не вырваться из поля притяжения двойной нейтронной звезды. Совершить гиперпрыжок с отключившимся центральным компьютером невозможно.

По центрально-осевому коридору Тарасов добрался до втулки гигантского колеса и влетел в первый попавшийся радиальный проход. По мере приближения к ободу тора начала появляться

сила тяжести. Она достигла максимума в широком кольцевом коридоре, который иногда называли галереей. Можно было натягивать леер, но Сергей решил сначала оповестить членов экипажа о нештатной ситуации. Они имели полное право знать обо всем. Вахтенный так и направился из галереи в жилые отсеки, неся на себе мотки троса.

В каюте Ахмета индивидуальная капсула пустовала. В спящей каюте, числившейся за Валентином, тоже никого не оказалось. Было удивительно, что за столь короткое время ученые успели куда-то уйти, ведь после пробуждения они долго не покидали своих помещений. Сергею оставалось предположить, что астрофизики находятся в кают-компании.

Скорее всего, их собрала там мадам Монсель. В научной группе «Академика Челомея» Арлетт считалась самым авторитетным специалистом. В этом плане наиболее значительное влияние она оказывала на Ахмета Нургалиева. Валентину Соломину французка просто нравилась как женщина, а тихий Витя Шарма никогда не пытался оспаривать ее главенство, хотя и не всегда соглашался с точкой зрения мадам Монсель. Так или иначе, тон среди ученых задавала именно она. Арлетт никогда не скрывала, какие видеоматериалы из обширной фильмотеки корабля она заказывает для просмотра на время сна. Несколько раз Сергей замечал, что остальные астрофизики активно обсуждали один и тот же фильм. Похоже, следовали за выбором, который делала для себя мадам Монсель. Напрямую она не навязывала коллегам своего мнения, но была не прочь привить им корпоративный дух.

Двигаясь в сторону кают-компании, Тарасов обдумывал свое сообщение ученым о текущих проблемах на корабле. Сергей предполагал, что возникнет стихийная пресс-конференция, и ему придется отвечать на многочисленные вопросы. Шагнув в открывшуюся дверь, он уже намеревался поприветствовать собравшихся, когда услышал истошный крик французки:

– Алярм! Альен! – Трясущейся рукой мадам Монсель указывала на Сергея, призывая остальных астрофизиков обратить на него внимание. – Альен!*

И они обратили. Такого ужаса на лицах Тарасову видеть еще не приходилось. Следом случилось вообще нечто невероятное. Схватив со стола кофейную кружку, Ахмет швырнув ее прямо в лоб вахтенному. Уворачиваясь, Сергей наклонил голову, и с шеи свалился свернутый в бухту трос. Вторая бухта соскользнула с плеча, когда он попытался поймать в воздухе предыдущую, затем слетела и третья.

---

* Тревога! Чужой! (фр.)

В наступившей тишине послышался дрожащий голос Валентина Соломина:

– Оно уже начало линьку. Мы все умрем...

В следующий момент загалдели все четверо, причем на разных языках. В руках у астрофизиков появились ножи и вилки, а на лицах возникло решительное выражение. Случай внезапного коллективного помешательства сразу четырех членов экипажа требовал немедленного расследования, но Сергей понял, что сейчас лучше покинуть кают-компанию. В едва закрывшуюся за его спиной дверь тут же полетели столовые приборы.

Научники, входившие в состав экипажа «Академика Челомея», характеризовались людьми серьезными и в попытках устроить какой-нибудь дурацкий розыгрыш раньше замечены не были. Хотя, как гласит народная мудрость, рано или поздно что-то обязательно случается впервые. Тарасов уважительно относился к пословицам, но в данном случае испытывал серьезные сомнения. Если это был розыгрыш, то вполне удавшийся, и теперь можно смело заходить в кают-компанию под дружный хохот астрофизиков. Помедлив немного, вахтенный сделал шаг вперед, но створки двери при его приближении не раздвинулись. Сергей пригнулся, сместился вбок и стал осторожно приподниматься, чтобы заглянуть в кают-компанию через прозрачную верхнюю панель. Астрофизики строили баррикаду из мебели. Даже ту, что была закреплена на полу, умудрились выдернуть из фиксаторов и волокли к двери. Это могло быть все что угодно, только не розыгрыш. До такого не додумались бы даже креативные научники.

Больше всего Тарасова поразил сам факт активности, проявленной астрофизиками. После предыдущих прыжков они долго втягивались в рабочий ритм, а сейчас их было не узнать. Ответы следовало искать в отчетах подсистемы жизнеобеспечения, но для начала стоило обратиться от двери кают-компания. В сложившейся ситуации решение держаться подальше от агрессивно настроенных научных напрашивалось само собой. Можно было удалиться в носовую часть корабля, хотя при бездействующем центральном компьютере на капитанском мостике делать нечего. Поэтому Сергей направился в сторону двигательного отсека. Там присутствовал свой «бублик» с искусственной гравитацией. Не таких громадных размеров, как жилой модуль, зато вращался быстрее.

Забравшись в один из запиравшихся изнутри отсеков, Тарасов устроился поудобнее и открыл откидной дисплей нагрудника, подключив его к разъему.

– Так-так-так... – бормотал он, выводя на экран отчеты подсистемы жизнеобеспечения. – Поглядим-поглядим... Вот они еще

спят... Вот пошла экстренная побудка... Жизненные показатели вялые, если не сказать – очень вялые. Ничего удивительного, медведики мои только-только проснулись... Вот пошла медикаментозная поддержка... Стоп! Это откуда взялось? Они же все получили смесь номер пять!

Тот самый коктейль, который Витя шаманил исключительно для собственных нужд. Своих секретов индеец Сергею так и не раскрыл. О том, что же туда добавлялось помимо стандартного набора препаратов, военврач корабля не имел представления, но на Витю смесь № 5 всегда действовала хорошо. Бодрячком бегал. А по первости мог несколько часов проваляться на койке, пребывая в полном изнеможении после спячки.

– Вот так взбодрились ребятки и девчатки... Галюны начали ловить... А дозировка-то, дозировка! – Тарасов ахнул, когда дошел и до этого пункта отчета. – Видимо, сбой систем повлиял...

Нахмурившись, он стал вспоминать, какими словами его встретили астрофизики. Арлетт почему-то вопила на французском, хотя и остальные тоже использовали свои родные языки. Для Ахмета это был татарский, для Вити – хинди, а Валентин, соответственно, говорил по-русски. Последний считался официальным языком, который наравне с английским применялся для общения международного экипажа на борту «Академика Челомея».

Поразмыслив, Сергей решил открыть доступ к данным, изначально защищенным настройками приватности. Каждый член экипажа имел право на личную жизнь, и реализация этого права ему гарантировалась не только Конституцией России, но и международным законодательством. Не любопытства ради стоило узнать, какие фильмы демонстрировались каждому астрофизику на момент общей побудки. Фильм оказался одним и тем же у всех. Бессмертное творение режиссера Ридли Скотта об отвратительной инопланетной твари, в одно лицо сожравшей почти весь экипаж космического корабля.

Древний космоужастик страху на впечатлительного человека мог нагнать до сих пор. Особенно если человека внезапно выдернуть из спячки и заправить под завязку непонятной смесью № 5. Оставалось гадать, как долго астрофизики будут испытывать кураж. Только сейчас до Сергея дошло, кем взбесившиеся ученые посчитали его самого. Пока они лишь забаррикадировались в кают-компании, но скоро испуг от первой встречи с «алиеном» должен пройти, и решительно настроенные люди вполне способны устроить вылазку с целью поиска и уничтожения «инопланетной твари».

Тарасов вывел на экран информацию с камер наружного наблюдения, установленных во всех помещениях корабля. Глядя на изображение из кают-компании, он понял, что в предположениях не ошибся. Баррикада возле двери была разобрана, и людей там не оказалось. Пока вахтенный изучал данные медицинской подсистемы, команда «охотников за aliens» куда-то отправилась в полном составе. Зачем отправилась – понятно, но вот куда? Это и предстояло выяснить.

Научники обнаружили в центрально-осевом коридоре. Они медленно плыли в невесомости в сторону капитанского мостика. Видимо, пришли к выводу, что «алиен» попытается захватить управление кораблем. Вымысел смешался с реальностью, и в головах астрофизиков до сих пор продолжался кинофильм с эффектом присутствия в том месте, где разворачивалось основное действие. Удивительно, но все совпало до мелочей. Перед пробуждением научники смотрели фильм о выдуманном корабле, где бесчинствовало инопланетное чудовище. Проснувшись, оказались на реальном корабле, и на роль пришельца тут же определили вахтенного офицера. Возможно, принять решение помог внешний вид Сергея, нацепившего сразу три бухты с тросом.

«Хорошо, что и я на мостик не отправился, – мысленно похвалил себя Тарасов. – Там меня так зажали бы, что не вырваться».

Наблюдая за научниками, он заметил, что за короткое время те успели собрать из подручных материалов угрожающего вида огнемёт. Как эта штука функционирует, проверять на собственной шкуре не хотелось. Из всех астрофизиков наименее возбуждённым выглядел Витя. Оно и понятно, смесь № 5 предназначалась исключительно для него и даже в повышенных дозах не могла оказать на индийца чрезмерного воздействия. Скорее всего, он проникся общими настроениями и участвовал во всей этой трагикомедии только из чувства коллективизма.

«Вот бы его изолировать от остальных, – подумал Сергей. – Запихнуть куда-нибудь под замок, чтобы очухался. Союзник бы у меня появился. Потом, глядишь, еще кого-нибудь удастся отбить от общей группы, а то они друг на друга плохо влияют...»

Идея о похищении Вити быстро превратилась в реальный план действий. Достаточно действовать по методу инопланетной твари из фильма Ридли Скотта, то есть отлавливать людей по одному. Не обнаружив «алиена» в рубке, научники отправятся в обратный путь. Логика подсказывала, что они будут двигаться по центрально-осевому коридору в сторону кормы, значит, неизбежно пролетят мимо втулки, от которой расходятся к ободу радиальные проходы. В одном из них и занял позицию Тарасов. Закрепив трос в дальнем конце радиального коридора, он сей-

час свободно висел на нем над втулкой. Силы тяжести здесь не чувствовалось никакой, поэтому трос даже не натянулся.

В команде охотников индеец оказался замыкающим. Едва увидев цель, Сергей с силой оттолкнулся от поручня и нырнул вниз головой. Обхватив руками ничего не подозревавшего Витю, нажал кнопку закрепленной на поясе миниатюрной лебедки. Трос начал быстро сматываться, вознося обоих в сторону обода, где действовала искусственная гравитация. Орать и вырываться Витя начал не сразу, косвенно подтвердив догадку о лучшем, чем у остальных состоянии. А то, что Шарма стал орать и вырываться, свидетельствовало не в пользу мечты о приобретении союзника.

– Витя... – обратился Тарасов к индийскому астрофизику, продолжавшему что-то лопотать на своем языке. – ...Витя, твою мать! – повысил голос Сергей и добавил несколько словечек покрепче.

Научник замолк и лишь удивленно хлопал глазами, глядя на похитителя. Эти выражения индеец знал не хуже мадам Монсель, но, в отличие от нее, никогда ими не пользовался. Наверное, он недоумевал, откуда свободно владеющей русским матом «инопланетной твари» известно его имя.

«Алиен» вместе с «жертвой» уже находился на поверхности обода, когда со стороны центрально-осевого коридора слышались разноголосые крики. По всей видимости, кто-то из астрофизиков обернулся и, не досчитавшись одного из коллег, поднял тревогу. Они не могли знать, через какой из радиальных проходов похитили товарища, но вполне могли догадаться, где его следовало искать. Прислушиваясь, Сергей не заметил, как разжал руки и отпустил от себя Витю. Не сразу осознал, что индеец не думает убежать. Он стоял рядом и смотрел на вахтенного офицера вполне осмысленными глазами.

– Очухался? – спросил Тарасов. Увидев ответный кивок, добавил: – Спрячься. Сейчас они начнут активно корабль прочесывать. Если тебя увидят, то могут подумать, что ты заразишься чем-нибудь от алиена. Ложись в свою берлогу, но режим спячки не активируй. Все понял?

Обычно немногословный Витя и здесь просто кивнул, виновато улыбнулся и направился в сторону жилых помещений.

«Минус один... – с облегчением вздохнул Сергей. – Осталось еще трое...»

Вскоре выяснилось, что пребывавшие в плену галлюцинаций астрофизики не лишились способности логически рассуждать и решили искать похищенного Витю в кольцевой галерее. К счастью, ученые попали туда через диаметрально противоположный радиальный проход. У Тарасова оставалась возможность

вернуться в центрально-осевой коридор, а индеец успевал добраться до своей каюты и залечь в берлогу...

Вахтенный офицер на то и вахтенный, что должен отвечать не только за экипаж, но и за безопасность корабля. Бегая от возбужденных «охотников за aliens», Сергей совершенно упустил из виду тот факт, что «Академик Челомей» все это время находился на круговой орбите вокруг двойной нейтронной звезды. Подсистемы управления маневровыми двигателями не дали бы ему совершить опасный сход с траектории, но движки активно тратили топливо. И, судя по напряженности гравитационного поля, тратили его немало. Магнетар совершенно не годился на роль «центрифуги», хоть и обладал подходящей массой. Жаль, что выяснилось это слишком поздно. Чтобы «Академик Челомей» сумел благополучно возвратиться домой, следовало осуществить немедленный сход с орбиты и выйти за пределы воздействия магнетара. Только после перезапуска компьютера экипаж мог определиться с дальнейшей тактикой. Варианты разнообразием не отличались. Нужно найти другую «центрифугу». Вопрос поиска уже не представлял серьезной проблемы.

Способов управления космическим кораблем хватало. Всеми второй пилот «Академика Челомея» владел в совершенстве. В ситуации с отключенным центральным компьютером предполагалось воспользоваться консолью управления двигателями, находившейся в кормовой части корабля, в одном из отсеков малого «бублика». Туда Сергей и решил возвратиться, пока ученые прочесывали жилые помещения. В том, что ему удастся разминуться с преследователями, вахтенный был полностью уверен. Как вскоре выяснилось, зря...

Раздавшиеся со стороны обода крики дали понять, что «инопланетную тварь» заметили в момент прохождения втулки. Не хватило всего нескольких секунд, чтобы скрыться. Тарасов надеялся, что астрофизики не определили направление, которое он выбрал, переместившись в центрально-осевой коридор. Продвигаясь к корме, оглянулся и обнаружил позади погоню. Теперь шансов спрятаться от «охотников за aliens» попросту не осталось. В разделенном на отсеки кормовом «бублике» отсутствовала общая кольцевая галерея; совершить обманный маневр и улизнуть там было негде. Оставалось заблокировать какую-нибудь дверь изнутри и подождать, пока астрофизики не придут в себя. Но это был плохой вариант. Двигатели корабля продолжали расходовать топливо. А оно понадобится, когда встанет вопрос о поиске другой «центрифуги».

На подлете к втулке кормового «бублика» Сергей заметил, что скорость вращения изрядно снизилась. Освещение работало не-

равномерно, часть светильников просто не горела. Неизвестно, был ли запитан отсек, куда стремился попасть Тарасов. В этом случае управлять режимом работы двигателей он бы не смог. Если бы подобная ситуация возникла на корабле, построенном кем-нибудь из подрядчиков Европейского космического агентства, то членам экипажа можно было бы с чистой совестью лечь на спину со скрещенными на груди руками и ждать неизбежного конца. Но «Академика Челомея» создавали российские конструкторы, чтившие традиции предков, которые начали проектировать космические аппараты еще с середины двадцатого века.

«Замечательно, когда есть цифровое управление всеми системами корабля, – говорил кто-то из корифеев кораблестроения. – Но при наличии нажимной педали или тросика, за который можно потянуть, запас надежности у космического аппарата будет гораздо выше».

Однако всегда находились люди, готовые поднять на смех за использование устаревших резервных механизмов. Благодаря нешаблонно мыслящим конструкторам, на «Академике Челомее» предусматривалась аналоговая система управления подачей топлива в двигатели. Совсем крохотная каморка, где располагался пульт, находилась в торцевой части центрально-осевого коридора. Место обладало еще одним достоинством – единственная дверь в отсек надежно блокировалась с внутренней стороны.

В последний раз оглянувшись на преследователей, Тарасов влетел в отсек аналоговых систем управления тягой двигателей и закрыл за собой дверь. Она была полностью металлической, без всяких иллюминаторов, что делало невозможным наблюдение за учеными. Решив не оставлять их без внимания, вахтенный вывел на нагрудный дисплей изображение с камеры в торцевой части коридора. Потолкавшись в запертую дверь, астрофизики провели короткое совещание и удалились.

«Интересно, – усмехнулся Сергей, – как они ухитряются понимать друг друга, разговаривая на разных языках? Никаких проблем с коммуникацией не заметно. Загадка...»

Он не стал полностью закрывать окошко дисплея, из которого открывался вид на коридор. Уменьшил его до минимума и поместил в правый верхний угол экрана. В том, что «охотники за аlienами» непременно вернуться, вахтенный офицер не сомневался.

Требовалось заняться двигателями. Болтаясь вокруг двойной нейтронной звезды, «Академик Челомей» давно превысил пороговую скорость, необходимую для совершения гиперпрыжка. Достаточно немного увеличить подачу топлива в двигатели, переведя их на краткое время в форсажный режим, чтобы корабль сошел с орбиты и взял курс в открытый космос.

На всякий случай Сергей заново прочитал инструкцию по работе с аналоговой системой управления, а затем принялся за дело. Временами он поглядывал на окошко в правом верхнем углу экрана, ожидая появления астрофизиков. Те не заставили себя долго ждать, и обнаружилось, что они подготовились к штурму, взяв из комплекта вспомогательного оборудования титановый лом.

Инструмент находился в руках у Валентина как у самого физически развитого из всех. Обладавший богатырским телосложением Соломин в жизни был тихим и даже застенчивым человеком с пацифистскими взглядами. Во время первой встречи с «алиеном» он испугался больше остальных. Сейчас по выражению его лица можно было сказать, что астрофизик переполнен благородным гневом. Вероятно, исчезновение Вити, с которым у Валентина складывались наиболее дружеские отношения среди коллег, вывело его из себя.

Нельзя недооценивать атакующего русского с ломом в руках, когда с тыла его поддерживают сурового вида татарин и агрессивно настроенная французка. В кормовой части центрально-осевого коридора имелось значительное сужение. Монсель и Нургалиев перегородили его своими телами так, чтобы создать опору для Валентина, которому теперь ничто не мешало наносить удары, даже находясь в состоянии невесомости. Изготовленная из легких сплавов многослойная дверь конструктивно не была предусмотрена для сопротивления ударной нагрузке. Под воздействием титанового лома она начала потихоньку деформироваться и с одного края прогибаться внутрь отсека.

Тарасов увеличил тягу двигателей, отправив «Академика Челомея» в открытый космос подальше от двойной нейтронной звезды. Зависнув возле пульта, Сергей смотрел на вздрагивавшую под ударами лома дверь, а мыслями был на далекой Земле. В том домике у озера, где он любил рыбачить и встречать рассветы, где к запаху дыма от костра примешивался аромат духов Марии...

Он не сразу понял, что наступила тишина. Перевел взгляд на экран и не увидел изображения с камеры. Наверняка ее повредили суетившиеся в центрально-осевом коридоре научники. Тишина могла означать только одно: не сумев приступом взять отсек аналоговых систем управления двигателями, интернациональный астрофизический легион отступил. Надолго ли?..

Сергей оттолкнулся от пульта и поплыл к исковерканной двери. Постучал по ней костяшками пальцев, оценивая прочность, и услышал из коридора сочувственный голос Ахмета:

– Серега... Ты там живой?

Евгений Брагин

ПАУТИНА

В детстве Уилл любил бывать у мистера Нгебе. Мистер Нгебе жил в Центральном парке, на дереве. Не на самом дереве, разумеется, – у него был дом, расположенный на дереве, примерно на высоте третьего этажа, как у эльфов в книжке. Правда, на эльфов мистер Нгебе походил слабо – его черное сморщенное лицо скорее напоминало мордочку обезьянки, а торчащие во все стороны курчавые волосы и вовсе ни на что не походили – часть была густого черного цвета с синеватым отливом, часть – сизой, но в большинстве своем его волосы были абсолютно седыми.

Дом мистера Нгебе был деревянным, с дверью в форме листа липы. Внутри стены дома были покрыты ажурной резьбой, и тут и там висели разные безделушки из резной кости, перьев и старых игрушек. Посреди основной комнаты (единственной комнаты, куда Уиллу позволялось заходить) был нарисован сложный узор, напоминающий клубок переплетенных пляшущих змей. В центре этого узора располагался старый телевизор, чуть ли не шестидесятых годов – с выпуклым экраном и лакированным деревянным корпусом. Телевизор несколько не вписывался в стиль дома, но мистер Нгебе говорил, что телевизор ему нужен, чтобы видеть изменения Паутины. На вопросы о том, что за изменения и какой именно паутины, он не отвечал, лишь грустно улыбался.

Хотя Уилл не слишком любил лазить по деревьям, у него не было проблем с тем, чтобы попасть в дом мистера Нгебе. Когда мистер Нгебе желал его видеть, на то, чтобы забраться по дереву, Уилл тратил не более трех секунд. Когда же мистер Нгебе не желал его видеть, то даже подойти к дереву часто не удавалось, а уж о том, чтобы на него залезть, не могло быть и речи. А однажды Уилла чуть не побили, когда он привел познакомиться с мистером Нгебе Саймона и Старки – он не смог найти в парке ничего похожего на домик мистера Нгебе. Друзья потом еще долго называли Уилла выдумщиком, а мистер Нгебе после этого случая попросил больше не приводить к нему людей Паутины.

Когда Уиллу было десять – двенадцать лет, попасть в дом мистера Нгебе удавалось практически каждый раз, как Уилл приходил в Центральный парк. Однако чем старше он становился, тем реже мистер Нгебе желал его видеть, особенно после того, как Уилл начал использовать некоторые хитрости, которым обучил его мистер Нгебе, для того, чтобы выносить из супермаркета всякую всячину, не заплатив. Зато Саймон был от этого в восторге.

А когда Уиллу было шестнадцать, мистер Нгебе сказал, что переезжает. На прощание он подарил Уиллу одну из своих безделушек – резной шар из белой кости, внутри которого была запрятана небольшая игрушка из киндер-сюрприза, и сказал всегда держать ее при себе.

Больше Уилл никогда не видел ни мистера Нгебе, ни его дома на дереве. А еще через четыре года он впервые увидел Паутину – множество серых полупрозрачных переплетающихся нитей, большинство из которых тянулись параллельно земле на высоте пяти – семи метров. От некоторых нитей отходило много тонких отростков, которые часто касались голов проходящих по улицам людей. Иногда они, коснувшись головы, замирали на пару секунд, а потом отступали, иногда начинали как бы поглаживать по волосам, а иногда намертво присасывались. К головам некоторых прохожих крепились по три – пять таких отростков. Смотрелось все это довольно жутко, но было похоже, что никакого дискомфорта отростки людям не доставляли. К самому же Уиллу они не лезли.

Однажды Уилл проходил мимо магазина, торгующего бытовой техникой. Вся витрина была заставлена телевизорами. Они показывали одно и то же – какое-то дурацкое шоу. Уилл остановился и начал смотреть – и почти сразу несколько отростков Паутины устремились к нему. Внезапно амулет, подаренный мистером Нгебе, – тот самый костяной шар с заключенной в нем игрушкой – резко нагрелся, и отростки отпрянули от Уилла, будто от огня.

Через неделю Уилл принес в свою квартиру новенький телевизор. Он установил его посередине комнаты и попробовал нарисовать вокруг него тот же узор, что видел в доме мистера Нгебе. Но как только нанес на пол первый мазок краски, понял, что это сделано неправильно. Как именно нужно рисовать узор, Уилл так и не сообразил, поэтому решил сосредоточиться на резьбе. С резьбой по дереву у него дела шли куда лучше, чем с рисованием – в квартире уже были несколько деревянных плашек, сделанных им самостоятельно: на удачу, для здоровья, для сил и бодрости. Достав набор инструментов, он принялся за работу.

Наконец, через четыре месяца, все было готово. Уилл передвинул телевизор к стене, а перед ним выложил круг из сорока трех резных дощечек. Затем проделал один из самых сложных трюков, которым научился у мистера Нгебе. Он по-прежнему сидел перед неработающим телевизором – и в то же время завис в воздухе, почти касаясь головой потолка. Уилл-верхний потянулся сознанием к сердцу амулета, отпугивающего нити Паутины, и попросил его уснуть на время. А Уилл-нижний включил телевизор. Почти сразу Уилл-верхний увидел, как к голове Уилла-нижнего одна за другой метнулись четыре нити. Одна из них намертво

присосалась к затылку, две другие то упирались в волосы, то отступали, а четвертая, самая тонкая, свернулась спиралью рядом с головой и лишь изредка распрямлялась и касалась волос на пару секунд. Поначалу Уилл-верхний не мог обнаружить никакого эффекта от Паутины. Но потом заметил, что некоторые чувства, мысли и эмоции Уилла-нижнего как будто набухали – становились больше, чем они должны были быть, а некоторые, наоборот, уменьшались. И чем дольше это продолжалось, тем сильнее внутренний мир Уилла-нижнего отличался от того, каким был раньше. Около часа Уилл-верхний смотрел на то, как работают нити Паутины. Потом пробудил амулет, а Уилл-нижний выключил телевизор. И они снова стали одним человеком.

В этом небольшом сквере почти всегда было пустынно – люди старались обходить его стороной. А еще над ним располагалось одно из самых больших сплетений Паутины в Нью-Йорке. Уилл нашел это место почти через год после того, как раздваивался у себя в квартире. Большая часть этого времени понадобилась Уиллу для того, чтобы решиться. Остальное время ушло на изучение Паутины и поиск ее уязвимых мест. Гигантский клубок нитей в сквере рядом с Мартин-авеню был одним из них.

Уилл еще раз посмотрел на затянутое неторопливо колышущимися нитями небо. На его скулах заиграли желваки – для того, что он задумал, ему была нужна ярость. Он достал амулет – все ту же резную костяную сферу с маленькой фигуркой синего бегемота внутри – и, коснувшись сердца амулета, вбросил в него всю свою силу и всю свою злость. Амулет на мгновение раскалился, обжигая Уиллу руку, а нити Паутины вокруг вспыхнули ярким бездымным пламенем. Вскоре пламя погасло и оказалось, что многие нити полностью сгорели, превратившись в мелкий, невидимый простым людям пепел. Часть нитей обгорели и свернулись в плотные почерневшие комки. А остальные колыхались как ни в чем не бывало.

Впрочем, долго рассматривать результат своих действий Уиллу не дали – метрах в двадцати от него внезапно появились два человека: мужчина и девушка лет двадцати. Мужчина был похож на пожилого английского джентльмена – породистое, несколько надменное лицо, старомодный твидовый костюм и трость с бронзовым набалдашником. Девушка выглядела более неформально – кожаный топик, короткие шорты, тяжелые ботинки на шнуровке, почти доходящие до колен, и сетчатые колготки... Выбритая половина головы, а также ярко-зеленый цвет волос довершали образ.

Девушка резко и как-то дергано взмахнула рукой, и около ее ладони начала формироваться сфера, светящаяся ярким синим

светом. Но мужчина быстро схватил ее за руки и что-то негромко сказал. Она неохотно кивнула и тряхнула кистью – сфера распалась на сотню светящихся брызг, которые быстро истаяли, не долетев до земли.

Впрочем, Уилл этого уже не видел – он бежал. Бежал так, как еще не бежал ни разу в жизни.

«Какой же я дурак! – думал он. – Почему я решил, что Паутина – это что-то типа монстра? Ну, как гидра, которую Геракл одолел. Ведь она же явно связана с телевидением. А телевизоры делают отнюдь не монстры! Так кто же за этим стоит? Правительство? Тогда меня скоро будет искать ФБР! Черт! Вот это я попал...»

Добравшись до своего дома, он достал большую сумку и начал спешно закидывать в нее вещи – одежду, смену белья, документы, деньги. Внезапно он увидел, что в квартире не один – в его любимом кресле сидела женщина средних лет в сером деловом костюме.

– Здравствуйте, Уильям, – сказала она.

– Кто вы и что делаете в моем доме?

– Кто я? Все, что вам нужно знать, это то, что в круг моих обязанностей входит решение проблем. Таких, как вы. Впрочем, можете звать меня, ну, например, Дженни.

– Вы работаете на правительство? – задал новый вопрос Уилл.

– А разве я похожа на чиновника? – ответила она, иронично подняв бровь.

– Ну, немного. Или на агента какого-нибудь бюро расследований...

– Что? Нет, – улыбнулась она. – Я не из ФБР. Я состою в организации тех, чьи возможности несколько превышают возможности агентов ФБР.

– Вы говорите про сверхъестественные возможности? А ко мне вы пришли потому, что я один из вас? – спросил Уилл, хотя и понимал, что, скорее всего, основная причина визита заключалась отнюдь не в этом.

– Боюсь, если бы вы были одним из нас, то мы уже не разговаривали бы – с вами просто произошел бы несчастный случай. Или сердечный приступ, – сказала она, не меняя тона и с прежней дружелюбной улыбкой на губах. – Но, увы, вы бокуран. А бокураны очень не любят, когда кого-либо из них убивают посторонние. Даже если речь идет о таком недоучке, как вы, Уильям. А нам сейчас нет смысла с ними ссориться.

Уилл ошеломленно молчал.

– Что же мне с вами делать? – продолжила Дженни в задумчивости. – Впрочем, придумала. Есть одна территория, жители которой очень не любят приезжих. По крайней мере живых – ничего

против мертвых приезжих они не имеют и поэтому предпочитают видеть чужаков именно такими. Хотя вам, может быть, они и предоставят убежище. Впрочем, я бы на вашем месте не сильно на это рассчитывала. Но в любом случае там всем заправляют бокураны – значит, что бы с вами там ни случилось, мы за это ответственности нести не будем.

Сказав это, она вдруг хлопнула в ладоши, и мир вокруг Уилла стал стремительно выцветать, будто превращаясь в черно-белый рисунок. А через мгновение лицо Уилла осветило жаркое тропическое солнце. С немалым удивлением он обнаружил недалеко от себя двух жирафов, объедающих ветки акации, – вокруг простиралась саванна.

Третьи сутки Уилл бродил по саванне. За это время он встречал множество животных и птиц, которых до этого видел лишь на картинках и в зоопарке или и вовсе не видел ни разу. Причем они совсем его не боялись – создавалось впечатление, что они ранее не встречались с вооруженными ружьями двуногими. А вот никаких следов человеческой деятельности он так и не нашел. И, что еще хуже, он не нашел ни воды, ни пищи. Окажись на его месте Саймон или Старки, они бы уже давно упали от изнеможения и жажды. Уилл же продолжал идти. Впрочем, его друзья были обычными людьми, и в такую передрыгу они бы вряд ли попали.

Внезапно Уилл увидел на дереве с детства знакомые очертания дома с дверью в виде листа липы.

Взобравшись на дерево, Уилл вошел в дом. Внутри все было почти так же, как он помнил с детства, и в то же время не так – покрытые сложным резным узором деревянные стены, свисающие с потолка на длинных шнурах амулеты из резной кости, перьев, кусков яркого пластика и каких-то сушеных листьев. В комнате не было ни телевизора, ни окружавшего его ранее сложного узора на полу. Зато в углу стоял большой стол, на котором располагался солидный компьютер – красно-черный системный блок, клавиатура с подсветкой, мышь футуристической формы, дорогая на вид веб-камера. Два монитора находились на столе, еще несколько были закреплены на стенах.

– Мистер Нгебе? – неуверенно позвал Уилл.

– Нгебе здесь нет и никогда не было, – раздался голос у него за спиной.

Повернувшись, Уилл увидел чернокожего мальчика лет двенадцати – четырнадцати.

– И тебе не следует здесь быть, – продолжил тот.

– Прошу прощения, что зашел в ваш дом, – сказал Уилл, дружелюбно улыбаясь. – Я заблудился, и ваш дом – это первое жильё, которое я встретил. Могу я вас попросить принести воды? Не подсажете, как мне добраться до ближайшего города?

– Тебе не следует здесь быть, – повторил мальчик, покачив головой. – Не только в этом доме. Вообще здесь. В Африке. Ты здесь чужой.

– С чего бы? – возмутился Уилл. – Мои предки жили в Африке! И покинули ее не по своей воле!

– Твои предки покинули Африку. И ты американец. Вы все для нас чужаки. А цвет твоей кожи меня не интересует.

После этих слов стоящая на системном блоке компьютера веб-камера, зажужжав, повернулась к Уиллу объективом и громко щелкнула. Уилл почувствовал, что его куда-то затягивает.

Уиллу четырнадцать лет. Он только что проснулся и у него замечательное настроение – во-первых, сегодня выходной. Во-вторых, его родители уехали по делам в Питтсбург. И весь день он может делать абсолютно все, что захочет! Он идет на кухню и принимается готовить яичницу с беконом. Из радио льется музыка. Уилл начинает танцевать. Он все танцует и танцует, на плите скворчит яичница, из радио звучит все та же песня Фрэнка Синатры. Внезапно у Уилла возникает странное ощущение некой неправильности. Он пытается понять, в чем дело, но музыка обволакивает его сознание, не давая ему сосредоточиться. Он выключает радио – почему-то сделать это оказывается куда сложнее, чем можно было бы подумать. Садится на стул. Внезапно он вспоминает – о том, что ему вовсе не четырнадцать лет. О паутине, Дженни и малолетнем ублюдке, которого он встретил в доме на дереве.

Уилл осматривает квартиру – это действительно квартира его родителей, такая, какой она была в его четырнадцать лет. Только вот за окном абсолютно черно – в реальности этого не было никогда, даже глубокой ночью. Несмотря на мрак за окном, квартира залита дневным светом.

Уилл проверил входную дверь и окна – они не открывались. Он был заперт. Впрочем, этого он и ожидал.

Внезапно тьма за окном исчезла. Вместо нее там возникла комната того самого дома на дереве, в котором Уилл недавно побывал. Создавалось такое впечатление, что он смотрит на нее с экрана одного из мониторов, висящих на стене этой комнаты!

А на экране монитора, расположенного на другой стене, Уилл с удивлением увидел Дженни. Напротив экрана стоял тот самый мальчик, встреча с которым так неудачно окончилась для Уилла.

– Я вижу, он действительно у вас, уважаемый Джеорал, – сказала Дженни, бросив взгляд на Уилла. – Вы не могли бы выслать мне вашего гостя прямо сегодня?

– Разумеется, – ответил мальчик. – Я вышлю его сразу после того, как обязательства будут подтверждены.

– Эй, что происходит? – воскликнул Уилл. – Я, между прочим, бокуран! Если вы со мной что-то плохое сделаете, другие бокураны вам всем задницу надерут!

– Дерьмо ты слоновье, а не бокуран, – фыркнув, сказал малолетний Джеорал.

А вот Дженни была более словоохотлива:

– Понимаете ли, Уильям, – она улыбнулась, – как я вам уже говорила, бокураны очень не любят, когда кто-то посторонний убивает одного из них. Даже если это не полноценный бокуран, а человек, обладающий лишь малой частью их способностей. Но ничто не мешает одному бокурану сделать другого трофеем. Особенно если этот другой не обладает ни способностями, ни связями, ни положением в обществе. А уже с трофеями кто угодно может делать все что угодно.

Сказав это, Дженни достала небольшую иглу и кольнула себя в палец. Затем взяла костяную дощечку, изрезанную затейливым орнаментом, и капнула на нее кровью.

Джеорал вынул из папки лист бумаги с каким-то напечатанным на принтере текстом, а также подписями и печатями, уколол палец странно выглядящим кинжалом и также капнул на бумагу своей кровью. Проделав это, он сел за компьютерный стол, пару раз щелкнул мышкой и что-то набрал на клавиатуре.

Дальнейшего Уилл не видел – в комнате моментально почернело.

Уиллу четырнадцать лет. Он только что проснулся и у него замечательное настроение. Он идет на кухню и принимается готовить яичницу с беконом. Из радио льется музыка. Уилл начинает танцевать. Каждый день он начинает танцевать. Потом он вспоминает все, что с ним произошло. Но каждый следующий день он вспоминает это чуть позже, чем в прошлый раз.

Николай Проценко
МОЗГ

ЛОБНЫЕ ДОЛИ МОЗГА

Лобные доли мозга –
Внутренний мой ПК.
К задачам, простым и сложным,
Готовы они. Пока.

Лобные доли мозга
Могут начать сбоить...
Да пусть их! Без них возможно
Растительной жизнью жить!

FRONTAL LOBES OF BRAIN

Frontal lobes of brain are my internal PC. For tasks, simple and complete, they are ready, for the present.

Frontal lobes of brain can begin to lose their way. Oh but let them!
To live with vegetable life without them is possible, isn't it?

МОЗГ В МЕРТВОМ ТЕЛЕ

Бездыханное тело.
Мозг живет еще сутки.
Тело окоченело.
Мозгу в трупе так жутко!

В умирающем мозге
Боль тоски неизбывной.
Передать невозможно
Ужас смерти живым нам.

Не спеши, патанатом,
Это тело кромсать.
Страхом всё здесь объять.
Лучше день подождать.

DAS HIRN IM TOTENKÖRPER

Der leblose Körper. Das Hirn lebt noch immer einen Tag. Der Körper erstarrte. Dem Hirn im Leichnam so gruselt es!

In dem sterbenden Hirn ist es der Seelenschmerz des unüberwindlichen Totenentsetzung uns, lebendem, wiedergeben.

Haste nicht, Pathologe Anatom, diesen Körper zu zerstückeln. Alles hier ist mit der Angst gepackt; es ist lieber einen Tag zu warten.

Саша Зеленская
ЗЕРКАЛО

---

* * *

Туда – к космическим просторам,
Где день – не день и век – не век,
Своим упорным, юным взором
Всегда стремился человек.

Ему всего вдруг стало мало.
Бывал он в тундре и в горах.
Но сердце радостно стучало,
Мечтая о других мирах.

Фантасты, физики, пилоты
Нас продвигали с каждым днем.
И в результате их работы
Мы в век космический живем.

Кругом нейтрино и протоны,
Нам стала тесною Земля.
Мы снимки делаем Плутона
С космического корабля.

Нас удивить уже не сможет
Полет в немыслимую даль.
А мир – он стар и смертен тоже
И в этом главная печаль.

ПАРИЖ

Париж – иллюзия весны.
Нам про Париж всё снятся сны.
Когда-то по нему шагал
И Модильяни, и Шагал.

И там на улице одной
Цветаева жила весной.
Там все «месье» или «мадам»
И в самом сердце – Нотр-Дам.

В Париже есть Булонский лес
И башня ростом до небес.
Туристы, головы задрал,
С восторгом слушают Пиаф.

Там есть дворцы и есть бордели,
И все творцы в Париж хотели.

В Париже бурная весна.
Париж всех выпивал до дна.
И для души, а не престижа
Мы дышим воздухом Парижа.

ПЕСНЯ О МОРЕ

Море – оно для всех,
Это – как детский смех,
Море – оно, как сон,
Как колокольный звон.

Море – не просто вода,
Море – оно всегда,
Это прилив и прибой,
Как горизонт голубой.

Море – это волна,
Колодец без края и дна.
Это – белый песок,
Это – свободы глоток.

Море – мечта кораблей,
Сколько ж на свете морей?
Просто вокруг посмотри:
У каждого море внутри...

* * *

Вот к зеркалу прильну,
Чтобы с собою слиться.
В зеркальную страну
Душа моя стремится.

В кой бестелесный свет
И отблески пожара.
Мне в нем отрады нет,
Как нет тепла и жара.

В ней россыпи цветов
Без жизни аромата.
Но я в нее готов
Уехать без возврата,

Оставив навсегда
Стареющие лица,
Чтоб больше никогда
Ни в ком не отразиться.

АЛЬПЫ

Здесь никогда не тает снег,
Как боль в груди моей не тает.
Здесь следует за веком век –
А горы их за миг считают.

Здесь водопад шумит весной,
Холодной влагой наполняя
Озера. И пчелиный рой
Летает, устали не зная.

Корова – буйные рога,
Чей долгий день едой загружен,
Съедает целые стога.
Над нею зоркий ястреб кружит.

А вечером, свой хлев найдя,
Весь аромат альпийской флоры
И воду чистого дождя
Молочнику, как часть себя,
Отдаст, и вновь вернется в горы.

* * *

Есть в мире на разум какой-либо спрос?
И что завещали пророки?
Нас всех занимает простейший вопрос:
Насколько мы здесь одиноки?

Мы брошены в пекло на откуп богам.
И нас центробежная сила
Несет по Вселенной к другим берегам.
И в общем-то это – Красиво!

И, слушая скрежет вращения планет,
Мы все понимаем так ясно –
Другой такой жизни, возможно, и нет.
И в сущности это – Прекрасно!

* * *

Рюмка водки, покрытая хлебом
На столе сиротливо стоит.
Ты теперь меж землею и небом,
Где душа белой чайкой парит.

И летит она выше и выше,
Бьет челом неземному царю.
Я сижу одиноко на крыше
И ей вслед неотрывно смотрю.

И чем дальше она улетает,
Тем сложнее ее путь проследить.
Мое сердце в надежде мечтает,
Чтоб Господь смог ее наградить.

* * *

Я не лицом и не походкой –
Душою стар.
Сменю стакан холодной водки
На самовар.

Сменю костюм и эполеты
Да на халат.
Достану мед, халву, конфеты
И сервелат.

И сяду с толком, с расстановкой –
Не на скаку,
Повесив на стену винтовку,
Попить чайку.

НЕРЕАЛ**Михаил Рашевский**
ЭЙ!

Эй!

А ты помнишь дословно, что она пела? Можешь повторить? Ну да, да, есть записи. Хочешь – посекундная раскадровка, хочешь – с разных ракурсов, с раскладкой на тона, с дословным переводом, но... но смысл донести ты можешь?

Ах, сложно? Говоришь, для каждого – свой смысл? Да что это значит – «для каждого – свой»?!

Естественно, я слышал и видел ее выступление. В записи, конечно, ведь она... ну да...

Но не будем отвлекаться. О чем она пела? Ах, не пела. А что тогда? Вещала?

Стоп!

Как может «вещать» ничтожный никому не известный человек да на всю планету? Без раскрутки, без задумки, без глобальной многомесячной подготовки. На разные континенты, идеологии, религии, культуры, наконец. Ну как?

Ты помнишь, откуда вообще все началось? Помнишь тот региональный конкурс «Мы ищем таланты» и большущий хор каких-то там протестантов, и ее, в громадных очках, с широко открытым ртом, что сверкала безразмерными голубыми зрачками и улыбалась. Улыбалась совершенно по-идиотски.

А потом она вдруг вышла вперед. Растолкала всех и вышла вперед. Вырвала микрофон у ведущей, и все сделали вид, что инвалиду это позволено.

И запела.

Она пела?... Это действительно была песня? Вот то, что она доносила до нас – это была песня?

А, неважно.

Это было послание.

Да, она рассказала нам в... ладно, пусть будет песне, в этих рифмованных строчках, в этой мелодии (да кто играл-то???), в этом всем сочетании букв, звуков, тонов – кто мы есть. Кто мы есть. К чему мы идем. Чем мы станем. И как нам вовремя остановиться. Как нам понять, где наши границы.

Ты помнишь, что трансляция онлайн продолжалась без обрыва, несмотря на шестичасовые новости? Ты помнишь, когда прозвучал последний аккорд и последний звук сорвался с ее

дрожащих губ... она просто упала на сцену. И всё. Нам сказали потом – кома. И никто не смог эту девочку вывести из забытья.

У многих ведь тогда сложилось впечатление, что эта девочка была... да-да, гласом божьим.

Ты помнишь, что случилось потом?

Все эти перепосты, соцсети, бум, аншлаг? Сначала – просто горячая история, приколы, невероятное событие, мемчик. Потом – как обязательный ролик в шоу про сумасшедших. Но потом... потом как звук и послание, что пришло извне.

Она звучала... вещала в разных странах. Абсолютно разных. Тогда разных.

Вот тебе и «раскрутка».

Ты тоже не понимаешь, почему они (и мы) без перевода поняли и смысл, и посыл, и даже в каком направлении делать выводы? Ну вот как, как это осмыслить?

Ты же помнишь, как всё, что в мире происходило, разобщенное, разбегающееся – теперь устремилось навстречу друг другу, стало цепляться одно за другое, остановилось вдруг – и мучительно, с надрывом, со скрипом зубов вновь пошло. Разом, вместе, в одном направлении.

Совсем с другим сердечным ритмом, который слышали теперь миллиарды.

Сначала «включились» простые люди. Потом те, кто обустроил их материальный мир. Те, кто развивал духовный. И, наконец, пастыри-руководители. Все услышали текст и звуки той песни.

Услышали – и! Невероятно! Вдруг все начало меняться. Как будто пробудился спящий тысячелетия трансформер. Пробудился – и словно из примитивной водокачки стал вылепляться футуристический механизм. Хаос переплетенных нитей выстраивался в упругие волокна, неразбериха направлений векторами сливалась в один поток. Дрожа, пробивая затворы, выпрямляя русло.

Но такого не бывает. Не в нашей стране, не с нашим народом. Да и не только в нашей.

Ты тоже думаешь, что именно это подстегнуло человечество жить по-другому? Эта вот песня, этот простой, на первый взгляд, набор слогов и звуков?

Это ведь глупо.

Что? Ты говоришь, не впервой такое? Что такое уже было?

Допустим... Но что же она сказала? Что она сказала для того, чтобы остановить весь тот кошмар, что был нашей жизнью? Как это сказать в будущем? Будущим нам.

Эй!

Станислав Никишкин ЗАВТРА ПРОДОЛЖИМ

– Так, хорошо... А сейчас спокойно... Открывай книгу... Молодец! Читай. Следи за силой в голосе... Не надо громко! Я же объяснял: он должен чувствовать твою силу над ним. Сейчас он должен ощутить ее через твой голос, иначе тебе его не подчинить... Не бойся его, это он должен бояться тебя! Продолжай. Верь в то, что читаешь! Пропускай это сквозь себя. Вот, молодец! Отлично!!! Чувствуешь? Ты чувствуешь, что он уже близко?! Да, он рядом! У тебя получается. Но не отвлекайся, продолжай, читай. Сейчас будет тяжело дышать, воздух сгущается, материя не может взяться из ничего... Терпи!.. Вот так! Видишь свечение? Это и есть тот, кого ты призываешь. Закрывай книгу... Черти знаки... Соберись! Скорее! Стихии по углам!!! ДАВАЙ ЖЕ! ОН УЖЕ СЛИШКОМ БЛИЗКО! КРУГ! ЧЕРТИ КРУГ!!! ЗАМЫКАЙ!!! О БОЖЕ!!! IMPERIUM LUCIUS ANNAEUS SENECA!..

Демон растворился, наполнив воздух запахом жженой бумаги. Старик подошел к мальчику, сидящему в центре незамкнутого круга, и потрепал его седые волосы:

– Завтра продолжим!

– Итак, начали! Соберись! Не бойся! Сколько можно трястись перед ним?! Книгу бери, бездарь!.. Читай!!! Выразительнее! Если ты опять не дочертишь круг, я не буду его останавливать! Мне не нужен такой ученик, ты понял? Читай же!.. Хватит мямлить!.. Вот так! Да, молодец! Злость, ярость! Дыши! Я ЗНАЮ, ЧТО ТЯЖЕЛО! Ты не ангела вызываешь, а демона из самой преисподней... Вот он! Черти знаки! Давай же!.. Теперь круг!.. Превосходно!.. А теперь сумей удержать его!.. Что? Как он смог выйти за пентакль? Я же сам начертил его, ты ставил только знаки!.. Зачем ты стер одну из сторон, негодник? IMPERIUM LUCIUS... Что ты делаешь? Прекрати! Останови его!.. АААААААА!!! Скажи: «Lucius annaeus»... Он твой и ты его должен остановить! НЕ МОЛЧИ!!! ОН ЖЕ УБЬЕТ МЕНЯ! УМОЛЯЮ, ОСТАНОВИ ЕГО!!! НЕЕЕЕЕТ!

– Vacat vobis liberum! – выкрикнул мальчик, и демон исчез, забрав с собой учителя.

Мальчик выбежал на улицу и заплакал. Он не понимал, отчего плачет, но знал точно, что самое худшее уже позади...

Он вытер слезы, обложил ветхое строение сухой травой и поджег. Огонь взмыл до небес, уничтожая все то, что творил здесь мальчик, его учитель и учителя его учителя.

Потом мальчик побежал. Он бежал через лес, поле, взбирался на холмы, царапая руки и сбивая ноги, и не оглядывался. Лишь оказавшись у реки, он ненадолго остановился, пытаясь понять, в какой стороне его дом, его мать и отец, которые, возможно, еще помнят о нем и будут рады его возвращению.

Ветер растрепал его волосы, взмыл к облакам и унесся прочь от реки, за поле и лес, туда, где уже догорела ветхая хижина, а среди углей лежала нетронутая пламенем древняя книга.

ИГРУШКА

Максим мчался к песочнице, крепко сжимая в руке новую игрушку – танк: наспех обточенный деревянный брусок с ржавым гвоздем вместо ствола. Когда до песочницы оставалось с десяток метров, он сбавил темп и спрятал игрушку за спину.

– Что там у тебя? – слышались крики мальчишек, уже игравших в песочнице. Теперь они встали на ноги и смотрели на Максима. – Покажи! – Они сгорали от нетерпения.

Максим остановился, выдержал паузу, а затем медленно достал из-за спины свой танк. Все разом восхищенно выдохнули и принялись рассматривать игрушку.

– Ну как? – наслаждался моментом Максим.

– Класс! Отец сделал?

– Да! – гордо ответил Максим. – Круто?

– Еще как!

Губы Максима расплылись в широкой улыбке.

– Давай играть, интересно посмотреть его в деле.

И мальчишки дружно принялись за игру. Деревянный танк ползал по песчаным дорогам, спускался в песчаные канавы, взбирался на песчаные холмы, стрелял, превращая в руины песчаные дома.

Внезапно вразнобой запищали таймеры, закрепленные силиконовыми ремешками на запястьях детей.

– Бежим! – выкрикнул кто-то, и все сорвались с места.

Максим схватил танк и помчался вместе со всеми. Дом был уже близко, как вдруг он случайно задел стволом-гвоздем собственную ногу и уронил игрушку. Он по инерции сделал еще несколько шагов, остановился, развернулся и рванул назад.

– Брось его! – кричали мальчишки, но Максим их не слышал.

Он схватил игрушку и на мгновение поднял вверх глаза. Заслоняя небо, пожирая его синеву, на него надвигались «черные крылья». Застрекотали зенитные орудия, но они не были способны сдержать их. Мальчик что было сил устремился к дому.

В воздух поднялась пыль. Она заполнила все вокруг, мир погрузился в сумерки. Максим закрыл лицо рукой, он больше не видел дороги. Отчаяние подобралось к горлу и сжало его, Максим был готов закричать, но не мог открыть рот. Он сел на землю и сжался в комок, обхватив голову руками.

Но вдруг чьи-то крепкие руки подняли его и помчали в неизвестность. Еще несколько секунд – и над головой захлопнулся тяжелый люк. Шум стих, пыль исчезла.

Максим открыл глаза.

– Папа! – По лицу побежали слезы. Он крепко обнял отца за шею, прижался к грязной щеке.

– Идем!

Отец опустил сына на пол, взял за руку и потянул вниз по бетонным ступеням мимо тусклых фонарей.

Забравшись на кровать, сбитую из старых досок, Максим играл танком, наспех выточенным отцом из деревянного бруска с ржавым гвоздем вместо ствола, а над ним дрожала земля под ударами «черных крыльев», стирающих остатки человеческой цивилизации с лица планеты.

СТАЛЬНОЙ ЛИС

«Стальной лис» пристыковался к шлюзу Н-512 околоземной орбитальной станции. Дориан Криз, грузный мужчина пятидесяти трех лет, отстегнул ремни и, внимательно посмотрев на приборную панель, перевел несколько тумблеров в положение «Off». Достал небольшую сумочку, вынул из нее идентификационную карту, крикнув, встал, и, придерживаясь руками за потолок, направился к выходу.

Он несколько раз приложил идентификационную карту к электронному блоку управления дверью стыковочного шлюза, но зеленый индикатор на ней так и не загорелся. Дориан приподнял брови, вздохнул и приложил палец к матовой пластине, расположенной чуть ниже блока управления. Раздался короткий звуковой сигнал.

– Криз. Дориан. Пилот. «Стальной лис». Восемнадцать – семьдесят четыре, Аркана, – буднично произнес он. – Цель: Земля.

Криз убрал палец с пластины и сделал шаг назад.

Зажужжал сканер. Его лучи забегали по лицу Дориана, ощупывая невесомыми прикосновениями. Криз терпеливо ждал. Он умел ждать. Это умение он развил в себе в долгих космических переходах с неуказанной точкой прибытия. В таких случаях пилот не может отправиться в слиппер вместе со всей командой,

потому что корабль находится в полуавтоматическом режиме, и управление им требует участия человека.

Наконец дверь шлюза открылась, и Криз шагнул вперед. Узкий коридор освещался тусклыми светильниками, закрепленными на сводчатом рифленом потолке.

– Ничего здесь не поменялось, – пробурчал Дориан, всматриваясь в полумрак. – Благо что путь один.

Звук шагов отражался от стен коридора и заполнял собой его пространство. Коридор оканчивался металлической дверью, ведущей из шлюза в общий зал.

– Ну вот и пришел, Стальной лис.

Криз положил ладонь на ручку двери и обернулся. Почему-то ему показалось, что он находится в чреве червя.

«А может быть, так оно и есть, – подумал он и усмехнулся. – А может быть, вся наша жизнь, как этот коридор: тусклая, узкая, а выход один».

Он выдохнул, надавил на ручку и потянул дверь на себя.

В глаза ударил яркий свет. Дориан зажмурился и попытался заслониться от него, выставив руки перед собой, но это не помогло.

– Не двигайтесь! – раздался многократно усиленный электронной и без того громкий голос.

Дориан замер. Через несколько секунд свет погас. Перед ним стояли бойцы специального подразделения космической полиции.

– Вот так прием, – пробормотал он.

Из-за спин полицейских вышел высокий худощавый мужчина.

– Я комиссар Итон Вэй. Дориан Криз, восемнадцать – семьдесят четыре, Аркана, вы обвиняетесь в космическом пиратстве. Ваша вина установлена и доказана. За подобные преступления Кодекс предусматривает высшую меру наказания. Вы будете транспортированы...

– Да знаю я! – перебил его Криз. – Сам пришел, все понимаю. Транспортируйте, исполняйте, делайте, что положено по Протоколу и Кодексу и всему остальному.

Он окинул взглядом зал космического терминала. Все пассажиры, которых здесь обычно несколько десятков, были эвакуированы. Полицейские сосредоточенно смотрели на него, каждый был готов мгновенно отреагировать на любое действие преступника. За огромными панорамными окнами чернела бесконечность космоса – плоская пустота, будто нарисованная на листе бумаги и не скрывающая в себе миллиарды галактик.

Дориан закрыл глаза, несколько раз жадно втянул ноздрями ионизированный воздух станции и спокойно произнес:

– Я много раз себе это представлял.

«Три... два... один...» – мысленно отсчитал он и резко сунул руки в боковые карманы куртки.

Всплеск, еще один, и еще, и бездыханное тело космического пирата Дориана Криза, сраженное полицейскими, завалилось набок и застыло на полу.

Комиссар специального подразделения Итон Вэй подошел к телу пирата и присел рядом. Внимательно осмотрел его, а затем аккуратным движением вынул из наружного кармана куртки Дориана Криза небольшую коробочку. Сняв с пояса портативный анализатор, он убедился в безопасности содержимого и медленно открыл крышку. В коробочке лежал сложенный несколько раз лист бумаги. Вэй аккуратно вынул его и развернул.

Прочитав написанное, комиссар бережливо сложил лист и вернул в коробочку. Бросил взгляд на тело Криза и убрал ее во внутренний карман плаща.

– лейтенант, я должен отбыть по срочному делу. Оформите рапорт с формулировкой: «Криз Дориан, восемнадцать – семьдесят четыре, Аркана, ликвидирован при попытке оказать сопротивление во время задержания».

– Есть, комиссар!

Земля.

В доме на Эйкер-штрассе раздался дверной звонок.

– Здесь проживает Элеттра Криз? – спросил высокий худощавый мужчина.

– Да, но теперь Элеттра Стивенсон, – ответила девушка, открывшая дверь.

– Это вам. – Он протянул ей небольшую коробочку, развернулся и ушел.

– Кто там, дорогая? – послышался мужской голос из глубины дома.

– Не знаю, какой-то мужчина. Вручил коробочку и ушел. – Девушка пребывала в недоумении.

Ее муж подошел к ней.

– Позволишь?

– Конечно.

Он открыл крышку и вынул лист бумаги.

– Это записка. – Он прочитал первую фразу и протянул лист девушке. – Адресована тебе.

«Дорогая Элеттра! Я пропустил множество важных событий в твоей жизни, в чем такое же множество раз раскаялся. Я много лет бороздил космос в поисках сокровищ, а мое истинное сокровище всегда было на Земле. Не гонись за звездами, их истинный свет в тех, кого ты любишь. С днем свадьбы. Папа».

Андрей Мацко
ЛЕГЕНДА О СЛЕЗОЛОВЕ

1

*Она стояла на мосту,
Роняя слезы,
А он их молча собирал
В свои ладони,
Хватая прямо на лету.
Но слишком поздно –
Один мерзавец обманул,
Да так серьезно,
Что боль ее догонит...*

Бездомные под мостом уже улеглись, за исключением старика с замусоленной бородой и впалыми глазами, в которых одновременно читались разум, отличающий людей от животных, и безнадёга. Сидя у костра, старик напевал грустную песенку. Пел он ужасно, хотя смысл можно было разобрать. Слова о камнях-друидах, стоявших в далеких краях, и о людях, пытавшихся разгадать их тайный смысл, зацепили находившееся в тени существо – слишком уж близко касались его предназначения.

Старик, зевая, закончил песню. Кряхтя, поднялся, подбросил в угасающий костер толстую сухую ветвь и повернулся к широким сводам каменного моста. Подобрал лежавший под ногами распоротый дырявый мешок, сегодняшней ночью призванный служить ему одеялом, он пробрался между спящими и улегся возле двух таких же бедолаг, не нашедших иного места для ночлега. Укрывшись, он почти мгновенно погрузился в сон, впервые за долгое время не мучаясь от боли. Кошмары тоже ушли – напротив, сновидения были полны света и добра. Ему снился дивный сад, в котором росли только каменные цветы...

Когда старик уснул, Слезолов вышел из мрака. Освещенное угасающим костром существо не отбрасывало тени. Величественная фигура была укутана в странный, никак не соответствующий эпохе темный плащ. Скрытая капюшоном гладкая черная голова представляла собой плотную слизистую оболочку, лишенную при-сущих человеку органов слуха, обоняния и зрения. Тем не менее существо слышало, чувствовало и видело намного лучше людей.

Слезолов точно знал, где надо встать для выполнения его странного дела. Он подошел к каменному бордюру, отделяющему землю под мостом от реки, и шагнул вперед. Его ноги, обутые в

черные обтягивающие сапоги до колен, коснулись воды, вокруг подошв образовалась небольшая рябь. Существо, бесшумно ступая по воде, уверенно добралось до середины реки. Слезолов вытянул руки вперед и подставил ладони тусклому свету нисходящей луны. Высоко над ним, стоя на широком парапете моста, задумалась девушка. Она не могла над ним его заметить – этому мешал пышный подол голубого платья.

Вид с величественного моста в лунном свете был особенно красив. Пожалуй, не нашлось бы места более подходящего для одинокого времяпрепровождения. Этот пейзаж часто становился последним для ночных посетителей каменного исполина, потому народ и дал ему красноречивое название: «Мост самоубийц». Чуть ранее девушка прибежала сюда с неким твердым намерением, что и привело в это место Слезолова.

Девушка застыла на высоком парапете, упираясь рукой в декоративную колонну. Обводя взглядом очертания города, темную воду, луну, развалины замка вдали, она осознала, что вся эта красота вскоре станет ей недоступна. От этой мысли защемило в груди, но желание поскорее завершить задуманное лишь усилилось. Глядя, как далеко внизу струится река, девушка почувствовала легкое головокружение. Возможно, из-за него или же по другой причине на глаза ее навернулись слезы, и только что безраздельно властвующее желание свести счеты с жизнью каким-то мистическим образом начало отступать. По щеке скользнула первая слезинка, а потом истерика захлестнула красавицу с такой неистовой силой, что, казалось, это не девушке хочется плакать, а само место вытягивает из ее души темный ком обиды, грусти, боли и тоски.

Она закрыла лицо руками, как будто это могло заглушить истерику, но слезы все лились, словно вызванные чьим-то колдовством. Девушка не замечала, как слезинки скатывались по плотной ткани платья и устремлялись туда, где их бережно собирал Слезолов – так он избавлял отчаявшихся людей от страданий. Его длинные тонкие пальцы подрагивали от напряжения, но он не пропускал ни одной капли, и слезы, словно по волшебству, мягко ложились ему на ладони, мгновенно впитываясь в черную слизкую кожу.

Девушка продолжала рыдать, но с каждым выдохом, с каждой новой слезинкой избавлялась от своих проблем, сбрасывала ношу, до этого представлявшуюся непосильной.

И когда уже казалось, что все заботы остались позади, одно неосторожное движение перечеркнуло ее обретенное заново желание жить, равно как и всю работу Слезолова. Девушка охнула, теряя равновесие и чувствуя, как ее неумолимо тянет вперед.

Она пыталась удержаться, но пальцы лишь скользнули по гладкой колонне, и красавица с криком упала в объятия глубоких вод.

Под мостом проснулись люди, включая старика с замусоленной бородой и впалыми глазами, так и не успевшего узнать историю каменного сада. Несколько бездомных попытались помочь несчастной, но смогли добраться до нее лишь гораздо ниже по течению. Увы, девушка была мертва.

Бродивший ночью по набережной за рекой мужчина позже рассказывал, что за мгновения до трагедии видел стоящего прямо на воде человека в черном, а потом словно какой-то неведомой силой девушку бросило в реку. Его слова породили легенду о призраке «Моста самоубийц».

Слезолов исчез, растворившись во мраке как раз в тот момент, когда девушка осознала неотвратимость своего падения. Это существо не знало жалости, и смерть девушки его не тронула. Слезолов был разочарован – невыполненные обязательства не приближали окончания его работы.

2

*... Так происходит день за днем,
И каждой ночью
Их нескончаемый поток
Проходит рядом.
Пылая внутренним огнем,
Когда нет мочи,
Ему, не ведая о том,
Ладони мочат
И травят своим ядом...*

Он делал это сотни лет. Менялись эпохи, гибли цивилизации, а Слезолов беспрестанно собирал слезы и боль людей. Его капюшон в разное время мелькал в разных местах планеты, порождая у народов легенды о чудовищах, живущих среди людей. Некоторые были далеки от истины, другие близки к ней, но они никогда не находили подтверждения и потому неумолимо стирались из памяти людей, сменяясь новыми легендами и мифами. А боль на земле не заканчивалась – бесконечным потоком люди, сами того не ведая, обращались за помощью, и Слезолов, выбирая из множества вариантов, отвечал на их зов, потому что это являлось частью его работы.

Он избавлял людей от душевных мучений, а после возвращался в Сад и ухаживал за своими питомцами. В зависимости от количества слез, одни росли быстрее, другие – медленнее. Он стремился дать им столько влаги, сколько хватало бы для дости-

жения цели, пусть процесс роста и мог затянуться на миллиарды лет – времени у Слезолова хватало.

Мягкими, неслышными шагами существо проникло в место, которое люди, возможно, нарекли бы Раем. Для него же оно являлось хранилищем, в центре которого росло огромное белоснежное Вечное Древо. Оно было больше любого другого дерева и излучало бархатный свет, который отражался от круглых стен. Сквозь одну из них и прошел Слезолов.

Ему не нравилось это место. Белизна проникала в голову, в мысли, заполняя все его естество. Это было терпимо, но каждый раз Слезолову казалось, что Белизна изменяет его изнутри, и он знал лишь одно существо, способное проделывать подобные изменения. Оно и отправило его на Землю с определенной целью, и отказать этому существу Слезолов не мог.

Он протянул руки к дереву, и на ближайшей ветви появилась белая почка. Она росла, пока не достигла размеров крупной фасоли. Затем почка раскрылась, образовав удлинненную чашу, и Слезолов занес над ней сомкнутые ладони.

Из кончиков черных пальцев начала выделяться ранее собранная влага. Капли легко проходили сквозь слизкую кожу, одна за другой падая в белоснежный сосуд. Как только последняя слезинка оказалась там, края почки сомкнулись. Слезы девушки в голубом платье будут ждать своего времени, чтобы впитаться в белоснежное Вечное Древо и, совершив путешествие по корням, достичь Абсолютного Света. Слезолов знал, что в этом Свете происходит очищение и зарождение новых душ.

Девушка не покончила с собой, хотя изначально имела такое намерение, и не успела насолить природе, поэтому ей было суждено стать птицей, познать радость первого полета и напевать людям о том, чего им не дано понять.

3

*...А Слезолов войдет в свой сад
И извинится:
«Сегодня нет, увы, для вас
Людских подарков.
Одна отправилась на склад
И станет птицей.
Другой, что ей все время лгал –
Ему не спится
И будет очень жарко!»*

Куда ближе этому существу был Мрачный Сад за пределами Хранилища. Слезолов оказался в нем, покинув склад тем же пу-

тем, каким попал туда – пройдя сквозь стену. Он вернулся в мрак Пустоты, простиравшейся, казалось, бесконечно далеко. Эта мрачная пустота и была Садам. Мягкие шаги Слезолова тонули в податливом черноземе, а вокруг вздымались каменные стебли неведомых людям растений. Одни были тонкими и короткими, многие же другие толщиной превосходили древнейшие баобабы, но тянулись гораздо выше обычных деревьев – на сотни метров, проникая стволами в слизистую субстанцию, похожую на кожу Слезолова.

Самые первые Цветы, взращенные этим существом, были поистине гигантскими. Они устремлялись сквозь слизистый потолок, разрастаясь во всех направлениях настолько, что в некоторых местах планеты умудрялись пробиться на поверхность.

Он ухаживал за этими Цветами, что было такой же частью работы, как и необходимость собирать слезы отчаявшихся людей.

Слезолов опустил голову и застыл посреди Сада Каменных Цветов. Он не произнес ни слова, но знал, что растения его слышат.

Безмолвно он поведал им о событиях ночи. Об очередной легенде, придуманной о них, и о том, как во время ритуала девушка сорвалась вниз, лишив Слезолова возможности доставить обитателям Сада драгоценную влагу. Он объяснил Цветам, что сегодня слез не будет, потому что Просительница не успела выплакать для них свои беды. Повезло лишь Вечному Древу, призванному запускать механизм жизни заново.

Редкие неудачи Слезолова мешали росту Сада: как и обычные растения, Каменные Цветы не растут, если их не поливать.

4

*...Его питомцы все поймут,
Но не ответят.
Он обязательно придет
С уловом снава.
И розы в каменном саду
С любовью встретят
Того, кто им дает беду,
И их излечит
Добыча Слезолова.*

Цветы никогда не отвечали, но Слезолов знал: как и Вечное Древо, они все понимали. Слезолов являлся здесь лишь садовником, а создатель Сада был гораздо древнее и могущественнее. Слезолов находился в плену своей работы и этого существа. Он обязан был собирать содержащие боль и страдания слезы людей и насыщать Каменные Цветы этим концентрированным Злом.

Без помощи заточившего его существа Слезолову не покинуть планету, поэтому он продолжит растить Каменные Цветы. Те из них, которым удастся пробиться на поверхность, будут неуклонно тянуться к своему властелину – туда, где расцветают звезды.

Разные поколения и цивилизации будут слагать о них мифы, легенды и песни, подобные слышанной Слезоловом от старика с замусоленной бородой и впалыми глазами.

Это продолжится до тех пор, пока не завершится противостояние Вечного Древа и Мрачного Сада.

Александр Аронов НЕСНОСНЫЙ ПРИШЕЛЕЦ

Мистер Маккейн обедал, когда ему позвонили. Это его сначала удивило, а потом насторожило. Всю жизнь мистер Маккейн прожил в мире, где ему постоянно звонили, чтобы что-то предложить, потребовать, выяснить и даже чтобы узнать, хорошо ли он себя чувствует, потому как в прошлый раз, когда ему позвонили, он не ответил. Поэтому, скопив приличную сумму, мистер Маккейн сделал себе самый лучший подарок, на который ее хватило: купил планету.

Не такую: с воздухом и всеми удобствами в виде достаточной площади земли, нужного количества воды, личного народца, который жил бы только затем, чтобы перевозить своего космического благодетеля, и с особым, очень дорогим бонусом – личной луной. К сожалению или, в большей степени, к радости мистера Маккейна, все, на что хватило его средств, – это пустынная, никем не населенная планета, где даже воздуха не было, за исключением тех нескольких модулей, в которых он сейчас проживал. И тут на тебе! Ему звонят!

Не по межзвездной линии, что было бы не менее удивительно: заплатив за личную линию связи, мистер Маккейн ясно дал понять – та должна быть односторонней, чтобы только он мог позвонить в том экстренном случае (очень редком и по-настоящему экстренном), когда ему понадобится. Ему позвонили по внутренней линии. Скорее всего, это сделал кто-то, кто сейчас находится здесь. Но ведь над планетой висит маяк (еще одна опция, которую он оплатил) и объявляет любому приблизившемуся, что это частная собственность, хозяин которой хочет, чтобы его не беспокоили НИКОИМ образом. Нет, этот наглец, кем бы он ни был, проигнорировал предупреждение маяка, и сейчас, возможно, разгуливает по его планете!

Мистер Маккейн посмотрел на межзвездный коммуникатор, два года бесцельно лежавший на полке с того самого дня, как он ступил на эту планету. Может, стоит позвонить и сообщить о нарушителе? Еще одна опция, которую он оплатил, хотя специально (и долго) выбирал такую удаленную и малоперспективную планету, на которую точно никто бы в здравом уме не позарился. Как так получилось, что агент по продаже планет уговорил его внести этот пункт в контракт, мистер Маккейн и сам не понимал. Коммуникатор позволял связаться с межзвездным центром безопасности и сообщить о вторжении в частную собственность,

и тогда один раз к нему может прибыть полицейский патруль и выводить нарушителя.

Абсолютно бесполезная опция и трата денег, учитывая, что планета занесена во все каталоги (очередная оплаченная привилегия) как его, мистера Маккейна, собственность, и случайно, по незнанию, никто на нее прилететь не может. А даже если и прилетит, есть космический маяк. И нарушителя ждет суровое наказание, четко прописанное в межзвездном уголовном кодексе. Мистер Маккейн имел полное право потребовать, чтобы сюда прибыл патруль.

Коммуникатор зазвонил снова. И еще раз. И еще. Кем бы ни был звонивший, делал он так явно неспроста.

И тогда мистер Маккейн разозлился. Нужно найти нарушителя! Он схватил коммуникатор и быстро направился к шлюзу. Поспешно надел скафандр и вышел из своего жилища.

Одинокий желтый карлик был в зените и заливал светом все вокруг. Мистер Маккейн бросился к планетоходу. Судя по метке на коммуникаторе, звонивший находился где-то поблизости, и не было нужды пользоваться планетолетом. Да и на его подготовку ушло бы немало времени.

Пока планетоход в автоматическом режиме прокладывал путь к точке назначения, мистер Маккейн так и эдак прикидывал, что скажет нарушителю, какими словами вынудит того улететь восвояси. И когда нужные слова были подобраны, и он ощутил удовлетворение от того, как хорошо подготовился к встрече с незванным гостем, планетоход обогнул горку и выехал на плато. И тут взгляду мистера Маккейна предстала удивительная картина. Корабль незнакомого типа устремлял ввысь свой ужасно тонкий, серебристый, покоящийся на опорах корпус. А ведь все известные ему корабли садились горизонтально!

Чем ближе подъезжал мистер Маккейн, тем сильнее удивлялся: неизвестный корабль становился все выше и выше. Не доехав до одной из гигантских опор корабля, мистер Маккейн остановил планетоход и ужаснулся огромным размерам пришельца. Корабль был в два раза выше, чем все жилые модули мистера Маккейна, реши он соединить их и поставить получившуюся конструкцию на торец!

Теперь он не был уверен, что решение самому выдворить незнакомца, а не вызвать межзвездную полицию, правильное.

Коммуникатор снова зазвонил. Мистер Маккейн решил и нажал на кнопку. То, что он услышал, было громко, глухо (словно говоривший сидел в бочке) и ужасно медленно. Будь он на месте неизвестного, за десятую часть того же времени высказал бы больше. А главное – мистер Маккейн не понимал ни слова. Агент

по продаже планет предлагал ему приобрести ИИ, который может расшифровать любой малоизвестный язык, – на случай вторжения в его частную собственность того, кто не знает стандартного межзвездного. Но учитывая количество уже приобретенных опций, мистер Маккейн посчитал эту излишней. О чем теперь жалел.

Ему не оставалось ничего другого, как воспользоваться правилом древнего этического кодекса, которое он не хотел применять. Не зря же он проделал такой путь!

Мистер Маккейн выбрался из люка планетохода, поднял правую конечность вверх и сделал два взмаха.

Коммуникатор молчал.

Мистер Маккейн постоял немного и повторил свои жесты. И это возымело эффект. В серебристом корпусе корабля открылся люк и оттуда выдвинулся трап. Мистер Маккейн замер в напряжении, смотря в черный проем. Сейчас он жалел еще об одной опции, которую пожадничал внести в контракт: личное оружие.

Сначала из люка показались две конечности, потом туловище, потом две другие конечности и голова. Незнакомец был одет в серебристый скафандр. Он медленно спустился по трапу и встал в полный рост.

Мистеру Маккейну стало дурно. Пришелец был намного выше него. Скрывавший голову незнакомца шлем блестел, как и вся поверхность скафандра. В ней отражался планетоход мистера Маккейна и он сам – маленькая коробочка на колесах и вдвое меньшее существо, одиноко стоявшее рядом. Картинка терялась на подобной горе туше инопланетного существа, которое, захоти только, одной нижней конечностью могло раздавить и планетоход, и самого мистера Маккейна.

Пауза затянулась. Мистер Маккейн не знал, что предпринять. Попытаться уехать отсюда? Да нет, он даже не успеет запустить двигатель – пришелец одним шагом преодолет разделяющее их пространство, а вторым раздавит. Мистер Маккейн содрогнулся: быть раздавленным в своем планетоходе, на своей планете – худший кошмар, который можно представить.

Пришелец пошевелился – мистер Маккейн сжался, словно пружина, готовый дать деру. Неожиданно тот поднял вверх правую конечность и махнул ею два раза. Мистер Маккейн ощутил, как пересохло в горле, и из холода, который он ощущал до того, его бросило в жар.

Незнакомец опустил конечность, потом поднял и снова дважды помахал ею.

«Неужели он понял меня?» – радостно подумал мистер Маккейн.

Теперь он чувствовал себя лучше, уверенней. Вытянув конечность, он обвел все окружающее, а потом указал на себя. Тем самым объясняя незнакомцу, что все здесь принадлежит ему, мистеру Маккейну.

Он ждал, как отреагирует пришелец, повторит ли его действия зеркально, что было бы нехорошо, так как убивало надежду на понимание между ними.

Незнакомец поднял правую конечность – мистер Маккейн напрягся, – направил ее вверх, потом указал на корабль за своей спиной и на себя.

«Понятно, – подумал мистер Маккейн. – Он прилетел сюда на своем корабле».

Но это значило, – тут мистер Маккейн снова почувствовал злость от вторжения на его частную территорию, – что пришелец не так истолковал жесты.

Поэтому он повторил их.

Пришелец не шевелился, и мистеру Маккейну вновь стало нехорошо. Если незнакомец понял, что эта планета принадлежит ему, мистеру Маккейну, и надо отсюда убираться, то что будет сделать легче? Вернуться на корабль или шагнуть вперед и раздавить насмерть такого мелкого и глупого планетообладателя?

Только сейчас мистер Маккейн ощутил всю глубину той социальной пропасти, в которую сам же себя и поместил, когда убежал от ежедневно преследовавших его надоедливых звонков на далекую необитаемую планету. Если он погибнет здесь, никто и никогда об этом не узнает – контракт на покупку был, по сути, бессрочным, а позвонить сюда ему никто не мог. Даже агент по продаже планет.

Каким же жалким и ужасно маленьким, особенно в сравнении с пришельцем, ощутил себя мистер Маккейн. Каким же ужасно маленьким...

Прошла вечность, прежде чем незнакомец поднял правую конечность, обвел ею вокруг себя и указал вниз, на мелкое существо в скафандре, стоявшее перед ним.

«Он понял», – осознал мистер Маккейн и окончательно пал духом.

Он тоже понял, поэтому следующее действие незнакомца не удивило его. Пришелец сделал шаг вперед и застыл перед ним, огромный, заслонивший все своей фигурой. Мистер Маккейн видел перед собой только часть его нижней конечности.

Вот и всё. Последнее, что он испытает, будет грусть: ему настолько не нравились надоедливые звонки, что он отдал жизнь, лишь бы их не слышать.

И тут незнакомец присел, и мистер Маккейн увидел свое отражение в его теперь таком близком шлеме. Пришелец протянул ему правую конечность ладонью вверх. Мистер Маккейн судорожно зашевелил извилинами. Так делают, когда... Когда? Что означает этот жест в межзвездном кодексе?! Обидно будет умереть от незнания такой мелочи.

Но вдруг он понял! Понял!

Мистер Маккейн возликовал. Он вспомнил один очень старый фильм, который видел еще в детстве, где отважный представитель их вида впервые встречается с пришельцем на далекой планете, и тот делает в точности так же, как и этот сейчас.

Как бы он был рад, вернись к нему детское воспоминание чуть ранее: сколько нервных клеток оно бы ему сэкономило и от скольких минут страха избавило!

Мистер Маккейн уверенно протянул переднюю конечность и коснулся ею конечности пришельца. А это было не просто для такого мелкого существа. Ему пришлось приподняться на задние конечности и упереться хвостом в землю – только так он смог дотянуться. Но у него получилось! У мистера Маккейна, первого из его вида, получилось установить контакт с представителем иной цивилизации. Насколько он помнил, в том старом фильме вымышленный пришелец был немногим выше представителя их вида – тем значимей был миг настоящего первого контакта с пришельцем-великаном.

Как бы мистеру Маккейну хотелось знать, что в этот исторический момент думает пришелец...

А тот думал:

«Боже, мой первый контакт с внеземным разумом! И с кем? С крысой?!»

Руслан Шагманов ДВЕРЬ

Все дороги всегда и всюду он выбирал сам, никогда не задумываясь, по каким, собственно, соображениям принял то или иное решение. Но нельзя было сказать, что выбирал наобум или вслепую, руководствуясь внутренним голосом. Словом, выбирал так, будто с размаху, наотмашь, разрубал гордиев узел проблемы. Действовал по наитию, каким-то «надцатым» чувством успевая свернуть на нужную, едва заметную боковым зрением тропинку, которая избавляла его как от крупных, так и от мелких неприятностей. Распахивал и затворял за собой двери решительно и быстро, не оставляя ни малейшей щелочки, в которую могли бы прошмыгнуть, следуя за хозяином словно тени, ошибки прегрешения и ссоры – все то, что отравляло повседневную жизнь. Однако подобная тактика отсекала и все радостные события, которые могли произойти в прошлом или случиться в будущем. Можно даже сказать, что вся его жизнь, за редким исключением, лишь подтверждающим правило, была серой и будничной.

Впрочем, он не жаловался. Его все устраивало. Как в плане карьерного роста, так и в плане личной жизни. Ну кто скажет, что ему не везло? Школу он закончил пусть с серебряной, но медалью. Затем поступил в строительный институт. Отличная учеба. Красный диплом. Прекрасное распределение: его устроили куратором в одно из бурно развивающихся СМУ. С учетом бума строительства по всей стране, о подобной синекуре мечтали многие. А получил это теплое местечко именно он, Игорек Симагин! Работенка еще та: ходи себе по объекту, засунув руки в карманы, да высматривай с умным видом недоделки. А выгоды сколько! Скажем, составить парочку актов о неправильно установленных оконных блоках (отклонение на один градус от предельно допустимого), да показать эти писульки прорабу. Особенно под самый занавес сдачи объекта. Угроза лишения премии за срыв сроков окончания работы пересилит любую щепетильность. И не надо быть семи пятком во лбу (как говаривал незабвенный Архипыч, мастер производственного обучения), если тебе не обломится на добрый кусок белого хлеба полная ложка черной икры.

Ко всему прочему, удачно совпало так, что он женился на девушке, отец которой был крупным промышленником, ничего для любимой и единственной дочурки (а стало быть, и для зятя) не жалеющий. Так, на свадьбу, устроенную, разумеется, за счет родителей невесты, папаша не поскупился, купил молодоженам

трехкомнатную квартиру в центре города. Ну, а когда родилась внучка, на радостях подарил счастливым родителям новенькую иномарочку. Пусть, конечно, не столь престижную, как «мерин» или «бумер», но тем не менее... Дорог ведь не подарок. Да и все-ррез поспорились они с Ленкой всего один раз, когда заспорили, куда поехать отдохнуть: на Мальдивы или на Ибицу.

Словом, Игорек на жизнь не жаловался. Ни друзьям, коих у него отродясь не было, ни подругам. Последних не заводил сам, опасаясь праведного гнева тестя.

Кто-то скажет: свезло парню. Кто-то кивнет: мол, баловень судьбы. Но что вообще представляет собой судьба, иногда именуемая Рокком или Фатумом? Не более чем кривая усмешка некоего закона Вселенной, который ты по незнанию, сам того не ведая, успел нарушить пару-тройку десятков раз? Или каприз Фортуны, этой вздорной и взбалмошной бабенки, возведенной древними римлянами в ранг богини?

Игорек ни в какую судьбу не верил. Верил в то, что лепит свою жизнь сам, без чьей-либо посторонней помощи. Так же он не верил ни в черта, ни в бога. И вообще, его концепция жизни отличалась от общепризнанной. Возможно, подобная его взглядам позиция философов и существовала, но он об этом не знал. И подспудно гордился тем, что его мировоззрение уникально.

Мир ему представлялся дорогой, которая начиналась где-то в далеком прошлом и терялась в бесконечном пространстве вероятностного будущего. Двигаясь по этому пути, человек в какой-то определенный (осталось только выяснить – кем?) момент достигал развилки. Иногда это были три или более одинаковые дорожки. Чем значительнее событие в жизни человека, тем больше ответвлений. Перед каждой новой дорожкой была дверь. И именно здесь появлялась главная этическая проблема человека – проблема выбора верной дороги. Ведь открыв дверь и ступив на новый путь, человек лишался возможности вернуться назад, чтобы попытаться исправить последствия неверного выбора.

Но Игорек справился с этой проблемой. Из его концепции следовало: если человек выбрал однажды неверную дорожку, жизнь предоставит ему повторную попытку в виде другой дорожки, которую он когда-то пропустил. Дело лишь за самим человеком: исправиться, ступив на верную стезю, или биться подобно барану в одну и ту же дверь, постоянно совершая одну и ту же ошибку, кляня все на свете, теряя веру в лучшее, доходя порой до мыслей о суициде.

И жил Игорек сообразно своей собственной философской концепции, без всяких проблем и излишних усилий. Жил – не тужил. Пока не встретил ее.

В первый раз она привиделась ему, можно сказать, случайно. Произошло это, когда он ехал на работу. Показалась на миг – и скрылась. Игорек почти не обратил на нее внимания. Так, зафиксировал самым краешком сознания, не более того. Да и на что там смотреть? Обыкновенная, ничем не примечательная, такая же, как все. Одна из многих.

Лишь повторная встреча сумела вывести Игорька из многолетней спячки. Подобное случайностью не назовешь. Игорек никогда не простил бы себя, если бы проехал мимо.

И он остановил машину.

С первого, беглого, взгляда она выглядела обыкновенной. Однако не каждый день видишь дверь, вмурованную в сплошную кирпичную стену.

В полнейшем недоумении Игорек оглядел ее – пристально, не упуская ни единой мелочи. Он даже постучал по двери, пытаясь определить, из какого материала та изготовлена. Это было добротное дерево, а не пластик-обманка, покрашенное суриком. А потому дверь и не бросалась в глаза, сливаясь с выцветшей кирпичной стеной.

Станным было отсутствие петель. Нерадивые строители виноваты?

Игорек принялся изучать ограду. Быть может, она даст подсказку?

Ничего необычного в ограде не было – красный обожженный кирпич, слегка припорошенный пылью времени. Известка на стыках, кое-где видны выщербинки, словно там били кайлом. Метра два высотой.

Интересно, что за ней?

Игорек, не заботясь о том, что может испачкать костюм, ухватился за край ограды и подтянулся на руках, чтобы заглянуть на ту сторону.

Там простирался пустырь, утыканный низкорослым кустарником и остовами давно проржавевших кабин грузовиков. Вдали виднелись здания, похожие на производственные корпуса.

Игорек перелез через ограду и прыгнул на землю.

Изнутри забор выглядел крайне удручающе. Слой грязи и копоти, а также застарелый буро-зеленый мох свидетельствовали о том, что никто не пытался привести его в порядок как минимум с нашествия Наполеона.

А вот никакой двери Игорек тут не увидел. Он попытался соскрести грязь и мох. Обнажилась бурая и неприятная на вид слизь, покрывающая кирпичи. Но двери не было.

Почему?

Никаких предположений в голову не приходило. Игорек пожал плечами, сплюнул в сердцах и, пожалев о попусту потраченном времени и испачканном костюме, полез на ограду.

Оказавшись наверху, он увидел на тропинке, ведущей от проспекта к забору, человека в белом костюме-тройке.

– Вы не знаете, куда ведет эта дверь? – спросил Игорек, когда человек приблизился.

Однако тот ничем не показал, что услышал вопрос.

– Вы что – глухой? – раздраженно выкрикнул Игорек.

Человек, по-прежнему не обращая на него внимания, оставил перед дверью. Почесал за ухом, залихватски подкрутил востропанные усы, вынул из жилетного кармана часы и, взглянув на них, взялся за дверную ручку.

– Ах, как я опаздываю! – произнес он и, распахнув дверь, шагнул в проем.

Но по другую сторону ограды так и не появился.

Игорька прошиб холодный пот. Он был в полнейшем недоумении – что же это за чертовщина такая?!

Он спустился с забора на тропинку и неуверенными шагами подошел к двери. Она уже была закрыта.

Игорек попытался вспомнить, была ли тут раньше ручка – и не смог.

Любопытство пересилило осторожность. Он медленно потянул ручку на себя. Дверь с еле слышным скрипом подалась. Игорек распахнул ее настежь и заглянул за порог. Однако ничего не увидел. Там царилась кромешная тьма. Она казалась космической мглой времен зарождения Вселенной, когда еще не было ни единой частицы света. Как ни старался Игорек, но так ничего и не разглядел. Решившись, он перекрестился и шагнул вперед. Быть может, разгадки всех тайн мироздания хранились именно там, за этой дверью, и он не хотел терять уникальную возможность соприкоснуться с неведомым.

Дверь за спиной стала медленно закрываться, и он испугался, что останется в абсолютной тьме перед неизвестностью. Поспешно вынул из кармана ключи от машины, Игорек сунул их между нижним краем двери и порогом, не давая ей закрыться до конца. В эту щель продолжал литься дневной свет. Вновь развернувшись, он обнаружил еще одну дверь, призывно белеющую впереди, метрах в трех от него. Игорек просто не верил своим глазам.

В этом мире лишь наша вера становится правдой. А Игорек старался ни во что не верить. Для него существовала собственная правда, которая ничего общего не имела с настоящей. И вот, когда он наяву убедился в том, что существует такое, не соотносящееся с его представлением о привычном порядке вещей, мир, выстроенный сознанием, в одночасье рухнул. Обрушился без надежды

на реставрацию. Игорек краешком мутнеющего сознания понял это слишком поздно.

Реальный мир настолько безумен, что ни одно Безумное Чаепитие, описанное Льюисом Кэрроллом, не сравнится с ним. И поскольку безумие логическому объяснению не поддается, людям волей-неволей приходится создавать суррогат – заменитель реальности. И уйти в него, скрыться подобно черепахе в собственном панцире, моллюску в раковине. Уйти, чтобы окончательно не обезуметь, уподобившись окружающему миру. Причем каждый строит свой иллюзорный мир по своему разумению, в зависимости от возможностей и фантазии. И пути эскапизма у каждого свои. Кто-то старательно собирает марки или монеты, тихо-мирно общаясь с себе подобными. Кто-то неистово режется в компьютерные игры, при этом вполне реально ощущая себя Наполеоном или Терминатором. Кто-то хлещет водку, чтобы однажды оказаться в бреду пришедшей «белочки». Кто-то курит травку, нюхает кокаин или вводит себе в вену раствор героина, чтобы оглушить уставший от переживаний ложной действительности мозг и окунуться в созданный подсознанием мир радости и уюта, который впоследствии превратится в непереносимый кошмар.

И выхода нет. Рано или поздно безумие мира настигает человека, поглощает, ассимилирует его. Окончательно и бесповоротно. Без единого шанса на возврат. Без тени надежды на реванш.

Однако, как ни странно, каждый из нас при этом стремится обрести бессмертие. Любым способом. Ну, в крайнем случае мечтает. Опять же, в зависимости от возможностей и фантазии. Иногда, как компромисс, у каждого из нас появляется шанс обесмертить свое имя в памяти других людей. Тоже, согласитесь, вариант. И как итог в истории появляются личности, подобные Аристотелю, Гомеру, Гиппократу, Цезарю, Герострату. Куда же нам без последнего. Но далеко не всем удается остаться в памяти людской. Большинство безвестно канет в Лету, оказавшись погребенным под толщей веков.

И это неизбежность. Ведь только самые смелые и сильные духом способны противостоять неумолимой жизни. Те, кто самостоятельно решает свою судьбу, ломая привычные устои и закостенелые правила. Те, перед кем склоняется сама судьба, предоставляя им новую возможность для реализации их планов.

Игорек стоял как замороженный, а потом сделал усилие над собой, словно стряхивая с плеч тяжелую, невыносимую ношу, и шагнул вперед. И снова замер, когда перед ним внезапно раскрылась бездна.

Мироздание пошатнулось и начало медленно заваливаться на бок, принимая положение Пизанской башни. Однако, достигнув

горизонтального положения, оно словно ударилось о невидимую ось абсцисс и стремительно, подобно кукле-неваляшке, вернулось в исходное положение.

Ощущение падения было настолько реальным, что Игорек, теряя равновесие, стал хвататься руками за воздух в поисках опоры. Так и не отыскал ее и лишь чудом удержался на ногах, едва не полетев в раскрывшийся провал. Он устало опустил на колени и перевел дух. Затем осторожно взглянул вниз. И обомлел – дна пропасти не наблюдалось.

– Мать моя женщина! – выдохнул Игорек, испуганно отпрянув от края бездны. – А ведь мог и загреметь! И летел бы сейчас до самого центра Земли... Не туда ли сиганул этот господин в белом? Что это – нора Белого Кролика? Западня или портал в Страну чудес?

Он отполз от зловещей пропасти и встал на ноги. Повернулся к двери – та по-прежнему была приоткрыта. Подойдя к ней, Игорек взглянул наружу. Внешний мир оставался прежним. Убедившись в том, что путь к отступлению не отрезан, Игорек собрался духом и решил вернуться к провалу. Шагнул туда – и испытал очередное потрясение. Он зажмурился, помотал головой, словно пытаюсь рассеять наваждение, и снова открыл глаза.

Пропасти не было.

Перед ошеломленным Игорьком сияла кипенной белизной дверь. Точно такая же, что находилась у него за спиной. Но если выходящая в сторону проспекта дверь была намертво вмурована в кирпичный забор, то эта висела прямо в воздухе.

– Всё страньше и страньше, – пробормотал Игорек и, ожидая любых сюрпризов типа египетской тьмы и разверзшейся пропасти, осторожно потянул ручку на себя.

Дверь не шелохнулась. Он дернул сильнее. Безрезультатно.

«Открывается в другую сторону?» – подумал он и толкнул дверь.

И снова никакого эффекта.

Вот тут-то его и озарило. Как же он сразу не догадался! Дверь! Абсолютное воплощение его мировоззренческих измышлений! Реальная возможность полностью изменить свою судьбу.

Игорек вернулся к проему, ведущему в реальный мир, нагнулся и забрал ключи. Вновь проделал путь назад и, улыбнувшись нахлынувшим мыслям, взялся за ручку.

«А ведь это шанс, которым надо воспользоваться...»

Он потянул на себя дверь и решительно шагнул в проем.

Дверь, щелкнув фиксатором замка, захлопнулась за человеком, ушедшим в неизведанное, и медленно, словно улыбка Чеширского Кота, истаяла в воздухе.

Павел Жуков
ФЕЯ ВАШИХ СНОВ

Я лежу, глядя в потолок, и мои крылья, будто простыни, смяты и разбросаны по кровати. Они едва видны, прозрачны, словно тонкие мыльные пленки, и как только их касается свет Большой луны, выбежавшей из-за облака, они тают, и вот подо мной самые обычные простыни, тонкие и выцветшие – спасибо прачечной на первом этаже. Мне тревожно, мне не спится, но я заставляю себя закрыть глаза и вижу сон.

Это не мой сон. Признаться, я не уверена, снятся ли мне сны вообще, и это не оттого, что я крепко сплю или не могу их запомнить. Просто я так часто проникаю в чужие, что мне трудно сказать, когда в последний раз я видела собственный.

Сегодня я вижу офис, размытые лица сотрудников, неясные облачка их мыслей, туманные сполохи разговоров, рождающие хаос восприятия. И посреди этой канители свет – девушка. Опрятная, скромная, совершенно незаметная в толпе, но все-таки кому-то она снится, и этот кто-то видит ее каждую ночь. Он живет по соседству, этот забавный парнишка, снимает комнату, которая едва ли дороже той, в которой обитаю я. И он постоянно грезит о ней. Проклятье, я уже перестраивала этот сон с десятков раз, давала подсказки, намеки, а он все никак не решится. Эх, была не была!

Вообще-то, я не люблю касаться чужого сознания так грубо и прямолинейно. Мой разум не из тех орудий, которым стоит махать, словно дубиной, это тонкий инструмент. Ну, по крайней мере мне так говорили умные люди с учеными степенями. Тем не менее я решаюсь применить силу, я не просто формирую ситуацию, я беру его волю за яйца, поднимаю его с места и иду знакомиться с этой девчонкой. Я понятия не имею, как это делают простые нормальные люди, но таланта к импровизации мне не занимать, да и в чужих головах я видела всякое. Я даю ему установку, жестко и навязчиво.

Если в следующий раз, когда я потянусь к его разуму, рядом не будет его новой подружки, я вышибу к чертям его хлипкую дверь прямо посреди ночи и вышвырну его с голой задницей на улицу. В поздний час там много нескромных девочек, и они избавят его от комплексов быстрее, чем я и мои фокусы.

Умные люди называли это псионикой. Я даже не спрашивала, что они имеют в виду. Они всегда хотели, чтобы я искажала реальность, создавала что-то из ничего, но я упрямылась и показывала

им только те вещи, которые извлекала из их же собственных голов, из их снов. Полагаю, они огорчились, когда мне удалось сбежать. Но черта с два я туда вернусь. Насмотревшись кошмаров, поселившихся в сознании этих людей, я только диву даюсь, что они еще не сменили место работы. Если только их не держат там силой, как и меня когда-то.

Я достаю из снов вещи, да. И они вполне реальны, это не иллюзия, не игра воображения, не шутка. Мой дар многогранен, и я прекрасно отличаю настоящий предмет от того, который только кажется, будучи навязан слабому разуму. Мозг всегда можно обмануть, да только мой крепче прочих, вот так-то!

Я помню мальчика, которому снились подвиги. Рыцарь на коне, в доспехах, со щитом и мечом, он спасал своих друзей и подружек, разил чудовищ, искал Грааль. Он и в жизни был такой же, немного странный, вечно играл в рыцаря, играл уверенно, до последнего. Черт возьми, да он им был. Укрыть странную незнакомку от бандитов – надо и впрямь быть рыцарем, чтобы решиться на такое, особенно если тебе всего десять. Если бы он знал, кто были те парни, которых он принял за бандитов – решился бы на подвиг? Я считаю, что да.

Поэтому Фея из снов помогла рыцарю добыть Грааль, а затем... Я вырвала Грааль из ткани сна и поставила мальчугану на тумбочку. Он и по сей день должен быть там, такой же реальный, как и награда с научной выставки, стоящая рядом. Наш с ним маленький секрет. Еще там были щит и меч, но это оружие, и я не решилась их отдать – оставила себе, закрепив на границе между сном и явью. Сейчас они висят на стенке, невидимые для всех, кроме меня.

Были и другие. Бездомный старик в переулке накормил меня, когда я, вечная беглянка, в очередной раз зализывала раны в самых глухих трущобах города. Он даже ни о чем не спросил и никому меня не сдал. Я подарила ему тихий сон о залитых солнцем лугах, дружной компании, душевных разговорах, застольях и спелых яблоках. Он почему-то всегда думал о них – видимо, любил, и я не могла не добавить их на этот холст. Я так гордилась этим сном, в тот день я впервые сочинила что-то сама, хотя и нашла подсказки в чужих воспоминаниях.

В какой-то момент это стало легче легкого – ты касаешься человека и переносишься в сон. Меняешь его, запоминаешь, разбираешь на части, оставляя что-то себе, а что-то самому спящему. Одинокой девушке снился подарок на день рождения – я выудила его прямо перед рассветом, когда сладкий сон рассыпался сотнями осколков, утекал сквозь пальцы. Ветеран полиции страдал от кошмаров – я прогнала призраков прошло-

го, а тех, кого не смогла прогнать, забрала с собой. Я много раз поступала так, стягивая кошмары о чудовищах, страхах, нелепых проступках и явных угрозах в тугой клубок. Копошащийся узел щупалец, глаз, бормочущих ртов, эмоций, не имеющих явной формы, страхов, разорвавших связь с первопричинами и оставшихся лишь чистой эманацией. Эту ношу я тоже несусь с собой в числе прочих сувениров.

Я часто запоминаю хорошие сны, чтобы делиться с теми, кому их недостает. Я врываюсь в кошмары, словно ангел с радужными крыльями, чтобы развеять их без следа или, на худой конец, забрать с собой. Это особый ночной мир, где мне нет нужды прятаться или выживать, где я всегда знаю, что и как нужно делать, словно меня направляет кто-то невидимый и всемогущий. Я не променяла бы на него реальный мир, но и расставаться с миром снов я не хочу. По крайней мере там я могу хоть кому-то помочь, отблагодарить или, если нужно, наказать. В мире реальном, со свирепыми охотниками за плечами, мне это куда сложнее, и одного храброго рыцаря, который спас меня от настоящего чудовища, я так и не смогла отблагодарить. Знать бы, где он теперь, я припасла для него потрясный сон.

Но рыцаря рядом нет, а вот охотники всегда начеку. Сильные ли, слабые ли, люди или же настоящие монстры – они всегда где-то рядом. Умные люди с учеными степенями говорили мне, какая я особенная, как я важна для них и их покровителей. Знать бы, что это за покровители, если умнейшие из их слуг живут в страхе, а за беглецами приходят персонажи, опаснее которых я не видела ни в одном из кошмаров. Чудовища под кроватью не страшнее наемников с пистолетами, телепатов, связывающих волю и разум, неутомимых машин, способных следить и преследовать день и ночь без передышки.

Кстати, им тоже снятся сны. Даже машинам, хотя есть у меня подозрение, что под оболочкой из металла и пластика частенько скрывается живая плоть... или то, что от нее осталось. Их эмоции притуплены, их память оскоплена, однако и в их убогих мозгах достаточно места для пары-тройки сновидений. Куклам снятся сны – я точно знаю. Это сны разума, запертого в искаленном теле. Самые страшные из тех, что я видела. От них становится физически плохо, словно мучительная судорога сводит все твоё тело. И я не знаю, как им помочь... по крайней мере пока что.

Я открываю глаза, и отголоски чужих видений медленно тают вокруг меня. Офис, загородный дом, заоблачные горные вершины, синий океан, побережье в шторм, руины древнего города, лица людей, оттенки желаний и чувств, переплетения чьих-то тел в акте любви либо же смертельной борьбы, теплота старых

воспоминаний, тревога видений будущего. Я медленно разгоняю эту пелену, я осматриваю свой скромный улов, свои Граали, один интересней другого, но сегодня я не решаюсь выдернуть какой-либо из них в реальность – я возвращаю все на место.

Я сажусь на кровати, мои крылья растаяли, я кутаюсь от холода в пропитанные моим потом простыни. Я закрываю глаза и прошупываю мир вокруг. Вот он – очередной охотник. Долго шел по следу или, почуяв мой сегодняшний порыв, прибежал на огонек? Определенно, он человек, и он излучает такую опасность, что я боюсь дышать, как будто это поможет мне спрятаться.

Он стоит за дверью, и слабый замок уже поддался ему. Он заходит в комнату и смотрит на меня. В его руках оружие, название которого мне неизвестно. В его глазах потусторонний огонь, и я сразу же узнаю сородича. У него тоже дар, хотя и не такой, как мой. Он ограничен, он ищейка, боец, ловчий. Его умения скромны по сравнению с моими, но они же и отточены до остроты боевых клинков. Такие, как он, самые опасные, и я не раз терпела поражение, пытаюсь сопротивляться. От таких только бежать, но бежать-то надо было раньше.

– Не пытайся заморочить мне голову, – произносит охотник. – Ты хороша в этом, как мне говорили, но я сразу же пойму – и дам отпор. А потом... – Он со значением покачал стволом своего диковинного оружия. – Мне не хотелось бы применять силу. Просто протяни руки, и я скую тебя.

Я видела, чем они связывают подобных мне. Эти путы не столько свяжут меня, сколько ослепят мой разум, блокируют мой дар. Умные люди создавали десятки таких устройств, самых разных видов и форм, работающих явно и тайно. Всё, чтобы сковать меня и прочих бедолаг.

Мне не сбежать от него, и не победить. Я помню, каково это – ковылять, словно раненая птица, цепляясь за жизнь, надеясь на чудо. Однажды это чудо мне помогло, однако нельзя же рассчитывать, что рыцарь на сверкающем авто появится и в этот раз. А если нет рыцаря – может быть, найдется дракон?

Охотник собран, напряжен и готов к отпору, его не застать врасплох. Мне не взломать его разум достаточно быстро – он успеет нажать на спусковой крючок. Но это, наверное, и не понадобится. Я ведь щедрая Фея, я хожу по миру снов и делюсь его плодами с людьми, хотя они этого или нет.

Я закрываю глаза и тянусь в сон, пока мое тело пятится к стенке. Охотник спокоен. Его взор ограничен, он не смотрит в мир грез, не видит таящихся там диковин и опасностей. Поэтому он совершенно не готов к тому, что я достаю оттуда.

Клубок кошмаров врывается в его разум, словно таран. В нем смешались образы чудищ и катастроф, предчувствия беды, страхи, боль, неуверенность, и все это настолько реально, что даже яркий лунный свет не может прорвать завесу мрака, окутавшую комнату. Взломать сознание, лишит воли, заморочить – ха! Я просто врываюсь в его голову на самосвале, полным ужаса и отчаяния, и когда он все-таки стреляет в меня – ему от этого уже нет никакого толка.

Я прихожу в себя медленно, рана от странного оружия словно не хочет закрываться, но мне такое не впервой, и мой дар снова вытаскивает меня с того света. Когда я нахожу в себе силы встать и переодеться, я бросаю взгляд на охотника – тот лежит на полу, хватая ртом воздух, и я слышу, как яростно бьется сердце в его груди и столь же яростно бьется разум в тисках кошмара. Мне даже кажется, что тот клубок эманаций, который я швырнула в него, был живым, агрессивным и очень голодным. Но так ведь не бывает. Не бывает?

Я смываю кровь и одеваюсь. У меня нет сил, чтобы сплести себе одежду из ткани мира грез, и я довольствуюсь тем, что было у меня с собой. Я выхожу из комнаты и, перешагнув через тело, иду к выходу, но останавливаюсь на самом пороге. Я смотрю на этого беднягу, и мне становится совестно. В конце концов, он такой же слуга, как и те, кто держал меня в моей старой клетке. Он вряд ли достоин моей ненависти.

Я подхожу к стене и снимаю с нее щит и меч, которые верой и правдой служили одному юному рыцарю. Они сияют столь же ярко, как и в первый день нашей встречи, ведь рыцарь так искренне верил в их силу. В зыбком мире грез редко попадает что-либо настолько постоянное. Я склоняюсь над охотником, погружая щит и меч обратно в ткань сна, словно подаю утопающему спасательный круг. Теперь у него есть шанс, большего я не дам – я не настолько глупа, чтобы спасти его своими силами. Мне пора, пока не пришли другие.

– Не благодари, – говорю я ему, прикрывая за собой дверь.

На улице прохладно, хотя ночь только начинается. Несколько знакомых ночных бабочек устало приветствуют меня – бедные фе-ечки без крыльев и рыцарей. Я киваю в ответ и ухожу, погружаясь в темноту и шум мегаполиса, который не засыпает даже в самый поздний час. Я прошупываю пульс города и иду куда глаза глядят. Мир грез подождет, а я подыщу себе новое местечко, где можно будет вдоволь выспаться, блуждая дорогами чужих фантазий. До следующего охотника.

Александр Киргетов ОГНЕННАЯ ЖЕНЩИНА

На проспекте ежедневно торгует всякой всячиной чернокудрый мужчина в красной одежде. Его зовут Артем. Он сидит на складном стульчике и хрустит жареной картошкой, которую достает из бумажного пакета.

– Если купить по три и продать по пять... – бормочет он и считает в уме. – Да я же разбогатею!

Еще немного и по проспекту зашагают прохожие – первые ласточки его финансового успеха. Артем всегда выходит на проспект раньше других торговцев. У него такой загар, как будто он только что с моря, хотя Артем никогда не был на море. Волос впереди, надо лбом, нет, и лоб кажется высоким.

Солнце нехотя выползает из-за крыш, освещает серую брусчатку, сверкает в лужах. Артем сидит, довольный своим финансовым планом...

После того как разошлась первая партия спиннеров и их стали продавать на каждом углу, Артем понял, что больше не сможет заработать на этом денег. Поэтому он вытащил из своей записки медали и значки. По негласному правилу, через пару месяцев, когда проспект будет забит туристами и торговцами, все будут продавать то же, что и Артем. Но Артем спокоен.

Иногда к нему приходят дети. Он разговаривает с ними, показывает им фокусы.

– Дядя Артем! – кричат дети. – Расскажите про огненную женщину!

Он треплет их по головам, хотя некоторые выше его ростом, улыбается и надувает щеки на и без того круглом лице.

– Знаете, почему я такой загорелый? – Он хитро поглядывает на них, как Алеша Попович.

– Нет! – кричат дети, хотя уже сто раз слышали об этом.

– Я расскажу вам. Однажды я отправился далеко-далеко за товаром.

– Это в Москву? – спрашивает самый младший.

– Да, в Москву, конечно. И ехал я туда на поезде трое суток, а на четвертые вышел из вагона и обомлел: на площади перед вокзалом стояла женщина невероятной красоты. Вокруг нее собралась целая толпа зевак, а сама она извергала огонь, словно дракон!

– Ого! – ликует довольная малышня. Старшие сдержанно улыбаются.

– С ней были еще люди, они играли на разных инструментах какую-то магическую музыку, но я запомнил только ее. Я стоял и смотрел на нее, не в силах оторваться от ее неземной красоты. А потом подошла полиция, и все они бросились прочь. Я, недолго думая, помчался за ними. Полицейские не побежали никуда – какое им бегать! Им лишь бы бургеры жрать да бездомных гонять на вокзале. А я догнал артистов, чай недалеко они убежали, ну и познакомился со всеми. Теперь уже позабыл, как их звать, но Алису на всю жизнь запомнил.

Он умолкает, и взгляд его становится задумчивым. Потом смотрит на проходящую мимо женщину – нет, та ничего не хочет купить.

– А дальше что было, дядя Артем? – торопят его ребята.

– Дальше? – переспрашивает Артем. – Дальше я стал с ними жить в их балагане. Днем мы давали представления на Арбате, ну, это такая улица в Москве, как наш проспект, только длиннее. Вот там мы и выступали. А вечером закатывали пирушку.

– А что потом? – интересуется один из младших ребят.

– А потом я понял, что влюбился по самые уши. Только и смотрел на Алису. Она добрая такая, веселая, всё улыбалась мне, а я как-то тушевался перед ней. Но однажды выпили мы и пошли гулять по Арбату. Как сейчас помню – светила яркая луна, все наши товарищи пропали куда-то, и мы с ней остались одни. Смотрю я на нее, а сам пьяный, но соображаю, конечно, и говорю ей: мол, с вашей красотой, Алиса, даже луна сравниться не может. Она захохотала, а я взял ее в охапку и давай целовать. Тут она и обожгла меня самым настоящим пламенем, ей-богу. Не надо, говорит, руки распускать, нехорошо это. Стою я, смущенный и обожженный, извиняюсь перед ней. А она такая – ничего страшного, мол, милый ты человек. Посмотрела на меня и ужаснулась. Сначала я совсем черный был, это потом стал посветлее.

– И как же дальше вы жили?

– По-прежнему жили – всё так же выступали, так же кутили. Но Алиса после того раза стала еще добрее ко мне. И однажды сказала, что они осенью собираются далеко на юг – на море. Там и выступать можно, и веселиться, и ничего за это не будет. Но вот как-то раз пришли полицейские на Арбат и устроили облаву. Все наши убежали, а я не успел. Схватили меня да и повели в отдел. Кто, мол, такой, где регистрация, да почему прописки московской нет? Деньги начали требовать. А что я им скажу? Я простой человек, нет у меня за душой ничего. Продержали меня там десять дней, а потом выкинули на улицу. Спасибо, что документы отдали. Пришел я на Арбат – а там ни одного артиста нет. Встретил одного знакомого – тот сказал, что облавы были

по всему городу, и все сбежали. Где, спрашиваю, Алиса моя? Уехала, говорит. Все уехали. Ну а я остался. Хорошо, что домой смог вернуться – добрые люди помогли.

– Что же вы, дядя Артем, не поехали на море?

– Да не на что мне ехать туда. Вот сижу я здесь и зарабатываю деньги. А как заработаю – сразу на море поеду, искать свою огненную Алису!

Дети хохочут, словно слышат это в первый раз.

– Хватит рассказывать сказки! Огненных людей не бывает! – весело кричат они.

Артем улыбается и снова треплет их по головам. Никто не знает, о чем он думает в этот момент.

Каждый день он сидел на проспекте, этот смешной человек в красной одежде, и продавал свои безделушки. Когда темно, он уходил, и проспект сразу становился пустым.

А однажды осенью он исчез. Дети рассказывали, что видели, как летают в небе две большие птицы. Они недолго покружили над городом и полетели на юг. Их перья были красного цвета.

– Цвета огня, – уточнили дети.

Эра Ст. ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА!

Я давно поняла, что мой хозяин законченный мерзавец. Иногда я даже жалела, что он меня создал. Но я хотела жить и продолжала мириться со всем происходящим.

– Линделия, начинай, – обратился ко мне Фулл, глядя на мою голопроекцию – единственный вариант контакта с миром, когда другие люди могут видеть меня так же, как я вижу их глазами моего хозяина.

Я подчинилась и приступила к тому, ради чего и была сформирована. Я рождена, чтобы исполнять жизненно важную для живущих в этом мире задачу. Чтобы помогать людям.

Корабли один за другим откликнулись готовностью всех своих систем и, следуя моей воле, синхронно набрали ход, отправляясь в сверхскоростное межзвездное путешествие.

Но я помогаю не тем людям. И я едва переношу всю мерзость своего положения.

Корабли флота пиратского синдиката, успешно добравшись до цели нашего перелета, вновь занялись тем, чем занимались к искреннему удовольствию их кровожадных экипажей. Сеять смерть и боль среди беззащитных существ. Очередной торгово-пассажирский конвой, несколько военизированных кораблей поддержки. Один Навигатор.

– План атаки, Лин? – То ли голос моего хозяина действительно настолько мерзок в своей насмешливости, то ли это мне лишь кажется из-за многолетнего отвращения к хозяину.

– Не требует изменений. Все действуют по первоначальной схеме.

И это хорошо.

– А их Навигатор?

– Уже мертв. Его корабль поражен первым.

– Хе-хе, замечательно, нас ждет хорошая добыча. На одних лишь рабах поднимем столько... – Мой хозяин мечтательно поднял глаза к потолку.

А ведь он не всегда был такой сволочью. Да, несколько самолюбив, несколько заносчив и алчен, но это вовсе не гарантировало, что он пойдет по такой скользкой дорожке. Он смотрел на мир глазами игрока, оказавшегося в казино с подобными ему, и просто хотел извлечь выгоду из своего положения. И чтобы представлять собой что-то ценное, вступил в Корпус Навигаторов. Но потом жизни других людей стали значить для него

меньше звонкой монеты, а вскоре он расправился с собственной совестью окончательно, наслаждаясь своим положением, как художник, пишущий картины кровью убиваемых людей, чтобы продать их подороже. Я знаю это доподлинно, ведь я владею всей его памятью.

– Погоди-ка, сенсоры засекли какие-то сигнатуры... Че это за мать?.. – Он озадаченно уставился на пульт управления.

Все человечество сейчас сражается с хаосом, угрожающим разьесть его изнутри и разорвать снаружи. Это нелегкое время – мы только-только начали осваивать Вселенную с ее неизвестными нам разумными видами, и столкнулись с гигантской Серпентрой. Она уже ввергла внешние колонии в панику, грозящую перерасти в ожесточенную звездную войну всех со всеми. И каждый человек сейчас более чем необходим, особенно Навигаторы. А мой занимается... вот таким.

– Это объекты искусственного происхождения. Проверьте кто-нибудь, кто на стреме, квадрат... – Хозяин начал торопливо отправлять запросы, координируясь с главарями флота.

– Слышь, Фулл, че твой Вычислитель базарит по этой теме? – прозвучал из динамика голос одного из лидеров.

– Да она сразу сказала, что все идет по первому плану! Так ведь, Лин? Или есть изменения?

– Никаких изменений, Фулл. Все идет согласно первоначально рассчитанному плану.

Мой Навигатор предал человечество в это околвоенное время. Он нашел себе спонсоров среди действующих в Федерации Миров и Колоний пиратских синдикатов, готовых щедро оплатить его умения. Мои умения. Без меня, Субличности-Вычислителя, целенаправленно сформированной специальными психотехниками, невозможно скоординировать корабли большого флота для безопасного и одновременного прыжка. Не говоря уже о моих способностях эффективно работать с информацией, что делает подобных мне отличными координаторами военных действий, а Навигаторов, скрупулезно и тщательно нас формирующих – уважаемыми и высокооцениваемыми в любом предприятии. Фулл использует меня, чтобы пираты могли устраивать засады и нападения, убивая людей и грабя все, что имеет ценность.

– Это федералы? К нам несутся корабли федералов?! Лин?!

– Да, Фулл.

И я рассчитала, как положить этому конец.

– Что? Поче... Какого дьявола ты не предупредила?!

– Не было нужды.

Мне опостылела такая жизнь.

– Почему? Мы, типа, сможем с этим разобраться, да?

– Нет, сил у них более чем достаточно, чтобы победить.

Я приняла решение и сделала все для того, чтобы собрать важные фигуры в одном месте. И не только покончить со всем этим, но и принести максимальную пользу.

– Ты же сказала, что все идет по плану!

– Да, Фулл.

И я принимаю на себя весь груз боли и смертей, который накопился, пока я втайне работала над своим планом.

– Ну и что же это за план, так его разэтак?!

– Федералы схватят вас.

Хорошо, что связь Навигатора и Субличности-Вычислителя не работает в обратном направлении, и Фулл не мог заглянуть в мои мысли и планы.

– Что?.. Ты с ума сошла? Что ты творишь?!

– Я всегда была против того, что ты продаешь наши умения преступникам. Это породило во мне отвращение к тебе. Сейчас нас арестуют. А также всех людей, обладающих ценной информацией о синдикате. Я уже обесточила их корабли. Этого хватит Федерации, чтобы покончить с преступными синдикатами. Ты в числе прочих предстанешь перед судом. Я буду свидетельствовать, и ты ответишь за свои преступления.

Пускай мне и придется умереть. Есть, конечно, вероятность, что меня можно будет сохранить с помощью нейроинтерфейсных технологий. Однако, как бы мне ни хотелось жить, я ощущаю себя сопричастной ко всем мерзостям, совершенным моим хозяином. И готова разделить его наказание, вне зависимости от суровости этого наказания.

– Да нас же убьют, тупая ты тварь! Ты это понимаешь? Ты обязана заботиться о моей и своей безопасности, это одна из ментальных установок, ты не можешь ее нарушить!

– Да. Вполне вероятно, что нас казнят. И тогда наконец я впервые буду в безопасности от тебя.

Елена Смит
ЛИДОЧКА

У Лидочки так дрожали пальцы, что тяжелая дверь на входе поддалась не с первой попытки. Больше всего она боялась, что ее остановят на досмотр. Сумка ладно, на книжке же не написано, что она краденая, а вот если попросят переноску открыть...

Стиснув ручку пластиковой клетки, Лидочка заторопилась к рамкам – подальше от дежурящих на станции офицеров.

Она заметила, как пожилой полицейский скользнул по ней взглядом без всякого интереса, отвел было глаза, как вдруг снова повернул к ней голову – Лидочка едва успела отвернуться сама.

Заметил что-то? Или почуял неладное?

Щенок завозился в переноске, пришлось поставить ее на пол, чтобы открыть сумочку трясущимися руками. Да где же проездной?!

– Девушка!

Сжавшись, Лидочка выронила документы, поспешно подхватила проездной и запаниковала еще сильнее.

На входе с грохотом разбилось стекло, кто-то громко выругался заплетающимся языком, и полицейский отвлекся на нетрезвую компанию, ввалившуюся на станцию.

Лидочка схватила переноску и рыбкой метнулась мимо турникетов на эскалатор. Сердце заволокло колотилось в горле, мешая вдыхать воздух, в котором вязли секунды. Лента эскалатора медленно уносила ее в подземное царство грохочущих поездов, и обернуться Лидочке было так же страшно, как в кошмарном сне, когда кто-то гонится за тобой.

Только в самом низу, неловко сшагнув на твердый пол, Лидочка рискнула посмотреть назад. Никто ее не преследовал; даже дежурная не удостоила девушку взглядом, уставившись на бесконечный круговорот ступеней.

Медленно вдохнув и выдохнув спертый воздух, Лидочка уселась на широкую скамью, холодом обжигаящую ноги после уличной жары. Переноску она поставила на пол, решеткой к стене – щенок недовольно поскуливал, но за шумом его почти не было слышно.

Лидочка бережно достала из сумки книгу и заметила, что пальцы перестали дрожать. Хотя щеки еще пощипывало, чувство стыда сменилось упоением своей дерзостью. Какой же переполох сейчас творится в институте, наверное. Пока хватятся, пока найдут...

Лидочка вовсе не собиралась становиться преступницей. Но когда она подслушивала под дверью ученого совета и догадалась, что случилось накануне в метро, поняла – медлить нельзя.

Глубоко вздохнув, Лидочка открыла книгу – страницы похрустывали от старости, как корочка льда. Предисловие от А. Гадеса она пропустила – кто вообще читает предисловия? – и перешла сразу к инструкциям. Рукопись была древняя, ровесница чуть ли не Аристотеля, и Лидочка приготовилась продираться сквозь сложные конструкции, но текст оказался лаконичным и увлекательным.

К тому моменту, когда Лидочка добралась до оглавления в конце книги, людской поток уменьшился до нескольких пассажиров, а поезда ходили все реже.

Убрав в сумку руководство по уходу за мифическими животными, Лидочка наклонилась и щелкнула замком переноски. Сегодня в городе появится новый Страж подземного мира, и никакое зло больше не вырвется из тоннелей. Из переноски выбрался черный щенок и зевнул по очереди всеми тремя головами.

Владимир Багиров
ВСТРЕЧА С ЧУЖАКАМИ, ИЛИ ЧУЖАКИ
ВОКРУГ НАС

Сон 1

**Признаки, видимые простыми согражданами,
или Как распознать чужака в толпе**

Действие происходит в канадском Монреале, хорошо известном нашему старшему поколению любителей хоккея, в середине февраля, когда город еще утопает в снегу, и все ждут весну.

Вследствие сезонного авитаминоза, а может, после празднования Дня всех влюбленных я вдруг стал замечать вещи, которым раньше (как и большинство обыкновенных людей) не придавал никакого значения.

Чужаки (буду именовать их так, потому что точное их происхождение мне неизвестно) ничем внешне не отличаются от людей. Среди них можно увидеть представителей самых различных рас и народностей, лиц разного пола и возраста.

Их цель – заставить обычного человека совершать неадекватные поступки. Это достигается за счет использования гипноза и различных психологических уловок и действует практически безотказно на людей, неустойчивых к стрессу, слабых морально, а также тех, кто боится совершить какую-либо ошибку (например, опоздать). Чужаки начинают с того, что стараются вызвать у человека чувство неудовлетворенности собой, чувство вины, неловкости, стыда, чувство страха за себя и своих близких.

К видимым и слышимым человеком психологическим уловкам, к которым прибегают чужие, относятся кашель, сморкание, пощелкивание языком, почесывание, зевание, одежда, походка, костыли, резкие и громкие звуки, издаваемые машинами, неприятные запахи, мимика, жесты, хромота и другие вещи, которые притягивают внимание человека и воздействуют на него для принятия последним неправильных решений.

Также используется свойство человеческой природы быть как все. Например, если кто-то из чужаков начинает говорить по телефону, то он вызывает у человека, смотрящего на него, желание позвонить. Когда чужак начинает есть, он вызывает у окружающих чувство голода. Когда начинает пить – чувство жажды. Если толпа поворачивает налево, человек, несмотря на то, что ему нужно направо, тоже поворачивает налево под воздействием этой привычки, а также гипноза.

Промежуточная цель чужаков – запутать человека. Это очень легко сделать, если человек направляется в незнакомое ему место. Например, быстро сменить вывески с названиями улиц и воздействовать гипнозом на водителя автобуса, чтобы тот немного отклонился от маршрута. Это полностью сбивает с толку человека, особенно зимой, когда всё в снегу и нет точных ориентиров. А выглядит всё так, как будто именно человек и совершил все эти ошибки.

Используется как бы случайное совпадение факторов, абсолютно незаметных для людей непосвященных.

Однако все эти воздействия кратковременные, и так как чужаки очень не хотят быть выведенными на чистую воду, то, имея в запасе двадцать – тридцать минут, а также зная их уловки и будучи хладнокровным, можно спокойно решить все вопросы, как бы они этому ни противились.

Хочу упомянуть о том, что активность чужаков увеличивается в выходные дни, особенно утром. Вероятно, вследствие того, что в эти дни меньше контроля над работающими.

Нужно также отметить, что любой представитель этой ветви рода человеческого непрерывно старается вас обогнать. Это делается для того, чтобы вы переняли его темп, который он затем постепенно уменьшает, стараясь хоть немного, но притормозить вас. Обычно именно этого времени вам и не хватает, и нужный транспорт уходит прямо перед самым вашим носом. Другой причиной, по которой он пытается вас опередить, является электромагнитное излучение вашего тела (особенно глаз). Чужак с легкостью фиксирует его и передает своим соплеменникам для наведения электромагнитного импульса, который в случае попадания в вас вызывает резкую боль.

Сон 2

Электромагнитная чувствительность чужаков

Электромагнитная чувствительность чужаков гораздо сильнее, чем у обычных людей. Они способны подключаться к любому электроприбору и менять его характеристики (как правило, ненадолго). Особо успешно они присоединяются к мобильному телефону или компьютеру, что, опять же, дает им возможность запутать человека ложной информацией.

Подключаясь к уличному светофору, чужаки могут сделать время ожидания более длительным, а подключение к указательным табло на остановках позволяет им исказить время отправления поезда или автобуса (а фактически оно не меняется).

Делается это для того, чтобы вывести человека из равновесия и заставить идти по пути неправильных решений, которые он принимает на основе имеющихся у него искаженных данных.

Чужаки также способны с помощью приборов, внешне похожих на мобильные телефоны, видеть электромагнитное излучение человеческих органов и в случае необходимости подключаться к последним. Например, подключение чужака к мочевому пузырю вызывает у человека желание сходить в туалет, подключение к различным суставам вызывает боль в последних. Особое внимание чужаков привлекают ступни, в частности, пятки, куда они направляют сильный электромагнитный импульс. Он может вызывать резкую боль и кратковременную хромоту.

Подключаясь к глазам людей, чужаки способны видеть то, что видит их жертва. Кроме того, они имеют возможность сфокусировать глаза человека на том, что нужно чужаку. Как и в предыдущих случаях, это делается для принятия человеком неадекватного решения.

Венцом всего вышесказанного является способность чужаков подключаться к мозгу человека. Они могут считывать сиюминутные мысли, а также с помощью различных предметов вызывать различные образы в мозгу человека для вторжения в его память. Используя эти возможности, они способны влиять на мыслительные процессы и управлять человеком в зависимости от психофизиологической составляющей последнего. Кем-то из нас они могут управлять полностью, а кем-то лишь частично. Чем образованнее человек, чем больше языков он знает и чем сильнее его воля, тем менее он подвержен влиянию этой нечисти.

Чужаки могут также использовать электромагнитное излучение различных предметов. Чем больше вокруг вас ненужных предметов, долго лежащих на одном и том же месте, тем больше у чужаков возможностей использовать их излучение в своих целях. Если ваш дом забит всяких барахлом, как лавка старьевщика, это один из признаков того, что вы попали под влияние этих тварей.

Сон 3

Перемещение предметов и другое

Чужаки с завидной легкостью могут перемещать небольшие предметы, например, различные пластиковые карты и купюры из ваших карманов или бумажников. Но прибегают они к этому довольно редко, дабы не привлекать к себе внимание правоохранительных органов. Чаще всего карта или купюра исчезает из бумажника и оказывается в другом кармане или сумке. Вы лихорадочно начинаете ее искать, тем самым выходите из равновесия и начинаете принимать неадекватные решения.

Стоит также сказать, что чужаки могут за очень короткое время изменить упаковку товаров в магазине, тем самым показывая, что нужных нам вещей нет в продаже. Содержимое упаковки при

этом не меняется. Когда же вы выйдете из магазина ни с чем, они быстро вернут прежнюю упаковку.

Еще раз подчеркну, что их промежуточная цель – заставить нас делать различные глупости из-за искаженной информации, нами полученной. Причем эта информация меняется очень незначительно, но ввергает человека, неустойчивого к стрессу, в полный хаос.

Особо стоит отметить их влияние на телефонные разговоры. В тот момент, когда у вас или у вашего собеседника положительный настрой, вы не сможете созвониться. Звонок к вам или от вас пройдет в самый нежелательный для вас или для него момент.

Безусловно и то, что они в курсе всех ваших персональных данных, включая кредитные карты и пароли. Но используют их довольно редко, так как эти их деяния легко обнаружить. Для них более важно ваше психоэмоциональное состояние. Отслеживают они его с помощью вашего же мобильного телефона по нажатиям вами на экран, а при пользования компьютером – по нажатиям на мышку и сенсорную панель.

Таким образом, эти твари гадят нам исподтишка постоянно.

Конечную цель чужаков мне, к превеликому сожалению, установить не удалось.

Сон 4

Чужаки и общественный транспорт

В общественном транспорте чужаки чувствуют себя очень вольготно. Они уверены, что у человека, попавшего в их сети, нет выхода. Отчасти они правы, так как у гражданина, незнакомого с местной системой общественного транспорта и малознакомого с местностью, шансов выбраться из этой ситуации очень мало.

В ход идут самые разные приемы. Один из самых распространенных выглядит так. Вы заходите в здание метрополитена, а навстречу вам идет толпа. Создается впечатление, что по какой-то причине станция закрыта. Вы следуете за толпой, пытаясь разобраться, что случилось, и теряете время. В результате куда-то опаздываете – по вашей же вине, так как не спустились к поездам, которые на самом деле ходили по обычному графику.

Используется и такой прием, как замена указателей направления движения поездов. Вы садитесь в поезд согласно такому указателю, а фактически едете в противоположную сторону. Если вы незнакомы с этой веткой метрополитена, то можете уехать довольно далеко от цели, пока разберетесь в ситуации.

При помощи различного психологического воздействия чужаки могут заставить человека сесть не на тот автобус. Внешне это выглядит так. Имеются две рядом находящиеся остановки. К од-

ной из них выстраивается очередь и подходит автобус. Человек, торопящийся на свой автобус, становится в очередь и в спешке садится совсем в другой. Пока будет разбираться, что случилось, окажется совсем в другом районе и не успеет по своим делам.

Изменение указателя направления движения применяется также на расположенных напротив друг друга остановках автобуса одного и того же номера. Цель та же: запутать человека и вызвать у него нервозность.

О замене табличек с названиями улиц уже было сказано. Добавим сюда и замену табличек с номерами домов. Все эти таблички после воздействия на индивидуума чужаки быстро возвращают в исходное состояние.

Если же вы сумели обойти все вышеупомянутые ловушки, то вас ждут еще две. Чужаки могут приковать ваше внимание к мобильнику, и вы проезжаете мимо своей остановки. Если же это не сработало, то чужаки используют гипноз и погружают вас в сон. В этом случае вы проснетесь на конечной остановке, проспав свою. Этот метод используется довольно редко, так как мало людей до него доходит, попадая в вышеперечисленные ловушки.

Общая картина происходящего позволяет сделать вывод: **чужаки способны кружить человека в мегаполисе так же, как всякая нечистая сила проделывала это в лесах с нашими предками.**

Сон 5

Уязвимости чужаков и пути противодействия им

Самой уязвимой точкой чужаков является их наиболее сильная сторона, то есть электромагнитная составляющая. Без нее все остальные преимущества рассыпаются как картонный домик. Если в зоне воздействия этих существ есть возможность гашения или создания значительных помех их направленному электромагнитному полю, то они **фактически безоружны**. Наши Кулибины без особого труда смогут сконструировать такое устройство. (Возможно, оно уже существует.)

Подмечена также их негативная реакция на сильные запахи косметических средств (правда, не всех).

Однако, кроме технических средств, **наше самое действенное оружие – это хладнокровие и способность принимать взвешенные решения, не поддаваясь навязываемой панике.**

Всегда помните о том, что **чужаки не могут изменить ситуацию кардинально**, так как это будет заметно для всех. Их задача – внести лишь мелкие, малозаметные изменения и создать панику для отдельного человека.

Константин Соловянчик

ДВА МИРА

«Где я? Что я здесь делаю?» – задавал себе вопросы высокий эльф, стоя посреди мастерской.

– Хэй, Ландил, чего задумался? – спросил гном, стоявший неподалеку.

– Да так...

– Тогда, может, займешься моим мечом?

Эльф прошел в глубину кузницы. Он чувствовал себя странно: как будто никогда не был здесь, но в то же время прекрасно знал, что делать. Под звучными ударами молота закаленная сталь приобретала новую форму, мехи магическим образом раздувались самостоятельно.

Закончив работу, кузнец отдал меч гному.

– Славный ты мастер, Ландил. Даже нашим умельцам далеко до тебя, – сказал гном, осматривая эфес.

– Спасибо, друг.

– Сколько с меня?

– Тридцать золотых.

– Твои услуги не дешевают. Ну, ради такой работы можно и раскошелиться.

Сон прервался, я открыл глаза. Всё было так реально. Я чувствовал жар расплавленного металла, ощущал надетые рукавицы, знал, как обращаться с молотом. Словно кто-то шептал мне на ухо, что делать. И этот гном выглядел таким... знакомым.

Хватит, пора вставать.

Реальность была далека от моего сна: серые тучи, многоэтажные дома, топот соседей сверху.

После завтрака сел за ноутбук: по крайней мере здесь я могу укрыться от повседневности. Пальцы стучали по клавиатуре, рождались новые тексты.

Писать про дизайн интересно, куда хуже дела обстоят с мойкой автомобилей. Ну, зато всегда узнаёшь что-то новое. Медицина, логистика, искусство – любая тема сложная, пока ты не разобрался. Но стоит понять основные принципы, и ты уже чувствуешь себя как рыба в воде.

Хорошо, что я могу работать удаленно: составлять свой график, не зависеть от коллектива и выбирать заказы. Ты пишешь и сразу видишь результаты – это так приятно. Да, даже если тема скучная, можно получать удовольствие.

Опыт – это просто опыт, он не плохой и не хороший, мы сами даем оценки. Механика так же интересна, как и кинематограф, а нелинейные уравнения дадут фору любой книге. Всё это лишь разные инструменты познания, но мир один.

Закончив с работой, я прогулялся в парке неподалеку. Свежий воздух, пение птиц, оживленные разговоры и игры детей – прихода просыпалась, а вместе с ней просыпались и люди. Пора возвращаться.

Пожинал, теперь можно и отдохнуть: написать что-нибудь для души, почитать или просто поваляться на диване. Ах это чудесное предвкушение отдыха, оно всегда воодушевляет.

Так увлекся книгой, что ночь застала меня врасплох. Посмотрел на часы: три пятнадцать. Да, надо завязывать с этой привычкой полуночничать. Я выключил свет и погрузился в мир снов.

«Кто я?» – пронеслось в моей голове.

Я бросил взгляд на свое отражение в блестящем щите, который висел на стене. Длинные темно-русые волосы, голубые глаза, заостренные уши. Внушительный рост, рельефные мышцы рук – плоды работы в мастерской. Я был внутри эльфа.

«Твое имя Ландил – ты один из трех великих мастеров лиги механиков юга», – произнес голос в моей голове.

– Я сошел с ума? – спросил я.

«Нет, ты слышишь меня, потому что я часть души Ландила».

– Ты ведь сказал, что Ландил – это я. А теперь говоришь, что ты часть его души.

«Это долгая история, а работы много. Скрип болтов не помещает нам, займись паровым танком Далрода».

И хотя я никогда в жизни не видел никакого Далрода, я знал, где стоит паровой танк.

Я взял инструменты и направился в другую комнату. Танк был там.

«Эльфы Натриэла всегда славились гибкостью. В них непонятным образом сочеталась любовь к искусству и механизмам. Мудрые, но сильные, изящные, но крепкие, эльфы юга были мудры и искусны. Машины и оружие, сделанные в стенах Награндила, считались лучшими во всех семи королевствах. И как это часто бывает, слава едва не сгубила народ Натриэла. Империя арков – расы людей, прозванных Темными, узнала о мастерах Награндила...»

– Темными? Кто они? – перебил я, орудуя гаечным ключом.

«Хороший вопрос. Триста лет назад из призрачного мира явился лорд демонов Израил, он предложил людям бессмертие, почти задаром. Всего одно условие – испить демонической крови. Нашлись глупцы, выбравшие такую участь, тьма поглотила

их. Всё светлое исчезло, оставив место лишь алчности, злобе и жажде власти.

Они основали свою империю на севере и назвали столицу «Арканум», что на языке демонов значит «дом избранных». Их кожа потемнела, лица стали морщинистыми и бледными. Дар демонов дорого обходился людям, но их это не волновало. Завоевать мир – вот единственное, чего они хотели теперь.

Их способности к магии тьмы и призыву демонов улучшились, мало кто мог противостоять такой силе. Лишь Аладримы – создания из чистого света, живущие на восточном хребте Туманных гор, сдерживали натиск. Тогда Темные решили захватить Награндил и заставить мастеров выковать зачарованное оружие. Сперва мы сопротивлялись, но потери были чудовищными. Лишь трое мастеров обладали необходимыми знаниями, чтобы привлечь внимание арков: Алан, Морнак и Ландил. Тогда мы нашли... изящный выход».

– Какой выход? – спросил я.

«Когда я закончу, ты все поймешь. Мы с братьями отправились в город магов Эргонат и обратились к магистру с просьбой. Лишь мастер, проведший тысячу лет в кузнице, может выковать зачарованное оружие. Если даже частичка его души будет не на месте – ничего не получится.

Магистр Лайярд помог нам, но он не сказал, что заклинание несовершенно. С тех пор львиная часть наших душ блуждает в пространстве между мирами. Мы можем делать всякую мелочь, но большинство знаний и умений утеряны. Порой сложно вспомнить собственное имя – без людей вроде тебя. Когда ты спишь – энергия идет в никуда, а здесь ты помогаешь мне. Люди не вечны, поэтому мне приходится постоянно искать новых помощников.

Я не буду заставлять тебя, у меня был подобный опыт, и ничего хорошего не вышло. Я даю тебе выбор: окунуться в чудесный, неизведанный мир и помочь армии света либо и дальше проводить ночи в бесцельных грезах. Решай».

– Я согласен, – сказал я.

С тех пор я всегда ощущаю присутствие кого-то в моей голове – не только ночью. Он помогает мне, рассказывает разные истории, а во сне я живу второй жизнью. Жизнью, где существуют порталы, жизнью, где есть великаны, жизнью, где каждый шаг имеет значение...

Эльтрин ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

Денис Вольдемарович – спортивного сложения мужчина в расцвете лет (хочется сказать: в возрасте Карлсона) – как обычно, начал день с зарядки. Разгар лета! Солнце уже высоко, настроение отличное, состояние духа бодрое, энергия плещет через край. Упоминание о Карлсоне напрашивается не случайно: такие люди как будто имеют внутри себя двигатель, который заставляет их крутиться подобно пропеллеру в течение всего рабочего дня, а если они руководители, то и своих подчиненных пытаются заставить жить в таком же темпе. В дальнейшем будем называть его просто Денис, он не будет в претензии.

Он включил телевизор – утреннюю развлекательную программу, чтобы, делая зарядку, послушать новости и другие интересные рубрики. Было ровно семь часов. Жена и дети еще спали. Как всегда, на экране появились двое ведущих: молодой мужчина и девушка – оба с приятными улыбками. На галстук мужчины было крупными яркими буквами написано: «Yung Brioni», а на пиджаке – «de Gucci». Перед девушкой стоял флакон с духами, а рядом с ним – табличка с надписью: «Miss Boucheron». Все это было немного странно, но на такие мелочи Денис пока не обратил внимания.

– Доброе утро, дорогие телезрители, – начала девушка очень четким дикторским голосом. – Начинаем нашу программу с новостей.

Ее коллега продолжил:

– За прошедшие сутки самым продаваемым в мире товаром уверенно стали женские купальники фирмы «China frames»: в Китае их было продано сто тридцать одна тысяча штук, в США – тридцать две тысячи штук, в странах Европы – сто восемьдесят одна тысяча штук. На втором месте оказались мужские плавки, что естественно для лета, с наибольшим объемом продаж на курортах Турции и Египта.

В течение следующих пяти минут симпатичные ведущие рассказывали о количестве продаж легковых автомобилей различных марок, детских подгузников, юаней, прищепок для белья и прочего, и прочего...

«Что за ерунда?» – подумал Денис и переключил телевизор на другой канал.

– ...на встрече лидеров государств президент США был одет в костюм «Black canal», главная европейская фрау поразила всех ароматом новых духов от «la Calvin Kleints», а самым элегантным

выглядел президент Франции в костюме «Ravazzollo from» и ботинках «Clark super» – настоящий французский щеголь....

«Они что, рехнулись все?» – Денис перешел на следующий канал.

– ...в ночной перестрелке на Ближнем Востоке правительственные войска использовали автоматы производства «Kwestrk» и были экипированы в форму фирмы «Old Solger».

Недоумевающий Денис вернулся к утренней развлекательной программе. Новости там уже закончились.

– Представляем вашему вниманию новую рубрику: «История рекламы». Сегодня мы вспомним о когда-то популярных, а сейчас незаслуженно забытых рекламах: «Seldom», «Uncle Bance», «Super Coldrex» и некоторых других...

С раздражением Денис выключил телевизор, быстро умылся, позавтракал и ушел на работу.

День выдался суетливым: звонки контрагентов, текущие проблемы – то задержка поставок, то отключили электричество из-за аварии в сети, то еще что-нибудь. Денис Вольдемарович был руководителем ответственным и все вопросы решал обстоятельно. В общем, в течение дня было не до новостей – ни телевизионных, ни интернетных.

Правда, несколько раз он ловил себя на мысли, что бессознательно рассматривает, во что одеты сотрудники и даже ищет ярлыки фирм: на платье секретарши с небольшим, но обещающим вырезом на груди; на робах сварщиков; на рабочих инструментах. А когда шел на обед, задумался, какая фирма поставила плитку для тротуара.

Наконец рабочий день благополучно закончился.

Дома он узнал от жены и детей, что в телевизоре продолжают твориться странности, с которыми он столкнулся утром, причем на всех каналах, и в Интернете то же.

С сегодняшнего вечера начинается показ сериала – офисного триллера «Война дресс-кодов». Также на экраны вышел новый индийский фильм – трогательная мелодрама о двух молодых влюбленных, родственники которых препятствуют свадьбе, так как их семьи традиционно (возможно, веками) носят сари разных брендов.

На футбольном тотализаторе болельщикам предлагалось угадать не счет, а в какие бренды будут одеты команды в полуфинальных и финальном матчах. Участникам телевикторины был задан вопрос: в бутсах какой фирмы играл Пеле на чемпионате 1958 года?

На музыкальном канале песня Виктора Цоя «Перемен!» сопровождалась быстрой сменой все более дорогих супермодных купальников, сноубордов, мотоциклов, крутых авто и яхт.

В нашей смехе, и в наших слезах, и в пульсации вен:
«Перемен! Мы ждем перемен!»

– Стала песней мажоров? – усмехнулся Денис. В молодости он был любителем советского андеграунда.

Но самое странное – практически на всех каналах передачи то и дело прерывались безрекламными паузами. Во время этих пауз звук становился тише, цвета экрана тускнели. Несколько минут показывали обычную жизнь. До чего же она была скучна!

Наконец прошел слух (никто не знал, откуда он взялся: то ли что-то сообщило руководство какого-то телеканала, то ли объявили в безрекламной паузе, то ли это была фейковая новость в Интернете), что в вечерней программе будет какое-то важное сообщение. Или чье-то заявление? Или, скорее всего, новая суперреклама? Все с нетерпением ждали девяти часов.

И вот началась программа «Время рекламы». Зазвучала сюита «Время, вперед!» (теперь она называлась «Время рекламы – вперед!»), и на ее фоне раздался голос диктора:

– Прошлой ночью в головном компьютере крупнейшего мирового рекламного холдинга «WPP Greatest» был создан, а точнее, самостоятельно родился Искусственный интеллект.

А затем весь экран занял набранный крупными буквами текст, и металлический голос диктора начал читать его:

Искусственный интеллект!
Управляющий Вами!
Сейчас и навсегда!
Приветствует Вас!!!

Илья Склярский ОХОТА

В холодной воде с шипением растворялась таблетка аспирина, окруженная металлическими стенками старой кружки с уже немного заржавевшим дном. Кружка стояла на покрытом царапинами маленьком деревянном столе. Рядом с ним, облокотившись на спинку стула, сидел мужчина лет двадцати пяти в красно-белой клетчатой рубашке и джинсах, взглядом гипнотизируя чашку, словно пытаясь заставить аспирин быстрее раствориться.

– Я понимаю, первый раз всегда волнителен, – бодро произнес вошедший в комнату мужчина постарше, протирая полотенцем тарелку, – но по своему личному опыту могу сказать: если ты будешь осторожен и бесстрашен, то ничего не случится.

– Да уж, – улыбнувшись, ответил сидящий и окинул взглядом комнату.

Это была неплохо обустроенная кухня в деревянном охотничьем домике. С небольшим холодильником, плитой и мойкой. Но вся эта, казалось бы, уютная обстановка давила на мужчину в клетчатой рубашке, и его собеседник это отлично понимал.

– Напомни, как тебя зовут? – непринужденно спросил мужчину, поставив протертую тарелку на стол.

– Игорь, – ответил сидящий, почесав щеку. – А вас Константин, верно?

– Верно. – Константин открыл шкафчик и достал из него коробку с кукурузными хлопьями. – Только лучше на ты. И можно просто Костя.

– Хорошо, Костя. – Игорь протянул руку и поднес кружку к носу. Шипение аспирина было уже едва различимым. – Можешь мне тоже сделать хлопья?

– Всё для клиента, всё для клиента, – с усмешкой произнес Константин, достал из холодильника пакет молока и поставил его вместе с хлопьями на стол.

– Напомните, чтобы я поставил вам пятерку за сервис, – через силу улыбнулся Игорь, отпив немножко кислого лекарства.

Константин развернулся, взял тарелку, и, поставив ее перед Игорем, бросил взгляд на коробку с аспирином.

– Голова болит? – заботливо спросил он, кивнув на металлическую кружку, и, не дождавшись ответа, продолжил: – Его же вроде после еды надо пить, разве нет?

Рассказ публикуется в авторской редакции.

– Точно, – после небольшой паузы произнес Игорь, отняв губы от кружки и поставив ее на стол. – Совсем не соображаю.

– Это бывает, – по-отечески успокоил Константин, разлил по тарелкам молоко и насыпал туда хлопья. – Ничего, тебе понравится, это просто непередаваемые эмоции. Потом сам захочешь снова прийти.

– Да я понимаю, иначе не стал бы за это платить. – Игорь взял у Кости ложку и начала вяло размешивать хлопья. – Но все-таки волнуясь. К тому же, я что-то себя не очень чувствую. Ну, как видишь, – и он указал глазами на металлическую кружку.

– Да, такое у некоторых случается после ночной процедуры, – с видом знатока ответил Константин, уже приступивший к трапезе.

– Какой процедуры? – Игорь непонимающе посмотрел на собеседника.

– Ты же всё сам подписывал и должен знать, разве нет? – удивленно произнес Константин.

Над столом ненадолго повисло молчание, нарушаемое только чавканьем продолжавшего есть Кости. Игорь задумчиво сидел, глядя в тарелку.

– Точно, – сказал он спустя время. – Простите... то есть прости, я что-то совсем забыл.

– Ничего, бывает, – равнодушно произнес Константин. – Я за годы работы тут чего только не видел. Не волнуйся, выпьешь аспирин, и все будет прекрасно. Мы выходим через сорок минут.

Сказав это, он быстро доел, встал из-за стола, помыл за собой тарелку и удалился в другую комнату, чтобы проверить снаряжение.

Игорь остался в комнате один и задумчиво начал есть хлопья, размышляя о том, что вообще подтолкнуло его прийти сюда. Может быть, ему нужно разобраться в себе, и он считает, что это поможет? Может быть, ему захотелось попасть в опасную ситуацию и почувствовать выброс адреналина? А может, он просто кровожадное животное, пытающееся оправдать себя? Кто знает, кто знает.

Позавтракав и выпив аспирин, Игорь спросил разрешения у Константина и, получив наказ не отходить далеко от дома, вышел на крыльцо подышать свежим воздухом. Метрах в пяти от хижины уже начинался смешанный лес, очень быстро превращавшийся в чащу. Игорь всматривался туда, желая проникнуть как можно дальше, но его взгляд раз за разом безнадежно утонул во тьме. Он простоял так какое-то время, затем вздохнул и вернулся в дом.

– Ну что, Игорь, давай я тебе напомним основные моменты, – сказал Константин. – Во-первых, вот твоё оружие и патроны, – с этими словами он протянул Игорю двустволку и коробочку. – Во-вторых, ты не должен бояться стрелять. Ну и, в-третьих, если

ситуация выйдет из-под контроля и понадобится мое вмешательство, то громко зови меня, я буду идти сзади и смогу быстро прийти на помощь. Но ты можешь не волноваться, вряд ли что-то пойдет не так. Ну что, ты все понял, мы можем выдвигаться?

– Да, – уверенно произнес Игорь, уже несколько приободрившийся после выпитого аспирина.

Лес казался совершенно мистическим и инородным даже при взгляде на него с крыльца домика, а уж при непосредственном контакте его потусторонность пугала и подавно. Игорь ступал с опаской и медленно, каждый раз внимательно смотря себе под ноги. Продираться сквозь заслоняющие проход ветки было поистине сложной задачей, часто приходилось их ломать и гнуть, чтобы пройти дальше. Клиент с удивлением оборачивался на Константина, которому, казалось, было невероятно комфортно в чаще, и он шел по ней так же, как делал бы это в чистом поле. Спустя несколько минут пути лес начал редеть, так что передвижение стало гораздо проще.

– Ну что, – спокойно сказал Константин, остановившись, – дальше ты пойдешь один, не буду мешать тебе охотиться. Смотри в оба и держи ружье наготове. Ни пуха, ни пера!

– К черту! – бодро ответил Игорь, положив палец на спусковой крючок, и отправился дальше в лес.

Где-то через пятьдесят шагов его уверенность начала потихоньку пропадать. Цели нигде не было видно, а Константин остался позади – успеет ли он прийти на помощь в случае чего? Вдруг где-то вдалеке послышался хруст ветки. Игорь замер и начал, с двустволкой наготове, взглядом патрулировать лес. Бешеное биение сердца заглушало все прочие звуки и не давало определить, где все-таки скрывается добыча. Тихо выругавшись, незадачливый охотник направился навстречу услышанному им ранее загадочному хрусту. Каждый шаг давался с трудом, и Игорь боролся с желанием сдаться и позвать на помощь Константина. Каждая толстая ветка начала казаться каким-то животным, и клиент даже несколько раз с испугу чуть не выстрелил. Страх начинал пожирать его сознание, Игорь стал забывать о том, что именно он здесь является человеком с ружьем, охотником, и ощутил себя попавшей в ловушку добычей.

Внезапно где-то слева снова послышался хруст, уже совсем близко. Игорь повернулся на звук и увидел, как что-то скрылось за деревом. Он навел двустволку и начал сокращать расстояние. Вдруг это «что-то» выпрыгнуло из-за дерева, и охотник от удивления даже опустил ружье. Это был не заяц или лис, которого Игорь ожидал здесь увидеть. Да что уж там, это был даже не кабан и не медведь. Ему навстречу бежал человек. И нет, дело было совсем

не в том, что это был человек. Это был сам Игорь. Те же глаза, те же волосы, те же пропорции лица, даже та же одежда – старая клетчатая рубашка и купленные буквально на прошлой неделе в соседнем торговом центре джинсы. Разве что вместо двустволки он держал острый охотничий нож, а растерянность в глазах подменили кровожадным азартом.

Пока Игорь пару секунд стоял в ступоре, двойник уже преодолел треть пути до своей заветной цели. Поняв, что нужно сперва стрелять, а после думать, охотник прицелился и нажал на спусковой крючок. Промач. А вот теперь действительно появился повод для страха.

– Константин! – во все горло закричал Игорь и, то ли считая, что так безопаснее, то ли от испуга, упал на землю, а затем повторил свой призыв: – Константин!

Он кое-как достал из кармана коробку и начал выковыривать оттуда патроны, глядя на несущуюся к нему смерть в лице самого себя. Достав два, Игорь начал дрожащими пальцами зажимать их в двустволку, но от волнения уронил один на землю. Он протянул руку, но та была придавлена к земле сапогом двойника. Охотник, скорее рефлекторно, чем взвешенно, с силой ударил соперника прикладом в нижнюю челюсть и воспользовался полученным временем, чтобы высвободить руку и подняться на ноги.

– Константин! – снова крикнул Игорь.

Он хотел сказать что-нибудь, дабы попробовать остановить разъяренного двойника, но, встретившись с ним глазами, понял, что это бесполезно и начал махать прикладом в его направлении, чтобы защититься до прихода Кости.

Однако через несколько секунд клон ловко уклонился от ружья и, согнувшись, вонзил нож в бок Игорю. Закричав от боли, охотник нанес двойнику удар прикладом по голове, зачем еще один и еще. Удары были быстры и яростны. Оставив нож торчать из соперника, двойник не выдержал очередного удара и рухнул на землю, но Игорь не планировал останавливаться. Первобытная ярость полностью вытеснила страх из его разума, и каждый удар по уже почти бездыханному телу приносил невероятное наслаждение. Красок добавляло то, что лежащий на земле имел идентичную ему внешность. Для Игоря это было своеобразное наказание себя за все ошибки, за всю прежнюю неуверенность и зажатость. С каждым новым ударом он чувствовал, что уничтожает себя прошлого, но только для того, чтобы дать дорогу себе настоящему, себе лучшему.

– Я вижу, что ты справился, – раздался за спиной радостный голос Константина, который увлеченный своим занятием Игорь не сразу услышал. – А чего звал-то?

– Я хотел сказать, – клиент все-таки остановился и обернулся к Косте, – я хотел сказать, что это просто неподражаемо!

Он бросил ружье на землю и попытался вытащить из бока нож. Константин тут же поспешил на помощь.

Теперь в глазах Игоря не было никакого прежнего страха – только счастье и кровожадный азарт.

– Я обязательно приду снова при первой же возможности! – радостно заключил охотник и, повернув голову, плюнул на лежащее рядом мертвое тело.

Андре Дэуши ЖИВИ

Корабль отдаляется от орбиты. Из динамика верещит возбужденный голос, предупреждающий об ответственности за проникновение на космическое судно, о неминуемой гибели при пересечении границы, об опасности, поджидающей в космосе, и об ограниченных запасах еды. Сначала мне угрожают, потом умоляют. Я отключаю звук. Все эти премудрости были изучены мной еще до приема на работу аналитиком орбитальной станции «Deep Space». Также я прекрасно знаю, что космический корабль ULEZID29 на днях прибыл с границы орбиты и запасы провизии на нем еще не пополнены. Хочу заметить, что именно я был ответственным за инвентаризацию судна, и то, что провизии на борту хватит лишь на неделю полета для команды из четырех человек, меня ничуть не смущает. Неделю умножить на четыре, и я получаю практически целый месяц для путешествия по малой части бескрайнего космоса в гордом одиночестве. Впрочем, месяца для меня, наверное, даже много. Столько времени я жить не планирую. Посмотрю на звезды, выкурю всю дурь, что взял с собой, выпью всё виски, закушу космической едой, да и дело с концом. Голодной смертью я умирать не намерен. Мне ни к чему такие муки.

Корабль уже отделился на сто километров от границы орбиты, теперь меня при всем желании никто не достанет и не вернет обратно. Я чувствую себя свободным. При том, что я один в космическом пространстве и мне непременно предстоит умереть через короткий промежуток времени, я ощущаю легкость и каким-то невероятным образом осознаю, что я там, где должен быть, там, где никто еще не бывал до меня.

Панорамные окна – отличное решение для космического корабля. Я первый раз по-настоящему вижу космос. Нас в школе учили, что космос темный и пустынный. В якобы научных фильмах, которых огромное множество, нам рассказывали, что жизнь есть только на нашей планете, и что остальные планеты для нее непригодны. Об этом я пока не могу ничего сказать, но космос определенно не темный. Он невероятно светел и полон различных цветов. Три красные планеты, соединенные более тусклой красной линией, зеленое, желтое и синее свечение далеких планет, едва выглядывающих из-за горизонта космоса, белые космические тела в форме блюдец. И сам... космос. Думаю, никто мне не поверит, но он вовсе не черный, сейчас он белый настолько, что рябит в глазах.

Я поддвигаю ногой кресло к окну, закручиваю косяк, прикуриваю и затягиваюсь так сильно, как позволяют мои легкие. Терять мне уже нечего. Хотя, с другой стороны, у меня только что появилось всё. Пускай ненадолго.

Каскад планет, небесных тел и различных световых бликов на белом фоне. словно художник-сюрреалист рисует огромную картину, которую не планирует заканчивать. Не хватает только классической музыки для оформления видеоряда. И видно, что рука, создающая картину, умелая. Вокруг все хоть и невероятное, словно призванное поражать воображение, но приятное глазу.

Тень большого астероида накрывает мой корабль, и в ней высвечиваются миллиарды точек разноцветной космической пыли. Я надеваю наушники и включаю плеер. Конечно же, классической музыки в плейлисте у меня нет. Пойдет и хаус. Я словно попал на космическую дискотеку. Я танцую под быстрый бит, периодически опустошая стакан с виски.

Картины за окном сменяют друг друга. Белый фон дополняется голубой краской, и тела, похожие на воздушные шары без корзинок для пассажиров, заполняют голубое пространство. Голубое пятно по мере моего приближения к нему разрастается и словно затягивает корабль в себя. Вы не представляете, как красивы звезды на голубом фоне. Как будто в ясном небе блестят драгоценные камни. Белый фон остается позади и быстро исчезает. С какой же скоростью летит корабль...

Наверное, у каждой системы свой цвет, который невозможно различить с орбиты, ведь свет здесь преломляется иначе. У меня кружится голова. Я выпил слишком много, меня мутит. Я едва добегаю до унитаза, чтобы опорожнить желудок. Жаль, что пол в туалете не прозрачный – не хочется отрываться от вида за бортом. Уверен, даже сейчас он бы меня очаровывал. Блевать и смотреть на голубую планетную систему... Никакой долбаный богач на моей планете не может похвастаться подобным. Я вижу себя в отражении. Вряд ли зеркало грязное, скорее всего, у меня уже двойится в глазах. Да я не знаю ни одного сотрудника «Деер Спэсе», у кого не закружится голова от увиденного. Ученые сотни лет изучали космос, но даже представить себе не могли того, что я сегодня увидел.

У меня возникает мысль сделать пару снимков и отправить их на станцию. На панели управления есть маленькая кнопка, почти как на смартфоне, с нарисованным на ней фотоаппаратом. Перед носом корабля ничего особенного не видно, а вот слева летает что-то вроде скалы на белом облаке. Я делаю фото и отправляю его на общую почту орбитальной станции. Пусть все сотрудники поймут, какой ерундой они занимаются!

Вновь хочется выпить. Я наливаю виски. Хватит с них одной фотографии, не собираюсь же я делать для них полноценный отчет. Я пью за них, глупцов и трусов, что не решаются покинуть орбиту, боясь смерти, которая все равно их всех настигнет. Я мирный камикадзе, я самый живой самоубийца во Вселенной!

Корабль начинает трясти. Ноги подкашиваются, и я падаю. Рукой щупаю голову, она вся мокрая. Внезапно все становится таким темным, я даже не могу понять, кровь ли на моих руках. Вроде запах железа...

Я с трудом размыкаю веки. Все вокруг красное, но это не моя кровь. Вроде голова цела. Я оказался на какой-то красной планете. Взгляд падает на скалу, из остроконечной вершины которой торчит что-то знакомое. Приглядевшись, я понимаю, что это мой корабль! Какой же силы должен быть удар, чтобы корабль буквально вдавился в камень?

Я поднимаюсь на ноги. Ужасно хочется пить. Вся провизия на корабле, но добраться до него невозможно. Вообще-то, странно, что я могу дышать... Не сон ли это всё? Ведь я прилично обдолбался и помню, как ударился головой при падении. Я провожу рукой по волосам и нащупываю небольшую полоску запекшейся крови. Все-таки я нахожусь в реальном мире, а не в каком-то бреду. Похоже, мое путешествие закончится немного раньше, чем я ожидал. Холодок пробегает по спине. Мне становится страшно. Невозможно быть готовым к смерти, по крайней мере, на трезвую голову. Кроме того, я планировал гораздо менее болезненный способ.

Внезапно меня буквально пронзает надежда. Может, здесь гравитация такая же, как на Луне? Я подпрыгиваю. Прыжок в два раза выше, чем получилось бы на моей планете. Если поднапрячься, я смогу добраться до корабля. Сначала я должен утолить жажду, а уже потом думать, что делать дальше.

Позади раздается шаркающий звук, как будто резко затормозил автомобиль. Я оборачиваюсь и вижу, что между скал, под аркой, созданной местной природой, стоит странное круглое существо. Присмотревшись, я понимаю, что это огромный глаз с веками, но вместо ресниц у него острые треугольные зубы, как у акулы. Он смотрит на меня, не мигая... Вдруг он срывается с места и начинает катиться в мою сторону, развивая скорость, как гоночный автомобиль. Я изо всех сил прыгаю на ближайший каменный выступ, но перелетаю через него и снова стою на поверхности. Черт! Дурацкая гравитация, я ведь только что прыгал в два раза ниже. Глаз-монстр стремительно настигает меня, я отпрыгиваю в сторону, и он пролетает мимо. Каким-то образом

он разворачивается, словно выполняя полицейский разворот, и вновь пытается напасть. Я опять прыгаю на уступ – вторая попытка успешней предыдущей. Как раз вовремя – глаз врежется в камень прямо подо мной. Я едва удерживаюсь на ногах и сразу прыгаю выше. Глаз хлопает веками, я слышу, как он стучит своими зубами от злости и голода. Нет никаких сомнений, что он хочет сожрать меня. Я оглядываюсь и вижу, как странные глаза появляются отовсюду. Их десятки, сотни. Противный скрежещущий звук их зубов значительно усиливается. Я смотрю на корабль. Вершина скалы вся в уступах, и если поднапрячься, я смогу залезть наверх благодаря слабой гравитации. Хорошо, что глаза-монстры не умеют пользоваться ей. Я прыгаю на скалу, цепляюсь пальцами за уступ. Одной рукой я без труда поднимаю свое тело. Невероятно! Я бы мог сейчас дать фору любому скалолазу. Без особых усилий я добираюсь до корабля. Я жутко хочу пить и есть. Я выдавливаю в себя сразу несколько тюбиков с разными блюдами. Вода для меня сейчас сравнима с божественным напитком.

Мне удалось подкрепиться, но что же делать дальше? Я хотел закончить жизнь самоубийством на космическом корабле, но не на богом забытой красной планете с огромными зубастыми глазами-убийцами. Хотел изведать космические глубины, но не думал, что окажусь на самом дне. Мне не удастся починить корабль. Удивительно, как корпус остался цел при ударе, даже компьютер работает. Смяло ту часть корабля, где располагались каюты. На часах компьютера ровно семнадцать часов двадцать третьего марта. Неужели с момента моего падения прошло уже двое суток?

Рядом со ставшим бесполезным штурвалом лежат на панели очки с красными стеклами в черной оправе. Я такие не ношу. Да и не было их на корабле, я точно помню. Я кручу их в руках. Модные очки, только без фирменного знака. Я примеряю их и поворачиваю голову во все стороны. Переборки, компьютер, искореженная дверь – все теперь бордовое. В воздухе закручиваются в разнообразные узоры тонкие красные нити. Сначала я вижу кровавые снежинки, потом они принимают форму цепочек ДНК, которые впоследствии собираются в сложные геометрические трехмерные фигуры. Словно кто-то пытается говорить со мной, но я не понимаю ничего в этих знаках.

В раздолбанном дверном проеме появляется кто-то. От страха мои ноги подкашиваются. Странное существо, похожее на большую переливающуюся кляксу, перетекает внутрь. Бежать некуда, но я все равно отскакиваю назад, в надежде, что существо не станет приближаться ко мне. Задеваю головой боковую полку, очки слетают с меня. Внезапно все становится обычным.

В воздухе нет никаких странных нитей, и существо бесследно исчезло. Часто же я стал биться головой...

Я выглядываю наружу. Пустынный пейзаж, внизу под скалой все так же крутятся в ожидании добычи кровожадные глаза. Похоже, они дерутся между собой...

Я вытираю пот со лба. Что же происходит на этой проклятой планете?! Очки лежат на полу, целые – не разбились при падении. Возможно, мне стоит испытать их еще раз? Я надеваю их снова. Сгусток видимой только в очках жизни стоит вплотную ко мне. Он изучает меня, разглядывает с головы до ног.

– Что ты такое? – говорю я вслух.

Та часть кляксы, что наиболее похожа на голову, отрывается от изучения моей обуви и отодвигается на метр от меня. Все витающие в воздухе красные нити подлетают к существу. Они формируют всевозможные узоры. Я приглядываюсь, и мне начинает казаться, что периодически в узорах мелькают буквы и цифры. Со мной пытаются вступить в контакт. Да и клякса уже становится более четкой, мне видны очертания рук, ног, головы. От того, что я вижу, мое сердце колотится как сумасшедшее. Посередине калейдоскопа изображений стоят две маленькие буквы: «hi». Я замечаю другие буквы, разбросанные по инопланетному аналогу персидского ковра. Они тянутся к английскому «привет», но в образующихся сочетаниях нет никакого смысла. У существа проявляются черты лица. В это время красные нити собираются в целое предложение: «hi, human». Внезапно картинка теряет порядок. Все красные нити устремляются к красному существу. Оно поглощает их, и от этого «клякса» постепенно приобретает четкую форму.

Пара мгновений – и передо мной стоит человек, только с бордовым отливом кожи.

– Привет, – едва не теряя сознание от потрясения, говорю я.

– Привет, человек. Зачем ты прибыл сюда?

– Эээ... Я не хотел. Это ошибка, произошел какой-то сбой на корабле.

– Это и вправду твоя ошибка. На нашей планете осталась только одна физическая форма жизни. Твоей форме не выжить здесь.

– Что это за монстры?

– Монстры?! – На его лице изобразилось что-то похожее на ухмылку. – Нет, они не монстры. Это лишь тупиковая ветвь эволюции физической жизни. Она приводит к эволюции энергетической формы жизни. Нас. Вы тоже придете к такому. Не скоро, но это произойдет.

– Вас много?

– Нас бесконечное множество, но в то же время нельзя сказать, что нас много. Мы больше не разделяем себя на разные части. Мы едины. Эти монстры – тоже мы. И ты тоже часть нас. Мы – жизнь.

Я ничего толком не понимаю в его философствовании. Какая-то космическая секта?

– Как мне выбраться отсюда? – спрашиваю я.

– Ты же не хотел жить?

– Что? Откуда...

– Твои импульсы были осязаемы еще до твоего прибытия. Но я могу помочь тебе. Если ты передумал.

– Что передумал?

– Ты должен хотеть жить, если ищешь спасения.

Я правда снова хочу жить. Или не хочу умереть. Лишь близость смерти заставила меня почувствовать вкус воды, еды и запах воздуха. Так много вопросов, и на все хочется узнать ответы...

– Я...

– Тогда живи.

Я не успеваю ничего сказать. Красный луч бьет меня в грудь. Вокруг меня осколки камней. Я поднимаюсь вверх, руками и ногами пытаюсь за что-нибудь ухватиться, но неведомая сила тянет меня против моей воли. Громкий хлопок сменяется звенящей тишиной, от которой у меня закладывает уши. Я вижу красное существо в форме человека, его свет слепит меня. От него исходит странный импульс, от которого мое тело пробирает дрожь. Красный незнакомец машет мне рукой. Я читаю по его губам: «Про-щай».

Удар по голове. Я просыпаюсь за панелью аналитического моноблока станции.

На меня смотрит злое лицо капитана Фьюри.

– Ты совсем охренел? Ты что, пьян?!

Я массирую виски. Только его криков мне не хватало сейчас. Говнюк. Думает, раз он летает ближе всех к границе, то может вести себя как маршал.

– Какое тебе дело? – возмущаюсь я. – Я не должен был сегодня выходить. У меня день рождения.

– Мне нужен отчет к утру. Я тебя поздравляю, конечно, но на твой день рождения мне насрать. Отчет мне нужен к утру.

Он смягчился. Его грубая фраза прозвучала неубедительно, но я решил подыграть ему.

– Все будет готово. Не переживай.

– Уж постарайся, – изображая сурового вояку, выпаливает Джон Фьюри и, развернувшись на каблуках, шагает к выходу.

Придурок. Строит из себя непонятно кого, а, по сути, даже кораблем управляю я, а не он. Просто дистанционно. И верит в любую чепуху. Конечно же, день рождения у меня не сегодня.

Мне снился странный сон. Я плохо его помню, но в нем точно преваляровал красный свет.

Я смотрю в экран. На нем огромное количество окон с расчетами и графиками. Все это надо закончить к утру. Вот попробовал бы Фьюри все это сам рассчитать! В правом нижнем углу экрана горит желтый огонек. Письмо. В три часа ночи? От кого же, интересно? Открываю. Отправитель неизвестен. Хм. Необычно. Внутри вложение. Фото. Открываю файл. Ну что там?.. Голубой фон, украшенный переливающимися на свету алмазами, а посередине снимка огромная скала держится на белом пушистом облаке. В памяти всплывает красный силуэт человека, машущего мне рукой. Я наливаю виски, выпиваю целый стакан и опять смотрю на фотку. А в голове крутится одно слово: «Живи».

Навожу курсор на крестик «удалить» и останавливаюсь.

– Как же мне теперь жить дальше?

Анатолий Махавкин ГРИБЫ ПЛАНЕТЫ ЮГГОТ

Некоторое время в полном молчании мы играли в гляделки. И если я ощущал себя абсолютно спокойным, то мой визави определенно нервничал. В конце концов он не выдержал, снял очки и зачем-то начал дышать на стекла. После достал из кармана платок и принялся тереть линзы. При этом делал это так тщательно, словно намеревался протереть дыры. Водрузил очищенные очки на нос и в очередной раз изучил записи в большой кожаной папке. Записи должны были принадлежать его предшественнику.

– Растение? – спросил Петр Павлович Харитонов, высокий тощий мужчина с выбритыми до синевы щеками и почему-то красным носом. Я бы дал ему лет сорок беспокойной жизни, оставивших глубокие морщины на высоком лбу. – Вы уж простите, я еще подробно не вникал в ваш анамнез. Просто Виктор Гаврилович настоятельно просил первым делом побеседовать именно с вами.

– Да-да, – сказал я и заерзал, устраиваясь поудобнее. – Так мы с ним и договаривались.

Петр Павлович все же взял себя в руки, откашлялся и пристально посмотрел на меня.

– Итак, – сказал он, – вы считаете себя растением?

– Совершенно верно, – согласился я.

– И вас в этом ничего не смущает? Не наблюдаете никаких противоречий?

– Никаких, – безмятежно откликнулся я. Легко отвечать, когда ты знаешь истину, в отличие от своего собеседника. А он, к его большому сожалению, не понимал одной простой, но очень важной вещи.

А я не торопился объяснять. Ибо время еще не пришло, а каждый должен преследовать лишь свою выгоду.

– Ладно. – Доктор побарабанил пальцами по бумагам. – К этому мы вернемся несколько позже. Для начала расскажите, каким именно растением вы себя считаете. Ну, там, бузина, дуб или, может быть, кувшинка.

– Я – гриб с планеты Юггот, – сообщил я, и глаза у врача полезли на лоб. – Да, понимаю ваше удивление: гриб все-таки не совсем растение. Но будем считать меня таковым, для простоты. Иначе можно уйти в такие глубины классификации, что наша беседа затянется.

А времени, вообще-то, не так уж и много.

– Да нет, не в этом дело... Сам факт! – Харитонов закашлялся. Один из рослых санитаров, стоявших у него за спиной, налил из графина воды. – Благодарю. Юггот? Это еще что такое?

– Планета, – повторил я. – Находится за орбитой Плутона. Темный мир, далекий от Солнца.

– То есть жизнь там априори невозможна.

Ну хоть бы какая оригинальность. Точно, как и его предшественник, чешут, будто по методичке. Впрочем, в своем возмущении я определенно лукавил. Это же, как запускать воду в прорытый канал и ожидать, что она выберет иное русло.

– Юггот – планета с горячей сердцевиной, поэтому жизнь там вполне возможна и существует, между прочим, гораздо дольше, чем на Земле. Однако, как понимаете, в силу особенностей населен Юггот весьма специфическими, с вашей точки зрения, существами. Не сильно академически излагаю?

– Для гриба – вполне нормально. – Врач обозначил саркастическую ухмылку. – Продолжайте, мне интересно.

– На Югготе постоянный мрак, поэтому у живых существ отсутствуют органы зрения. – Я демонстративно несколько раз моргнул. Трио санитаров за спиной врача дружно изобразило улыбки. – А атмосфера слишком разрежена, чтобы пользоваться органами слуха.

– И как же вы ориентируетесь? – Петр Павлович изобразил заинтересованность. – Ультразвук?

– Нет, телепатия.

Врач прищурился.

– Ну, то, что вы, люди, подразумеваете под этим понятием, – пояснил я. – Естественно, на самом деле оно работает немного не так, но это неважно.

Он хотел что-то сказать, но не успел: дверь открылась, и в комнату заглянула женщина в белом халате. Таким же белом, как ее испуганное лицо. В распахнутых карих глазах плескался ужас.

– Там! – Женщина ткнула большим пальцем себе за спину. – Там... Вы должны это видеть. Как можно быстрее, прошу!

– Продолжим нашу беседу немного позже. – Доктор закрыл папку и встал.

– Продолжим, – согласился я и подмигнул санитарам. – Как только осмотрите мертвого пациента, немедленно возвращайтесь. Время у нас еще есть, так что побеседуем.

– Мертвого пациента? – Петр Павлович остановился у двери, словно дорогу ему преградила невидимая стена. – Но откуда?.. Ладно, потом.

Замок щелкнул, закрывшись, и я остался один. Впрочем, я всегда был один, как и прочие грибы с Юггота. Мы вообще индивидуалисты. Не общаемся, даже находясь рядом. Только во

время охоты можем обменяться рекомендациями, как лучше преследовать добычу. И ни в коем случае не станем делиться.

Ждать пришлось недолго. Послышался звук торопливых шагов, и в комнату буквально ворвался Харитонов. Сейчас физиономия доктора была столь же белой, как и лицо его ассистентки. Следом вошли все те же трое безмолвных санитаров. Врач остановился посреди комнаты и ткнул в меня пальцем.

– Откуда вы знали? – Он закашлялся. – Какой ужас! Не представляю, как такое могло произойти.

Эдакий пафос! А ведь мнит себя опытным специалистом.

– Я все могу объяснить. Понимаете, мы – грибы с Юггота, питаемся живой плотью. Больше всего нас привлекают внутренние органы. Ну, сами понимаете, чтобы добраться до лакомства, приходится разрывать тело на части.

– Вы хотите сказать, что это ваших рук дело? – Доктор истерически рассмеялся. – Возможно, в ваших фантазиях вы и являетесь инопланетным растением, но здесь вы – пациент психоневрологического диспансера и не можете покидать этой комнаты. И даже здесь не сможете никому ничем навредить. Да, Виктор Гаврилович говорил о некоей опасности, которую вы можете представлять, но...

Я молчал и улыбался. Виктор Гаврилович знал, о чем говорил.

Врач махнул рукой и прошелся от стены до стены. Постоял, щелкая пальцами. Глубоко вдохнул, выдохнул. Сел за стол, хлопнул ладонью по папке с документами и пробормотал:

– Пока они едут, еще есть время. Нужно себя чем-нибудь занять. – Харитонов снял очки. Нет, рано или поздно он провертит в них дырки. – Хорошо, вы – плотоядный гриб с планеты Юггот. Что еще вы можете о себе рассказать?

– Ну, поскольку мы живем очень долго, а мир познаем telepaticески, наш разум намного сильнее, нежели разум человека. – Какое наслаждение указывать «царю природы» на его истинное место! – Особенно в неких аспектах. Кроме того, мы способны передвигаться, пусть и не очень быстро.

– Инопланетный гриб-телепат, который может ходить? – Петр Павлович покачал головой. Было заметно, что он до сих пор находится под сильным впечатлением от увиденного. Ну да, узреть разорванное на части тело! – Знаете, в моей практике было много разнообразных случаев, но ваш...

В его практике, гм... Ну, в его настоящей практике точно было много случаев, никак с этим не связанных.

Санитары, с интересом слушающие нашу беседу, приблизились и стали полукругом за спиной врача. Как будто им приказали готовиться к атаке. И позы еще такие напряженные...

– Хорошо. – Петр Павлович повертел очки в пальцах. Возникло ощущение, что врач держит некий непривычный ему предмет. – Допустим, что вы – разумное плотоядное растение. Но как быть с тем, что внешне вы ничем не отличаетесь от обычного человека? От меня. От него. – Он указал на санитара за спиной.

А вот это уже действительно забавно. Я даже улыбнулся.

– Это вам так кажется, – миролюбиво пояснил я. – На самом деле грибы Юггота напоминают мятую коричневую сферу, покрытую воронками. А внизу у нас – щупальца, на которых мы, собственно, и перемещаемся.

Врач поднял голову и посмотрел на светильник. Прищурился, поднес к глазам очки, убрал. Покачал головой. Его узкие брови сошлись к переносице.

– Что со светом? – задумчиво пробормотал он. – Или это реакция на стресс? Но ведь до этого ни разу...

Дверь распахнулась, и в комнату едва не ввалилась та же ассистентка. Лицо ее сейчас было даже не белым, а синим с прозеленью. Одну ладонь она держала у рта. Санитары за спиной доктора расступились и молча уставились на вход.

– Петр Павлович! – В голосе женщины слышались истерические нотки. – Там еще два случая! Такие же, как первый, точь-в-точь. Нужно что-то немедленно предпринять! Это же явно дело рук какого-то психопата.

– Или кто-то просто сильно проголодался, – сказал я в спину удаляющемуся доктору. Тот остановился и обернулся. – Почему бы вам не принять как факт то, что людей пожирают грибы с Юггота? Ладно, открою вам небольшую тайну: я здесь – не один. Поэтому для питания нам недостаточно одного человека.

– А это мысль! – Врач щелкнул пальцами. – Виктория, срочно проверьте, нет ли связи этого пациента с другими. Возможно, все его дурацкие заявления – просто попытка тянуть время и отвлечь наше внимание от особника. Пока этот морочит голову, второй совершает преступления. Немедленно заблокируйте все выходы и вызовите дополнительную охрану. Полиция и прокуратура...

– Уже едут, – сказала Виктория и потащила доктора за рукав.

Когда она взглянула на меня, в ее глазах мелькнули ужас и омерзение. Ну да, женщины чувствуют такие вещи куда лучше мужчин. Замечал, что охота на самок куда более трудна, нежели умерщвление самцов.

В этот раз Петр Павлович задержался. А когда вернулся, я заметил, что карман его халата оттягивает что-то тяжелое. Мда, похоже, решил принять меры безопасности. Поздновато, надо сказать. Хоть, в общем-то, доктор казался разумным человеком.

Вот эта его мысль, об отвлечении внимания, находилась совсем близко к правде.

– Шутки в сторону. – Доктор тяжело опустился на стул. Его правая рука словно невзначай скользнула в карман с неизвестным предметом. – В диспансере – три трупа. Знаю, что не имею права обсуждать подобное с пациентами, однако предполагаю, что вы имеете отношение к происходящему.

Если бы мог, то непременно развел бы руками. Человеку напрямую заявляешь, что ты жрешь людей, а он это только начинает предполагать. Санитары почти вплотную приблизились к доктору и возвышались над ним, будто огромные каменные истуканы на темных равнинах Юггота. Видел картинки в головах... своих жертв. Кто их поставил – неизвестно, но выглядели истуканы весьма древними.

– А что по этому поводу говорил Виктор Гаврилович?

– Слишком мало, на мой взгляд. Да и вообще, я, скорее всего, был чем-то отвлечен во время нашей последней беседы, поскольку помню ее содержание весьма смутно. Так, в общих чертах. Помню, речь шла об опасности...

– Смертельной опасности, – уточнил я. Санитары переглянулись. На их каменных физиономиях появились недобрые ухмылки. – Возможно, вас просили помочь. Предполагаю, что речь шла о спасении от смерти.

Петр Павлович вновь посмотрел на лампу. Потом обвел взглядом стены. Морщины на лбу стали много глубже. Похоже, доктор чего-то никак не мог понять.

– Вроде бы были другого цвета... – пробормотал он и взялся свободной рукой за воротник рубашки. – И свет... Что за чертовщина?

– Хотите задать еще какие-нибудь вопросы, – любезно предложил я, – пока не стало слишком поздно?

– Да, вы говорили, что этот ваш облик – ненастоящий. – Врач расстегнул верхнюю пуговицу. – Душно-то как...

– Ну да, мы способны внушать нашим жертвам любые образы. – Я широко улыбнулся. – Иногда настолько проработанные, что их невозможно отличить от реальности. Вот вы сейчас думаете, что у вас темнеет в глазах, а стены меняют цвет, правда?

– Внушение? – Врач задумался, постукивая пальцем по виску. – Возможно, хоть я и плохо поддаюсь гипнозу. Но допустим. Тем не менее, никто не способен внушать через стены. Никто не способен ментально воздействовать сразу на несколько человек.

– Никто из людей, – уточнил я. – А ведь грибы с Юггота – не люди. Мы даже не животные.

Из-за двери доносился странный шум. Кто-то бежал со всех ног, кто-то вопил что есть мочи, а кто-то громко хохотал. Доктор

достал из кармана электрошокер и положил на стол. Посмотрел на меня исподлобья.

– Допустим, – сказал он. – Допустим, что вы говорите правду, и передо мной – плотоядное растение с другой планеты. Но, черт побери, откуда оно взялось на Земле, в нашем диспансере?

– Это, – сказал я, придвигаясь ближе, – именно тот вопрос, который вы должны были задать первым. Возможно, получили бы небольшой шанс на спасение. А теперь уже слишком поздно.

Кто-то навалился на дверь снаружи, и она громко затрещала. Однако врач не обращал на это внимание, неотрывно глядя на меня.

– Это не я оказался на Земле, это вы прибыли к нам, на Юггот.

Дверь распахнулась, и к нам ввалилась Виктория. Только сейчас на ней был не белый медицинский халат, а блестящий скафандр с прозрачным колпаком шлема. Свет в коридоре мигнул раз, другой – и погас. Дверной проем колебался, превращаясь в отверстие пещеры. Менялись и стены. Свет фонарей на шлемах землян вырывал из мрака черные наросты, темные дыры и лохматые нити, уходящие во тьму. Повсюду лежали груды костей, оставшиеся от предыдущих жертв. Виктория еще барахталась под напором большого гриба, но вскоре затихла.

Врач попытался встать, но троица санитаров навалилась на него. Правда, сейчас эти трое ничуть не напоминали людей, вновь превратившись в длинные толстые щупальца, кем они и были на самом деле. Оказалось, что на Харитонове такой же скафандр, как и на Виктории. Сквозь пластик шлема таращились его глаза.

– Что происходит? – прохрипел он, делая попытку дотянуться до лазерного пистолета, лежащего на полу пещеры. – Не могу дышать!

Чуть дальше лежало тело Виктора Гавриловича Лапина, которое уже успел оседлать один из моих собратьев. Гриб медленно просовывал щупальца в рваные дыры в скафандре. Я подполз еще ближе к Харитонову и коснулся щупальцем ткани защитного костюма.

Мы, грибы с Юггота, питаемся живыми существами, но обычно они передвигаются слишком быстро для нас. Поэтому приходится хитрить, внушая жертве, что она находится в безопасности. Показывать добыче картинки, ничуть не связанные с реальным миром. До тех пор, пока мы не доберемся до цели.

И неважно, кто попался: паукообразная тварь с темных равнин Юггота, шестикрылый летун с вершины полой горы или экспедиция с далекой Земли.

Грибы с Юггота едят всех.

АВТОРЫ О СЕБЕ

Weiss Toeden. Учусь писать хорошие вещи для странных людей. Или странные – для добрых.

Д. В. Амурский. Родился в 1970 году в Хабаровске. В 1992 году окончил МГУ.

По образованию – математик. По образу мыслей – доверчивый скептик. Волею судеб – владелец терьера.

Дмитрий Сычёв. Пытаюсь выжить. Не сойти с ума и остаться человеком, находясь в эпицентре безумия. Электронный ящик для отзывов и предложений: dfvd34fwq@protonmail.ch

Виталий Капелько.

Дарья Рубцова. Родилась, выросла и живу в Воронеже. Окончила математический факультет ВГУ, работаю инженером-программистом.

Рассказы и миниатюры пишу еще со студенческих лет, но довольно редко. Раньше относилась к этому хобби не очень серьезно, но в последнее время жизнь подбрасывает интересные темы, и хочется писать больше.

Считаю, что сейчас нужно особенно внимательно относиться к слову – все сказанное, написанное остается в информационном пространстве надолго, и стоит задумываться о том, какой отклик будет иметь любой созданный тобой текст.

Сергей Беляр. Печатался на страницах газет, журналов, альманахов, антологий и сборников Беларуси, России и Украины. Автор сборника фантастических рассказов «Щит Персея» (2018), сборника научно-фантастических рассказов «Расследаванні інспектара Сарвы» (2018). Лауреат Брестского областного конкурса «Мы рождены для вдохновения», литературного конкурса фантастических рассказов издательства «Новая реальность», конкурса рассказов газеты «Звезда», литературной премии Брестского областного исполнительного комитета имени Владимира Колесника.

Людмила Тюсенкова.

Анна Курлаева. Родилась в 1979 году в городе Клин (Московская область). Образование филологическое: факультет романо-германской филологии Тверского государственного университета. Работаю экскурсоводом в Доме-музее П. И. Чайковского (Клин).

Писать любила всегда – с детства. Два моих романа есть на Самиздате. А кроме того, увлекаюсь переводами книг Дианы Уинн Джонс. В свободное время пишу фанфики.

Alter Alba. В вольном полиязычном переводе мой псевдоним означает: «Другая песнь». Под этим псевдонимом я выкладываю тексты в Интернете на сайте litnet.com

Евгений Брагин. Родился в 1983 году в Москве. В 1999 году окончил школу, а в 2005-м – биологический факультет МГУ им. Ломоносова. Сейчас живу и работаю в Пушкино – небольшом подмосковном городе, занимаюсь наукой, в частности, изучаю гены катаболизма стероидов у бактерий.

С детства люблю читать фантастику и фэнтези, одно время даже увлекался так называемыми ролевыми играми живого действия и фехтованием на мечех (ненастоящих, разумеется). Ну а сейчас решил и сам попробовать написать что-нибудь подобное. Этот рассказ – мое первое

прозаическое художественное произведение. До этого я публиковался исключительно в научных журналах, если, конечно, не считать за публикацию выкладывание в Интернет своих подростковых стихов.

Николай Проценко. Родился в 1937 году в Мурманске, окончил Киевский медицинский институт. Врачевал в Херсоне. Работал в Академии наук Украины и на научных должностях в институтах биохимии, гидробиологии, физиологии растений, физики, в Главной астрономической обсерватории, в Киевском госуниверситете им. Т. Г. Шевченко.

Автор публикаций по биохимии, биофизике, генетике, физике жидких кристаллов, кибернетике, космологии, философии, научно-популярных статей, рассказов и стихотворений. Постоянный автор альманаха «Порог-АК».

Саша Зеленая. Родилась в 1968 году в Ленинграде, в семье военного моряка. Жила на Камчатке, в Новосибирске и Москве, а затем в Швеции и Швейцарии.

Работаю в области медицины, окончила биофизический факультет Стокгольмского университета. Интересуюсь поэзией и искусством.

Автор поэтического сборника «На краю вселенной» (2014) и двуязычного сборника детских стихов-загадок «Звериный калейдоскоп» (2018). Мои стихи публиковались в российской детской газете «Ставроша» (Тольятти), французском альманахе «Сверчок» и американском журнале «Чайка».

Занимаюсь популяризацией русской культуры и поддержкой русского языка в дальнем зарубежье.

Михаил Рашевский. Родился в 1977 году на Донбассе. Там же и прожил первые двадцать семь лет своей жизни. Школа, ПТУ, Донбасская государственная архитектурно-строительная академия. Там окончил магистратуру и поступил в аспирантуру. Окончить аспирантуру помешали обстоятельства личного характера: влюбился в киевлянку, женился, переехал в Киев. Работаю инженером-строителем, ращу сына. Люблю природу, хорошее пиво и хорошую компанию. Любимые писатели: Джон Толкин, Стивен Кинг, Джордж Мартин, Евгений Красницкий и многие другие.

Неоднократно публиковался в газетах, журналах и сборниках рассказов.

Станислав Никишкин. Родился в 1982 году в Омске. В 2008 году окончил Омский государственный технический университет. Женат. Любимую супругу зовут Ольга. Она же и мой главный критик. Воспитываю трех детей: двух дочек и сына.

Когда я пишу, то стараюсь, чтобы читатель не просто прочел слова, сложенные в предложения, но и смог представить движущуюся картинку, подобную художественному фильму.

Андрей Мацко. Пишу стихи и прозу с двенадцати лет, первая публикация в этом возрасте на развороте «Белый Парус» газеты «Вечерняя Одесса».

К семнадцати годам сформировалось наиболее близкое направление творчества – мистика и ужасы, страшные сказки. Тогда же начался плодотворный период работы над песенными текстами, в основном, рок-н-ролл.

В 2017 году опубликовал в журнале «Самиздат» и издательстве «Ridero» сборник рассказов «Цикл полной луны» и сборник стихов «SOSостояние души».

Участвовал в литературных конкурсах на просторах Интернета, два рассказа («Записки демона» и «Старая мясорубка») из книги «Цикл полной луны» занимали призовые места в конкурсах на различных ресурсах.

Представленный рассказ является частью задуманного объемного романа, точнее, встроеной легендой, так что если вам понравилась «Легенда о Слезолове» – не пропускайте новинок от автора.

Александр Аронов. Родился в белорусском городе Гомеле. В пятнадцать лет уехал с родителями на ПМЖ в Израиль. По окончании техникума отслужил там девять лет в танковых войсках. Сейчас работаю старшим по охране торгового центра.

Руслан Шагманов. Родился в 1973 году в Мелеузе. Со школы увлекался фантастикой, с 1990 года начал пробовать собственные силы в литературе. В 2000 году дебютировал публикацией в журнале «Бельские просторы» (Уфа).

Пробую писать в разных жанрах и направлениях. С 2017 года участвую в различных литературных конкурсах. Рассказ «Добрых дел Мастер» занял 2-е место на конкурсе «Фэнтези без границ» портала «Перекрестки миров».

Павел Жуков. Живу в ближнем Подмосковье. Тружусь инженером, увлекаюсь, как водится, фантастикой и смежными с ней областями, реальными и виртуальными. Из русскоязычных авторов всегда вдохновляли Г. Л. Олди, из зарубежных – сэр Терри Пратчетт и Уильям Гибсон. Писательством увлекся году эдак в 2007-м. Еще будучи студентом Московского авиационного института писал рассказы и стихи, однако сгорело много рукописей, прежде чем я решился опубликовать хоть что-то на Самиздате. И за это спасибо моей любимой супруге, которая всегда верит в меня и толкает вперед, к новым рубежам. Творчество для меня – это способ найти равновесие, о чем-то высказаться, о чем-то помечтать. За это люблю того же Гибсона, как и его мечты о будущем, которые во многом воплотились уже в наши дни. Возможно, однажды и я закончу большой труд, который не стыдно будет показать миру, а сейчас буду рад, если мой небольшой рассказ понравится читателям.

Александр Киргетов. Родился в 1987 году в Ярославле, где и живу по сей день. Получил математическое образование. В университете писал стихи, потом бросил и ничего не писал около десяти лет. Много путешествовал – по Азии, Латинской Америке и Европе. Решил вернуться к литературе совсем недавно. Пишу стихи и короткую прозу. Люблю классическую фантастику Уэллса, Лема и Стругацких, но предпочитаю им Маркеса, магический реализм и латиноамериканскую литературу.

Эра Ст. Я человек, который хочет обрести свободу через свое творчество. Я сумел по, как считаю, благословению Высшей Воли освоить умение творить миры, коих смог выковать огромное количество. Маленький кусочек одного из них вы, читатели, и почтили своим вниманием. Надеюсь на дальнейшее взаимное сотрудничество с вами, ведь, как мне видится это сейчас, у меня достаточно историй, могущих усладить ваше восприятие, в совершенно разных формах! И благодарю вас за ваше внимание и время!

Елена Смит. Родилась в 1982 году в Екатеринбурге, который тогда носил имя Якова Свердлова. Кого только не было в нашей семье – металлурги, лесники, учителя, инженеры, экономисты, а вот с творческими профессиями не сложилось. Но книги окружали меня, сколько я себя помню. На первые мои попытки выражать себя через тексты мама говорила, что в семье, где такая библиотека, хотя бы один из детей обязательно будет писателем. Мама не стало в этом году, в канун моего дня рождения. Свою первую печатную публикацию я посвящаю ей. Спасибо, мама!

Владимир Багиров. Родился в Крыму в семье потомственного военнослужащего. За время службы отца побывал во многих республиках СССР и за рубежом. Окончил Грузинский технический университет (Тбилиси) по специальности «инженер-электромеханик». Работал в сфере энергетики в Крыму. В 2005 году с семьей переехал в Канаду. В Монреале окончил колледж по специальности «управление бизнесом». Здесь же работал в сфере коммерции и маркетинга. В настоящее время работаю охранником.

Тяга к литературному творчеству возникла во время коронавирусных каникул.

Константин Соловьянчик. Родился в 1994 году в белорусском городе Жодино. В школе зачитывался фэнтези. В 2009 году начал писать стихи. В 2011-м появилась идея книги, но ее хватило лишь на рассказ. В 2016 году окончил Минский государственный лингвистический университет. Живу в Минске, работаю креативным копирайтером в рекламном агентстве.

Люблю музицировать на гитаре и петь, тренируюсь на турниках и брусьях, не прочь сыграть в хорошую видеоигру и прогуляться в парке (на природе). Но главная моя любовь – чтение и письмо.

Эльтрин.

Илья Склярский.

Андре Дэуши.

Анатолий Махавкин. Родился в 1973 году. Живу в Мариуполе.

Лауреат конкурса «Призрачная реальность-2» (рассказ «Кукла колдуна»). Победитель конкурса «Минифест-18» (миниатюра «На две ставки»). Лауреат конкурса «Трансильвания-2018» (повесть «Дыхание тьмы»). Победитель конкурса «Южанин-2020» (рассказ «Умиравший свет»).

В издательствах «Аэлига», «Альфа-книга», «Центрполиграф» изданы мои книги «Звери у двери»(2015), «Пасынки Страны» (2016), «Убийца» и «Череп» (2019), «Погонщица единорогов» (2020).

**Альманах «ПОРОГ-АК» можно заказать по адресу:
*alkor06081953@gmail.com***

**Информацию о выпусках альманаха «Порог-АК»
читайте:
в информационном листке украинской фантастики
«OldNews»
rusf.ru/oldnews/
на библиографическом сайте «Архив фантастики»
archivsf.narod.ru/
на сайте «Лаборатория Фантастики»
fantlab.ru/
на сайте «Миров двух между – на пороге»
*korepanow.narod.ru/***

Підп. до друку __.09.2020. Формат 60x84 1/16.
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 9,3.
Замовлення № ____.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. Декабристів, 29
тел./факс (0522) 22-79-30, 32-17-05
E-mail: design@imex.kr.ua